

КРЕСЛИ КОУЛ

Если обманешь

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Когда-то могущественный аристократ искалечил лицо Итану Маккаррику. Но еще более глубокие шрамы остались у него на сердце. Гордый шотландец жил только мечтой о мести... Прошло десять лет. Мэдлин Ван Роуэн, дочь его врага, подросла и стала красавицей, и в душе Итана созрел жестокий план — влюбить ее в себя, обесчестить и бросить. Поначалу все идет так, как было задумано. Но неожиданно Итан понимает: жажда отмщения уступила место жгучей и властной страсти, которая сильнее любой ненависти. Что, если Мэдлин узнает о его прежних намерениях? Больше всего на свете Итан боится ее потерять...

Кресли Коул

Если обманешь

Айвли-Холл, Бакстон, Англия

Весна 1846 года

Итан Маккаррик находил привлекательной ту скучавшую замужнюю женщину, которую вскоре собирался ублажить.

Хотя в настоящий момент он не мог судить об этом вполне здраво, поскольку при оценке его восприятия следовало делать скидку на выпитое виски — универсальный корректор женских прелестей. Сейчас, после получасовой скачки на холодном ветру до ее особняка, он был все еще пьян. Даже пьянее, чем прежде.

Однако Итан уверил себя, что женщина была красавицей. В ее роскошной спальне он снял сюртук и швырнул в направлении дивана, но промахнулся. Даже в одурманенном алкоголем состоянии он отметил ее видимое спокойствие, что мужчины прощают только красавицам. К тому же ранее, в затемненном зале бакстонской таверны, она проявила достаточную уверенность, обратившись к нему с предложением о свидании сегодня вечером. И она нисколько не сомневалась в том, что он не сможет отказать ей.

Итану показалось, что у нее был французский акцент и что она довольно высокая, хотя сейчас и полулежала, а до этого, когда впервые встретились, они совсем недолго стояли рядом. Этого времени ей хватило лишь на то, чтобы передать ему надушенную записку с указанием дороги к ее дому, попросить о соблюдении осторожности и нашептать, чем она предполагала заняться с ним.

В жилах двадцатитрехлетнего Итана струилась горячая кровь, так что ее непристойные планы казались ему вполне приемлемыми.

Он направился в угол просторной комнаты, к стоявшему там столику с бутылкой виски, а она потянулась за ним, встав на колени на кровати.

— Ты выждал пятнадцать минут после нашего отъезда со служанкой? — Она опасалась, что слух о ее недостойном поведении мог дойти до мужа.

Итан налил себе виски.

— Да, выждал. — Он в любом случае не поехал бы вместе с ней. Какое первое правило повесы? На свидание с женщиной, с которой намереваешься переспать, нужно отправляться только на собственной лошади, чтобы можно было сбежать, когда захочется. В противном случае она будет приставать всю ночь.

Итану претило общаться с назойливыми женщинами.

— Кто-нибудь видел тебя по дороге сюда? — спросила она.

— Нет, никто.

— Дело в том, что я не могу допустить, чтобы мой муж услышал о...

— Достаточно! — Он еще не пользовал ее, а она уже начинала действовать ему на нервы. — У меня и до тебя были замужние женщины. Я уже много раз занимался этим, — честно признался Итан.

— Конечно, не сомневаюсь в этом, — поспешила она согласиться с ним. Когда же он, наконец, направился к ней, заворковала: — Ты такой красивый маленький чертенок, Итан. Такой высокий, такой крепкий.

Итан выпил. Его покорило ее фривольное обращение. В таверне он как-то не придавал особого значения ее словам, когда она нашептывала ему, как, стоя на коленях, будет сосать

его.

— Маленький чертенок? Мне не показалось, что ты намного старше меня, — сказал он, подойдя к кровати.

Она засмеялась.

— Совсем не намного. — Сейчас ему удалось лучше рассмотреть довольно привлекательные черты ее лица. Наверное, ей было чуть больше тридцати. — Мне достаточно лет, чтобы знать, чего я хочу, а когда увидела тебя, поняла, что ты будешь мой. — Она взяла бокал с остатками виски из его рук и поставила на прикроватную тумбочку. — Но готова поспорить, что женщины вешаются тебе на шею, правда?

— Где бы я ни оказался, — ответил он довольно заносчиво. И это было действительно так. Он был молодым лэрдом и нравился женщинам. Причем чем пьянее он был и чем жестче вел себя, тем больше нравился.

— Значит, если бы ты не пришел ко мне, то провел бы сегодняшний вечер с какой-нибудь другой женщиной из кабака?

— Легко, — ответил Итан. Когда он собирался уходить, черноволосая барменша, на которую он засмотрелся, бросила на него обиженный взгляд. Ее сестра тоже выглядела уязвленной. Он же только пожал плечами, будто ему все равно. Потому что ему действительно было все равно — с одной или с двумя.

— Тогда почему ты выбрал меня? — затаив дыхание, спросила женщина, явно напрашиваясь на комплимент.

— По мне, замужние женщины предпочтительнее, с ними удобнее иметь дело. — Они никогда не объявлялись впоследствии. Замужняя женщина быстро оказывалась в прошлом и становилась просто одной из многих на его счету, как тому и следовало быть. И если ее муж был настолько слаб и глуп, что позволял наставлять себе рога, значит, то и заслужил, а со стороны Итана это просто одолжение.

— Значит, ты со мной всего-навсего потому, что тебе это удобно? — Обиженно надув губки, она ловкими пальцами начала расстегивать его рубашку.

— Именно так.

Его черствость, похоже, возбуждала ее.

— Ах, этот твой акцент, — прошептала она. — Произнеси мое имя.

— Я его не знаю. Она улыбнулась:

— Сильвия...

— Меня это не интересует, — резко оборвал ее Итан. Она часто задышала от переполнившего ее желания.

Он привык к женщинам, предпочитавшим холодных, доминирующих самцов в постели, но чувствовал, что она хотела большего. У него, было, достаточно времени, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию, пока он добирался сюда верхом, и затуманенные выпивкой мозги твердили ему, что с этой женщиной что-то не так.

Она явно переборщила с духами, но такой же была женщина, с которой он провел предыдущую ночь. Сильвия была высокой, пышногрудой и черноволосой. Он находил привлекательным именно этот тип женщин. Тем не менее, когда, распахнув полы его рубашки, она начала облизывать его грудь, Итан снова почувствовал, что в этой женщине что-то смущает его.

Люди давно говорили, что у него не больше чувств, чем у животного. Что ж, сейчас инстинкт подсказывал ему, что лучше не связываться с этой женщиной. Итан нахмурился,

когда ее губы заскользили вниз по груди, безошибочно указывая на конечный пункт их движения.

Неужели простое подозрение может оказаться сильнее воздействия на мозг шотландского виски и перспективы плотского наслаждения?

Да, может. Он отцепил ее пальцы от своих штанов и отшатнулся.

— В чем дело?

— Я уйду. — Нагнувшись за рубашкой, он едва не упал и с трудом удержался на ногах. Итан понимал, что слишком много пьет в последнее время. Он был старшим братом и главой бедствовавшей на тот момент семьи, осознавал свою ответственность и неспособность изменить что-то, и никто не мог представить, как его тяготило это.

Но и пьянство никак не помогало.

— Уходишь? — возмутилась Сильвия. — Ты шутишь.

Он только коротко кивнул в ответ.

— Тогда зачем ты явился сюда? Что я такого сделала?

— Ничего. — Куда он задевал свой сюртук? — Просто мне все надоело.

— Скажи, что ты хочешь, и я сделаю это. Все, что угодно, — жалобно добавила она, чем вызвала брезгливую гримасу на его лице.

Надо же, прилипала.

Повернувшись к ней спиной, Итан сказал:

— Ничего не нужно. Уже не хочется.

— Ты не можешь так поступить! — Сильвия спрыгнула на пол и бросилась к нему. — Не можешь пренебречь мной, ты не покупал меня. — От злости ее голос стал резче: исчезли утонченные на французский манер модуляции и сильнее проявились вульгарные нотки. Итан раньше слышал нечто похожее. Так говорили люди низшего сословия. — Я тебе не какая-нибудь беспризорная шлюха!

— Точно, не беспризорная...

— Никто не осмеливается так обращаться со мной. Сейчас уже никто! — Сильвия оказалась перед ним. Он снова повернулся к ней спиной, и она снова обогнула его и встала перед ним. Ее поведение вполне оправдывало его решение уйти. — Я велю высесть тебя кнутом за это.

Итан, наконец, увидел свой сюртук.

— Дай мне пройти, черт возьми.

— Я сама тебя высеку!

— Спокойнее, красотка, уймись, — язвительно улыбнувшись, попытался он утихомирить ее. — Теперь уж я точно не стану трахать тебя.

Взвизгнув, Сильвия набросилась на Итана и успела полоснуть ногтями по лицу, прежде чем он отшвырнул ее. Он приложил рукав к щеке и увидел красный след, отпечатавшийся на белой ткани.

— Ты, чертова сука! Не представляешь себе, на что напрашиваешься?

Он двинулся к двери, но Сильвия замолотила кулаками по его спине с воплем:

— Ты хоть знаешь, что я могла бы сделать для тебя? Итан развернулся к ней и увидел залитое слезами лицо и полыхающие яростью глаза.

— Только тронь меня еще раз, и я изменю своему правилу не бить взбесившихся сук, которые не понимают слова «нет».

— Так сделай же это! — Что это промелькнуло в выражении ее лица? Неужели

возбуждение?

Решив напугать Сильвию, чтобы она отстала от него, Итан сделал вид, что намеревается нанести удар...

Вдруг с грохотом распахнулась дверь.

На пороге стоял разъяренный седовласый мужчина. «Скорее всего, престарелый муж, — устало, вздохнув, подумал Итан и опустил руку. — Обмен выстрелами на рассвете, и еще одна смерть на мне».

— Он пытался изнасиловать меня! — заорала заплаканная Сильвия.

Итан метнул на нее недоуменный взгляд:

— Ты что, женщина, с ума сошла? Ты ведь сама пригласила меня.

Появились еще какие-то люди. Суровые такие прихвостни. Рядом с престарелым мужем встал светловолосый гигант, выглядевший едва ли не более разъяренным, чем его хозяин.

— Что за чушь! — возмутилась Сильвия. — Наверное, он последовал за мной, когда я возвращалась с постоянного двора.

Ее муж сверлил взглядом лицо Итана. Тот хлестнул себя ладонью по щеке.

— Ах, черт тебя побери, — устало пробормотал он. — Она поцарапала меня, когда я хотел уйти. — Пьяному Итану и самому было понятно, сколь нелепо прозвучало это объяснение.

— Сильвия, он бил тебя? — спросил притворщицу муж с неподдельной тревогой.

— Вы не можете воспринимать это серьезно. Разве не видите, что она лжет? — раздраженно заявил Итан. — Эта ведьма сама пригласила меня сюда, клянусь.

— Нет! — пронзительно заверещала Сильвия. — Он пытался изнасиловать меня, но я сопротивлялась. Видите его лицо?

Злобно глядя на нее, Итан сказал, обращаясь к ее мужу:

— Справьтесь на постоянном дворе, спросите там любого. Она пригласила меня. — Правда, она была достаточно осторожной. Заметил ли кто-либо их общение в тот момент, когда она подошла к нему?

Сильвия яростно замотала головой.

— В трактире со мной была моя служанка, и домой мы вернулись вместе. Спросите у Флоры! Спросите у нее! — Вскинув руку ко лбу, она картинно опустилась на край кровати. — О Господи, — прошептала она. — Я была так напугана.

Итан с изумлением смотрел на нее. Здорово это у нее получается.

Хозяин дома, зарывав, бросился на него. Итан выставил кулак и угодил ему в нос. Брызнула кровь.

— Я засажу тебя за это в Ньюгейтскую тюрьму, — взревел муж, схватившись за лицо.

Итан никак не мог вспомнить что-то, представлявшееся ему очень важным. Что же это было?

— Проклятие, я ничего не делал этой женщине... она сама все спровоцировала.

— Хватайте его! — хрипло приказал хозяин своим людям. В этот момент Итан вспомнил то, что настойчиво пытался восстановить в памяти, и кинулся к своему сюртуку.

Чей-то кулак обрушился на его затылок. Он рухнул лицом в пол. На него посыпался град ударов, его били кулаками и пинали ногами. Итан, как мог, пытался удержаться на грани сознания. Ведь он должен был объясниться в свою защиту.

Он смутно слышал, как подлая стерва убеждала своего мужа не передавать дело в суд, ибо огласка вызовет скандал и пострадает их репутация, их положение в обществе... мол,

другие, столь же могущественные мужья разобрались бы с этим сами.

Итан знал, что в этой обособленной части страны владетельные лорды в своих вотчинах в угоду себе устанавливали законы, которые проводили в жизнь их приспешники, охочие до темных дел. И они ненавидели заезжих, особенно чужеземцев.

Записка, его «палочка-выручалочка», покоилась в кармане сюртука менее чем в полуметре от него. Итан попытался заговорить, но лишь издал болезненный стон. Попытка дотянуться до сюртука была пресечена ударом в грудь чьей-то обутой в сапог ноги.

С трудом, разлепив глаза, Итан разглядел истерически рыдающую Сильвию, которая, похоже, уверилась в собственной лжи.

— Без тебя и Браймера я оказалась совершенно незащищенной.

Рогоносец утешал ее, укутывая в свое пальто.

— Я ни за что не оставил бы тебя одну...

— Этот злодей оказался в доме наедине со мной, с Мэдди! — добавила она многозначительно. Кто бы ни была Мэдди, одно упоминание ее в этом контексте вызвало гневную реакцию хозяина, который, переведя злобный взгляд на Итана, уверил жену, что они сами все уладят, и никто не должен знать о происшедшем. Они позаботятся о том, чтобы этот шотландский ублюдок впредь никогда в жизни не смог никого изнасиловать.

Итана охватил настоящий, липкий страх. «Кастрируют». Тело Итана покрылось холодным потом. Они собирались пустить в ход нож.

Старый хозяин немного помедлил, затем кивнул:

— Браймер, оттащи его на задний двор. Проследи, чтобы все было сделано.

Браймером оказался светловолосый гигант с убийственным взглядом.

— С удовольствием.

Он поднял Итана и нанес ему удар в челюсть, от которого тот потерял сознание.

Очнулся Итан из-за жгучей боли от впившихся в запястья веревок. Острая, до ломоты в костях, боль распространялась от плеч до судорожно скрюченных пальцев. Он попытался открыть глаза, но едва разлепил одно заплывшее веко и увидел, что вздернут на обрешетине стойла в конюшне. Рот был, заткнут пропитавшимся кровью кляпом.

Итан увидел высокого дородного человека, присевшего на край стула, который, казалось, вот-вот развалится под его весом. Он нервно дергал мясистой ногой и виновато поглядывал на Итана. Он знал, знал, что Итан ни при чем. Конечно, ведь та женщина и прежде проделывала такие штучки. Итан задергался и промычал что-то в попытке сказать мужчине о записке.

Он услышал, как позади него со скрипом открылась дверь.

— Он уже очнулся, Талли? — спросил Браймер.

— Только что, — ответил тот, грузно поднимаясь со стула. — Я тут подумал... может быть, кому-то из нас следовало бы, навести справки в трактире.

— Ван Роуэн хочет, чтобы мы разобрались с ним, так что именно это мы и сделаем. — У Браймера явно чесались руки.

Ван Роуэн. Почему это имя показалось Итану знакомым? Только бы выбраться отсюда, и он убьет Ван Роуэна, разорвет голыми руками. Старик даже не представляет, на что обрек себя и свою семью.

Итан услышал звук высвобождаемого из ножен клинка и задергался, пытаясь высвободить руки.

— Но, Браймер, что нам стоит проскакать до...

— Я только что вернулся с постоянного двора. Никто не заметил ничего предосудительного. — Браймер появился в поле зрения Итана. — Миссис Ван Роуэн просидела там с Флорой за обедом около часа, после чего они ушли. — Он поковырял в зубах кончиком ножа. — Кучер клянется, что не видел никого постороннего и отвез их домой одних, что подтверждает и Флора.

— Но иногда... похоже, миссис Ван Роуэн позволяет себе...

— С другой стороны, — продолжил Браймер, проигнорировав слова Талли, — этот тип — чужестранец, лакал спиртное без меры. Девчонка за стойкой сказала, что он просто жалкий пропойца и шотландская скотина.

«Вот злобная сучка... только из-за того, что я дал ей отставку...»

— С ним все ясно. А что касается тебя, Талли, то либо ты будешь делать, что приказано, либо сегодня же уберешься с земли Ван Роуэна.

Нет, нет. Итан озолотил бы Талли, лишь бы тот не слушал Браймера.

У Талли опустились плечи. Нет, черт возьми, нет!

— Держи его голову, — распорядился Браймер.

Талли послушно мощным захватом сдавил голову Итана. Осыпая их проклятиями, заглушёнными кляпом, Итан предпринимал безуспешные попытки вырваться.

— Ч-что ты собираешься делать?

— Прежде всего, закончу начатое миссис Ван Роуэн. — Браймер кивком указал на исцарапанное лицо Итана. — Готов поспорить, женщины находят его красивым. Но больше они так считать не будут. Хотя это меньшее из зол, что его ожидает.

Почувствовав холод лезвия на разгоряченной коже правой щеки, Итан, собрав остаток сил, взвился в попытке высвободиться, но тщетно.

Нож вспорол щеку. Итан зашелся в крике.

— Держи его крепче!

— Я стараюсь, — отозвался Талли, усиливая захват. — Он сильный, ублюдок!

Браймер резал и резал, пока кровь не залила шею Итана. Вскоре у него все онемело, сознание едва теплилось в нем.

— Что ты делаешь? — спросил Талли.

— Если вырезать полосу, то даже после того, как все заживет, он останется обезображенным.

Отчаянное желание драться по-прежнему всецело владело им, но непослушное тело не отзывалось на исходившие из мозга приказы. Когда Браймер наконец закончил экзекуцию, Талли отпустил Итана с безвольно поникшей головой.

Схватив за волосы, Браймер откинул его голову назад и с улыбкой уставился на плод своих трудов.

— Иди сюда, Талли, посмотри.

Тот подошел. И тут же с выпученными глазами бросился прочь к куче сена, где его вырвало.

Когда Итан увидел валяющуюся в грязи полоску кожи, у него потемнело в глазах. Он поклялся себе: «Я уничтожу вас. Все вы умрете с такими же страданиями, какие причинили мне...» После этого он потерял сознание.

Очнулся Итан от возмущенного рева, донесшегося из барского дома. Затем послышались женские крики, визг, становившийся все пронзительнее и громче.

Хлопнула дверь... кто-то бежал к ним... секундой позже в стойло ворвался

запыхавшийся слуга:

— Остановитесь! Освободите его!

Итан с отчетливой ясностью представил себе, что произошло. Тишину ночи разорвал очередной крик стервы, потом все смолкло.

Итан содрогался от приступа смеха. Из его глаз текли слезы.

Ван Роуэн нашел записку.

Глава 1

Лондон

Лето 1856 года

Итан давно привык к неприязненному отношению со стороны лиц, на порог дома которых ему доводилось ступать, но в трущобах Ист-Энда не стеснялись еще и громко озвучивать такое отношение.

Мэни увидел Итана и побежал.

Преследуя в темноте пьяного кокни — одного из своих осведомителей, Итан ориентировался по топоту его сапог по бульжной мостовой.

Рванувшись вперед, Итан схватил, кокни за плечи, и впечатал головой в стену дома. Парень сполз вниз, превратившись в бесформенную кучу.

Итан рывком поднял его на ноги и приставил к виску пистолет.

— Где Дейвис Грей?

— Я не видел его, — выдохнул тот с присвистом сквозь дыры от выбитых зубов. — Клянусь тебе, Маккаррик!

Итан взвел курок. Его репутация Мэни была известна. Он знал, что Итану ничего не стоит пристрелить его на задворках этой темной улицы.

— Тогда почему ты убежал?

— Потому что ты перепугал меня до смерти. Понятно.

— Я слышал, что Грей отправился в Португалию за опиумом, а сейчас должен вернуться. Это все, клянусь тебе.

Немного помедлив, Итан отпустил парня, решив, что тот говорит правду. Информация совпадала с той, которой он уже располагал, и вряд ли этот человек рискнул навлекать на себя его ярость.

— Ты знаешь, что делать, когда увидишь Грея. И знаешь, что я сделаю с тобой, если не выразишь меня.

Мэни пробормотал слова благодарности за проявленную милость и поспешил раствориться в темноте.

На протяжении нескольких последних часов Итан настойчиво прочесывал ист-эндские трущобы в поисках Дейвиса Грея — бывшего соотечественника и друга семьи, а ныне — объекта его преследования.

Несмотря на уже имевшиеся свидетельства отсутствия Грея в Англии, Итану хотелось лишний раз удостовериться в этом. Сегодня ему предстояло выяснить все возможное в Лондоне, потому что завтра он собирался отправиться на поиски Грея, где бы тот ни находился.

Бредя по узким, извилистым улочкам к месту, где оставил на привязи свою лошадь, Итан неожиданно наткнулся на привлекательную шлюху. Та с улыбкой сбросила с плеч шаль, показывая налитые, тяжелые груди.

И он ничего не почувствовал.

Проходя под газовым фонарем, Итан показал ей изуродованную сторону своего лица. Она с содроганием отвернулась и запахнула шаль. Из-за такого отношения женщин его совсем перестали интересовать плотские удовольствия.

В двадцать три, будучи уже долгое время в повязках, он осознал, что отныне сможет

заниматься этим только с продажными женщинами. Прежде, сразу после той памятной ночи в Бакстоне, он уже дал обет никогда больше не употреблять алкоголь. А для молодого человека, внезапно отказавшегося от порочных привычек, работа в Сети, одной из королевских тайных организаций, определенно представлялась привлекательной. И Итан вместе с братом Хью нанялся на работу в Сеть, но только после того как изощренно отомстил всем своим врагам.

В то время как Хью был просто убийцей, выполнявшим задания организации, Итану для выполнения заданий приходилось не только убивать, но и шпионить и пытаться. Он умело выполнял работу и добивался успеха в делах, за которые никто не хотел браться. Его братья называли Итана мастером на все руки.

Вернувшись к лошади — прекрасному мерину, с самого начала невзлюбившему его, Итан взобрался в седло и отправился к лондонской резиденции Эдварда Уэйленда, который был непосредственным начальником Итана и Хью. Там можно было узнать последние новости. Впрочем, что еще ему оставалось делать?

Добравшись до места, Итан перехватил садившегося в седло Куина Уэйленда.

— Твой дядя дома? — спросил Итан. Куин тоже работал в Сети и готовился в будущем занять в организации место дяди.

— Нет, его нет в городе. Но несколько минут назад я видел Хью.

— Только Хью? А Корта? Куин отрицательно мотнул головой.

Проклятие. Хью следовало бы быть с их младшим братом Кортом, предварительно удостоверившись в том, что тот благополучно вернулся с континента.

— Мне помнится, ты говорил, что Хью способен решить проблему Дейвиса Грея, — раздраженно заметил Куин.

— Вполне, решит.

— Видел бы ты выражение его лица, когда я оповестил его об угрозе.

— Он не мог реагировать иначе, — раздражаясь, ответил Итан. — Грей опасен, у него большой опыт по части убийств. — Грей тоже работал в Сети наемным убийцей — в сущности, был наставником Хью.

— Нет, я имел в виду, как он среагировал, когда я сказал ему, что Джейн в опасности. — Красивая Джейн Уэйленд — дочь Эдварда Уэйленда.

Им донесли, что Грей намеревался убить Джейн в отместку Уэйленду, поскольку Эдвард дорожил ею больше всех на свете. Чтобы защитить ее, Уэйленд поручил Итану начать охоту на Грея и уничтожить его, а Хью должен был повсюду сопровождать Джейн в качестве телохранителя.

Это не проблема. Просто куда бы Джейн ни направилась, Хью следовал за ней.

— Грей говорил мне, что Хью влюбился в нее, — добавил Куин.

Итан скептически посмотрел на него:

— Разве мы по-прежнему ведем беседы с Греем?

— Еще несколько лет назад, до его отступничества. Сумасшедший отступник. Грей всегда был веселым и общительным и сохранял добродушный вид, даже перерезая горло собеседнику.

— Так что, это правда? — поинтересовался Куин.

— Возможно, Хью и был страстно влюблен в нее, когда они были моложе, — солгал Итан. Хью, похоже, до сих пор был по уши влюблен в Джейн. — Но они не виделись много лет. И никогда он не говорил ей о своей любви.

— Он довольно поспешно поскакал вслед за ней.

— Куда она отправилась в этот час? — спросил Итан.

— Улизнула через окно на встречу с моими сестрами и их подругой из предместья.

— И где должна состояться эта встреча?

— Хеймаркет-стрит, — тут же ответил Куин. — Я сейчас направляюсь именно туда.

— Лавки с джином и проститутки. — Трущобы были грязными, а район Хеймаркет слыл порочным. — Что привлекло их там?

— «Улей», — предположил Куин.

— Туда они не пойдут, — выпалил Итан. «Улей» — бывший склад, преобразованный в «подпольный» танцевальный зал, — был известен царившими там распутными нравами. — Как женщины из вашей семьи умудряются находить такие места?

Две родные и шесть двоюродных сестер Куина составляли «восьмерку Уэйленд» — такое прозвище им дали в обществе. Они были носителями передовых взглядов, предпочитали все современное и называли себя искательницами острых ощущений. Итан же считал их испорченными девчонками с избытком денег и свободы.

Куин покачал головой:

— Хотелось бы мне знать.

— Не могу поверить, что они по собственной воле пошли в такое место. Ты ведь знаешь, что твои сестры выйдут оттуда уже не теми, какими вошли.

— Пошел к черту, Кавана...

— Не называй меня так, — прервал его Итан. Он не любил, когда ему напоминали о его титуле. — Почему бы тебе, не притащить их домой за уши?

— А потом объяснить Джейн, почему ее вдруг ограничивают в привычной для нее свободе?

— Она не знает, что ей грозит опасность? Куин мотнул головой.

— Мы надеемся, что ты выведешь Грея из строя раньше, чем Джейн сможет узнать о наших делах. — Он развернул коня, когда Итан пришпорил своего непокорного мерина. — Ты едешь?

— Да, мне нужно увидеть брата. — И убедиться, что он способен справиться с заданием. — Что сегодня в программе «Улья»?

— Нелегальный бал куртизанок, — брезгливо проворчал Куин.

Итан издал горький смешок. Он чуть ли не с жалостью подумал о ничего не подозревавшей «подруге из предместья». Девушка, похоже, получит шокирующий урок безнравственного поведения.

Печально, но Итан и раньше замечал выражение влюбленной отрешенности на лице брата.

Хью был профессиональным убийцей, причем одним из самых умелых и востребованных в мире, но в непосредственной близости от Джейн Уэйленд совершенно терял голову: испытывал трудности с речью, на бровях, как у зеленого юнца, скапливались капельки пота.

Итан обнаружил его в подобном состоянии всего пару минут назад в проулке, пересекавшем Хеймаркет-стрит. Хью был так поглощен наблюдением за Джейн, поднимавшейся в сопровождении своей свиты по Хеймаркет-стрит, что не услышал, как подошел Итан.

Хью, которого никогда нельзя было застать врасплох, сегодня могла бы задавить

случайно сорвавшаяся с тормозов телега.

Происходившее с Хью было малопонятно для такого человека, как Итан, который никогда не испытывал уважения к женщинам. Как Итан часто говорил своим братьям, у него был иммунитет к ненужным осложнениям подобного рода.

Но Хью почему-то не стыдился того, что женщина приводила его в такое жалкое состояние. И десятилетняя разлука с ней явно не охладила его страсть.

После того как Итан присоединился к Хью в боковом проулке, они приступили к прояснению обстановки, как всегда, обмениваясь короткими фразами; правда, на этот раз спорили полупшепотом.

Хью с самого начала не нравилось, что Итан хотел и даже предлагал ему убить Грея, который когда-то был другом Хью. А Итану с самого начала не нравилось, что Хью влюбился в Джейн и в результате взвалил на себя обязанность по ее охране. Итан же родился с чувством ответственности за своих братьев; он оберегал их — и все тут.

— Готов поспорить, что сейчас ты одобрил бы мое предложение убить Грея, — вполголоса заявил Итан брату, но в его приглушенном тоне сквозили самодовольные нотки. — Но не беспокойся, брат, все уже согласовано. Уэйленд сделает что угодно, лишь бы защитить свою дочь. — Итан кивнул в сторону компании Джейн, которая приближалась к проулку. Он перевел взгляд на Хью, а потом вернулся к созерцанию девичьей стайки.

Там была миниатюрная девушка со светлыми блестящими волосами. Она и привлекла его особое внимание.

Молоденькая подружка из предместья...

Она была в синем платье, накидке с капюшоном, стянутой, подобно петле, на бледной шее, и в маске, через отверстия которой можно было видеть поблескивавшие глаза. В мерцающем свете газовых фонарей Итан видел ее темно-розовые губы, загадочную улыбку, в то время как лица подруг были сосредоточенными. Похоже, она жила в своем обособленном мире.

Хотя она выглядела бодрой и цветущей, Итан уловил в ней ту же усталость от жизни, которую испытывал сам.

Он нахмурился, почувствовав, как участилось сердцебиение.

Хью неожиданно толкнул его на стену здания и уперся предплечьем в горло. Итан не успел даже напрячься.

В чем дело?.. Итан выпучил глаза.

— Успокойся. Не пялюсь я на твою драгоценную Джейн. Хью явно не поверил, но отпустил его.

— Тогда кто же привлек твое внимание? — спросил он. — Клодия? Та, что в красной маске? — Итан промолчал. — Белинда? Высокая брюнетка?

Итан медленно покачал головой, не отводя глаз от блондинки.

Напрашивавшийся вывод ошеломил Хью.

— Я не знаю ее, но это, должно быть, подруга Джейн, — осторожно начал он. — И на вид ей не больше двадцати. Она слишком молода для тебя.

Итану было тридцать три, и он ощущал груз каждого года из прожитых лет, но она-то еще молодая. Откуда у нее взялась эта усталость?

— Если я настолько плохой, как считаете вы с Кортон, да и весь клан, то это должно только привлекать меня, не так ли? — Итан начал небрежным тоном, но в конце прорезались горькие нотки. На самом деле он не был таким плохим, как они думали.

Он был хуже.

Его руки были обагрены кровью, а сердце — таким холодным, что на фоне своих братьев он считался злым, притом, что один брат был убийцей, а другой — наемником. Итан был землевладельцем, и, тем не менее, многие члены клана боялись его, не хотели иметь с ним никаких дел. И это еще до того, как его лицо было обезображено шрамом.

Вспомнив о своем уродстве, он отвернулся от девушки. Стоило ему подойти к ней, и красавица, глянув на его лицо, в ужасе бросилась бы прочь. «Уйди в тень, где тебе и надлежит быть. Забудь о том, что ты ее видел...»

Но тут рядом с ними оказался шумный участник маскарада, одетый в домино. Итан скривил губы в довольной усмешке. Отлично.

В мгновение ока его рука взметнулась и сорвала маску с щуплого прохожего в домино. Тот попытался протестовать, но Итан вперил в него убийственный взгляд, и человек поспешил уйти.

— Не играй с ней, Итан, — сказал Хью.

— Боишься, что я погублю твои планы относительно Джейн? — спросил Итан, надевая маску. — Не хотелось огорчать тебя, братец, но им никогда не суждено сбыться.

— Тебя ждет такая же мрачная участь, как и меня, — сказал Хью, — и, тем не менее, ты помогаешь женщине.

— Но я не рискую влюбиться в нее. — Итан повернулся, собираясь присоединиться к маскараду. — Так что мой флирт вряд ли убьет ее.

Хью скрипнул зубами от досады и последовал за ним к входу в склад, где они приобрели входные билеты у лысого мужчины в маске свиньи. Внутри было не протолкнуться сквозь пьяную толпу — в помещении собралось, наверное, более тысячи человек.

Да, похоже, девочка действительно получит здесь урок. Все стены были расписаны непристойными картинами, а полуодетые шлюхи откровенно ласкали мужчин.

Итан не смог найти группу девушек в толпе, поэтому они с Хью поднялись на второй этаж, откуда было лучше видно, что творилось в зале. Они отыскивали девушек, которые стояли перед немного приподнятой над танцзалом небольшой сценой и рассматривали застывшие в позах древнегреческих статуй фигуры нескольких вымазанных глиной обнаженных женщин и одного мужчины.

В этой атмосфере полного морального разложения молодая девушка выглядела... скучающей.

Когда Джейн оценивающим взглядом смерила фигуру мужчины, у Хью невольно сжались кулаки. Блондинка тоже смотрела на эту фигуру, но у Итана не возникало желания сокрушить что-то. Он знал, что у него иммунитет...

Группа переместилась к столику, где полуодетая куртизанка разливала пунш, но блондинка вернулась к сцене. С чувственной улыбкой она послала страстный воздушный поцелуй обмазанному глиной мужчине. Это покорило Итана.

«Мне это не нравится. Черт возьми. Почему мне это не нравится?»

— Не думал, что тебе нравятся блондинки, — встревожено сказал Хью.

— Да, не нравятся, — ответил Итан, не отрывая взгляда от девушки.

— Тем более худые и невысокие.

— По мне, лучше высокие и полногрудые, — рассеянно заметил Итан. Он следил, как девушка взяла бокал с пуншем, осторожно понюхала содержимое и сделала изрядный

ГЛОТОК.

— Так в чем же дело?

— Не знаю, — несколько покривив душой, ответил Итан. Он знал, что в ней привлекало его. Несмотря на ее маску, он мог с уверенностью сказать, что она необычайно красива, но не мог разобраться в степени своей заинтересованности.

Ему доводилось укладывать в постель подобных красавиц, почему же у него возникло необъяснимое чувство необходимости познакомиться с ней, заполучить ее? Итан знал, что мог бы встретиться с ней и в другой раз. Она дружила с Уэйлендами. Так почему же он хотел ее именно сейчас?

— Ты действительно собираешься подкатиться к ней? — спросил Хью.

— Еще как собираюсь.

— Я думал, что по мере возможности мне не стоит раскрываться перед Джейн, но она узнает тебя.

— В этой маске не узнает. Почему ты придаешь такую важность моим действиям?

— Потому что ты никогда прежде не ухлестывал за женщинами.

Итану не приходилось это делать и до той памятной ночи в Бакстоне, а уж после он вообще утратил интерес к женщинам.

— Ты не ухаживал даже за своей невестой, — добавил Хью.

Нет, невесту Итану преподнесли как на блюде, и это стоило ей, Саре, жизни. Он понятия не имел, что, пытаясь возродиться после того, что с ним сделал Ван Роуэн, он губил другого человека...

Отмахнувшись от воспоминаний, желая все забыть, Итан повернулся к лестнице с намерением познакомиться с блондинкой, но Хью толкнул его.

— Что, черт возьми, с тобой происходит? — спросил он.

— Больше не толкай меня, братец, не то я уложу тебя. — Хью был единственным, кто вел себя с ним подобным образом. — Тебе не приходило в голову, что я просто хочу переспать с ней? — Боже, он отчаянно хотел переспать с ней, ему не терпелось сделать это.

— Переспать с ней? — Хью выглядел несколько озадаченным. — Вряд ли у тебя это получится.

Итан пристально посмотрел на него. Выходило, что Хью догадывался, а может быть, знал о нем все. Давно следовало понять, что тайна о его воздержании уже не является таковой и обсуждается в Сети. Члены организации сплетничали больше и охотнее, чем деревенские кумушки у колодца.

С тех пор как ему обезобразили лицо, прошло много лет, и, как и предполагалось, спать с женщинами ему удавалось только за деньги. В течение первых семи лет Итан именно так и поступал, но было мучительно больно каждый раз наблюдать плохо скрытое отвращение на лице женщины, особенно после оплаты ее услуг.

Одно разочарование следовало за другим, и к настоящему моменту, его тело, похоже, больше не томилось желанием. Если ему даже нравилась какая-то женщина, чувства к ней являлись лишь слабыми отголосками тех, что он испытывал раньше. Его не кастрировали той ночью, но чувствовал он себя так, будто был лишен мужского достоинства. Уже несколько лет не притрагивался к женщине.

Еще более тревожным было то, что ему вроде бы это было ни к чему.

До сегодняшнего вечера.

— Она леди, — настаивал Хью. — Ты не можешь ее просто использовать.

— Тогда что она здесь делает? — скептически заметил Итан.

— То же, что и Джейн. Они искательницы острых ощущений, типичные лондонские богатые дамочки.

— В подобном месте даже леди становится законной добычей.

— Ты не знаешь, порочна ли она, а если она невинна? Итан, ты... ты ведь не настолько плохой.

Эта тирада несколько поразила Итана, но Хью продолжил:

— Черт возьми, если твое поведение вызвано именно тем, что я предполагаю, и нет других причин, то тебе следовало бы переключиться с преследования этой девчонки на выслеживание Грея. Мне очень хотелось бы, чтобы ты обезвредил Грея, пока я охраняю Джейн.

— Ты что, забыл, с кем разговариваешь? — Итан расвирепел и, сорвав маску, злобно уставился на брата. — Сколько лет я собирался всадить Грею пулю между глаз? Он был у меня на мушке не менее дюжины раз, когда мой палец был на курке, но ты постоянно удерживал меня, убеждая, что он не так плох и исправится.

Итан постоянно держал Грея в поле своего внимания, не спускал с него глаз. Он, по сути, был единственным человеком во всей проклятой Сети, кто заподозрил и выявил, что Грей убивал людей, согласуясь исключительно с собственным мнением о необходимости убрать того или иного человека.

— Когда дело коснулось Джейн, ты вдруг прозрел. Неужели ты думаешь, что сейчас я упущу возможность убить того, кого задумал устранить еще много лет назад? — Похоже, это заявление не убедило Хью.

— Я вернусь к работе не раньше, чем устраню тот зуд, что беспокоит меня, — скучным тоном добавил Итан.

Он повернулся к залу, но девушку там не нашел. Ее не было среди подруг, и Итан встревожился. Место было достаточно опасным, а девушка оказалась одна, без подруг.

Одна ли?

А вдруг у нее встреча с кем-то? Она могла быть замужем и иметь любовника. Итан вдруг понял, что спускается по лестнице в зал, и, снова спрятав лицо под маской, влился в толпу.

Хотелось, во что бы то ни стало найти ее, и это его нервировало. Ему нравились горячие, похотливые брюнетки, страстные в постели. И Хью, собственно, был прав — Итан не волочился за женщинами.

Но коль скоро эта блондинка ангельского типа пробудила в нем долго молчавшее желание, будь он проклят, если не сделает все от него зависящее, чтобы найти соблазнительницу.

Итан вознамерился обладать желанной красавицей этой же ночью.

Глава 2

Если бы Мэдлин Ван Роуэн намеревалась лишиться девственности до официального вступления в брак, то выбрала бы в партнеры высокого мужчину в черном домино. Она наблюдала за ним с момента его появления в переполненном танцевальном зале «Улья», в котором ненароком очутилась сегодня вечером.

Мэдди следила за его продвижением в толпе поверх голов с помоста, на котором стояла, допивая второй бокал пунша. Она немного захмелела и заподозрила, что напиток был заправлен не только ромом, но и спиртом, хотя ее это мало беспокоило. После наполненного переживаниями дня она даже рада была выпить.

Сегодня Мэдди узнала, что мужчина, за которого она надеялась выйти замуж и отправилась для этого из Парижа в Лондон, не собирается связывать себя узами брака.

— Мэдлин, я не создан для женитьбы, — заявил он. — Извини.

Погруженная в свои печали, Мэдди отошла от тройки представительниц семейства Уэйленд: подруги ее детства Клодии, ее сестры Белинды и их кузины Джейн. Эти три лондонские шалуньи Уэйленд раз за разом стремились к новым недозванным развлечениям, а «Улей» сулил... необыкновенное приключение.

Джейн Уэйленд, априори лидер группы, сказала более юной Мэдди, чтобы та больше не отходила, потому что приличные девушки должны, во что бы то ни стало держаться вместе в ночном Лондоне. Мэдди в изумлении вытаращила глаза.

Ей хотелось ответить: ради Бога, мол, тоже мне, невинные девочки. Этот маскарад до самых стропил был забит не только проститутками и их развратными покровителями, но также ворами и мошенниками всех мастей. Однако все это выглядело бледным в сравнении с ее повседневной жизнью.

Ее тайной жизнью.

Мэдди говорила всем, что живет в богатом парижском районе Сен-Рок с матерью и отчимом, хотя на самом деле жила одна в районе трущоб под названием Марэ, что в переводе означает «болото», и каждую ночь засыпала под звуки громкой брани, драк и пушечных выстрелов.

Она была умелой воровкой и могла выкрасть бриллиант с той же легкостью, что и яблоко, но не брезговала и случайными кражами. Если бы Мэдди не считала Уэйлендов своими подругами, им следовало бы относиться к ней с большей осторожностью.

Скинув с головы синий капюшон и сняв голубую блестящую маску, Мэдди устроилась на платформе, усевшись на скамейке и наблюдая за высоким мужчиной в черном домино. Широкоплечий и мускулистый, он возвышался почти над всеми присутствующими.

Закрывавшее его лицо черное домино спереди имело странное углубление, и хотя она могла видеть его брови, губы и крепкий подбородок, остальная часть лица была скрыта маской. У него были прямые густые блестящие черные волосы и, Мэдди могла бы поспорить, темные пытливые глаза.

Он определенно искал кого-то, решительно проталкиваясь сквозь толпу и поглядывая то в одну, то в другую сторону. Когда стайка обнаженных по пояс девиц преградила ему путь, явно чтобы привлечь его внимание, у него сдвинулись брови — то ли в испуге, то ли в раздражении, Мэдди не поняла.

Она все могла бы отдать, чтобы такой потрясающий мужчина лишил ее девственности.

В конце концов, она была истинной поклонницей мужской красоты. Ее подруга Клодия хихикала каждый раз, когда Мэдди, склонив набок голову, пристально рассматривала проходившего мимо по улице мужчину. Мэдди улыбалась ему вслед. Вгонять мужчин в краску, откровенно рассматривая их, было одним из ее любимых занятий.

Однако единственное, что ей светило на сегодняшний день, это вероятность того, что супругом и первым ее мужчиной станет граф Ледо — богатый до неприличия волокита, втрое превосходивший ее по возрасту. Он был настолько старомоден, что, о Боже, до сих пор носил парик. Но граф все-таки хотел жениться на ней, и Мэдди пыталась найти хоть что-то позитивное в этом, несмотря на то, что он успешно пережил трех своих предшествующих молоденьких жен.

Противясь браку со старым графом, Мэдди решила на путешествие в Лондон, чтобы навестить подругу детства Клодию, но, прежде всего, завлечь в свои сети ее брата Клинтон Уэйленда. К сожалению, Куин, с его вьющимися волосами, искрящимися весельем зелеными глазами и приличным состоянием, отказался жениться.

Что ж, придется воспользоваться тремя оставшимися у нее вариантами.

Во-первых, Мэдди могла вернуться в Марэ и по-прежнему жить там одна; во-вторых, могла отказаться от дальнейшего нагромождения лжи, признаться Уэйлендам, в каком незавидном положении оказалась, и просить принять их под опеку; в-третьих, могла выйти замуж за Ледо.

Одна мысль о признании Куину и Клодии в том, что все ее рассказы о своей жизни — неправда, заставляла Мэдди краснеть от стыда. Ей представилось, как Куин засмеется и брезгливо посмотрит на нее. Мэдди резко тряхнула головой, решив, что никогда не признается им.

Что касается Марэ, то ее ждет там куча долгов и неприветливая, полная неопределенности голодная зима. А Мэдди не хотела голодать.

Значит, остается Ледо и удручающая перспектива.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Мэдди снова сосредоточила внимание на высоком мужчине, продолжавшем кружить по помещению.

Его методичные, настойчивые поиски и даже манера двигаться завораживали ее. Вот он остановился, провел растопыренными пальцами по волосам и огляделся вокруг. Досадно было, что он никак не мог найти свою пассию, и Мэдди выпила за него, пожелав ему удачи.

Он повернул голову в ту сторону, где сидела Мэдди, задержал на ней взгляд и тут же возобновил свое решительное проталкивание к декорированной лебедями и сатирами платформе.

«Странно — ведь здесь сию только я. — Недоуменно нахмурившись, Мэдди поставила стакан с пуншем. — Наверное, спутал меня с кем-то. Может быть, стоило воспользоваться этой ошибкой и обменяться с ним парой поцелуев? Как приятно было бы стискивать эти мускулистые плечи, тогда как его губы прижимались бы к моим...»

Они не отрывали глаз друг от друга, пока он приближался к ней. Мэдди перестала замечать суетившихся внизу пьяных мужчин, слышать фальшивый, визгливый смех куртизанок.

Он поднимался, перешагивая через две ступеньки. Когда он встал перед ней, она ахнула. Ее глаза находились вровень с его пахом, и Мэдди отчетливо видела, что он... возбужден. Она медленно подняла лицо вверх.

Он смотрел сверху вниз, молча, протянув ей свою большую руку. У него были черные

глаза. Мэдди никогда не встречала людей с таким пристальным взглядом. Она прерывисто вздохнула.

Удар молнии, любовь с первого взгляда. «Нет-нет. Не нужно мне никаких молний!» — подумала Мэдди. У нее не было никакой мечтательности, и она всегда отличалась достаточной практичностью. А сейчас она не имела понятия, откуда возникла такая мысль, хотя выражение «удар молнии» имело и другое, более проникновенное значение.

Ей жутко хотелось опереться на предложенную руку. Одной рукой она стиснула свой стакан, другой вцепилась в оборки платья.

— Извините, сэр. Я не та, кого вы ищете, к тому же не из тех женщин, что... э-э... собираются здесь.

— Я знаю это. — Бережно, но крепко он взял ее за локоть и поставил на ноги. — Если бы вы были одной из тех женщин, я не стал бы искать вас. — У него был выраженный шотландский акцент, а голос такой завораживающий и хриплый, что ее пробирала дрожь.

— Но я не знаю вас, — выпалила, задохнувшись, Мэдди.

— Скоро узнаешь, девочка, — ответил он, и Мэдди поморщилась. Но прежде чем она успела ответить, он взял у нее стакан и отставил в сторону, потом, подхватив ее под руку, повел с платформы.

За право стать подтверждением ее окончательного падения внутри Мэдди боролись два порока: чрезмерное любопытство и обостренное чувство гордости. Ей представилось, что эти две черты ее характера устроили бег наперегонки, словно лошади на бегах, на которых она время от времени играла. В данный момент в лидеры вырвалось любопытство, настойчиво требовавшее послушать, что скажет Шотландец, хотя Мэдди догадалась, что он ведет ее к расположенным в ряд вдоль дальней стены склада комнатам. Она усмехнулась. Это были комнаты, в которых проститутки обслуживали своих клиентов.

Он открыл первую попавшуюся дверь. Внутри, в тускло освещенной комнате, на коленях перед молодым мужчиной стояла женщина и добросовестно работала ртом, в то время как молодой человек, склонившись, щипал ее набухшие розовые соски.

— Вон отсюда, — спокойно, но с явной угрозой скомандовал Шотландец. — Сейчас же. Женщина, очевидно, осознала опасность раньше своего пьяного клиента. Она оттолкнула его, подтянула корсаж и вскочила на ноги.

Парочка, качаясь, направилась к выходу, и Шотландец бросил взгляд на Мэдди, явно для оценки ее реакции на только что увиденное. Мэдди пожалала плечами. Одна из ее лучших подруг, жившая в квартире, напротив, на одной с ней лестничной площадке, пользовалась большой популярностью у противоположного пола, так что подобные сцены она наблюдала постоянно. И вообще, в Марэ достаточно было повернуть за угол, чтобы увидеть разные проявления порока.

Мэдди был двадцать один год, а она уже успела насмотреться всего.

Как только они остались одни, Шотландец закрыл дверь и подпер ее стулом. Почему она не встревожилась? Почему в подобном месте у нее не проявляется естественное чувство самосохранения? Большую часть комнаты занимала широкая кровать, задрапированная красными атласными занавесками. Никто не услышал бы доносившиеся отсюда крики, а если бы и услышал, подумал бы, что проститутка дает шумное представление.

Да отчего-то Мэдди чувствовала, что этот человек не причинит ей вреда, а у нее был развит безошибочный и проверенный инстинкт в отношении мужчин — бесценный дар в Марэ.

На тот же случай если дело обернется не лучшим для нее образом, она продемонстрирует свое умение бить коленом в пах и кулаком в адамово яблоко. Он был бы поражен тем, какой нечестный и яростный бой могла бы провести эта изящная мадемуазель.

Заперев дверь, он подошел к Мэдди настолько близко, что это вряд ли можно было назвать приличным. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо.

— Как я уже говорила вам, сэр, я не из этих женщин. Я не имею ничего общего с такими комнатами, и не следовало... затаскивать меня сюда.

— А как я уже говорил, будь вы куртизанкой, я вообще не приблизился бы к вам. Я знаю, что вы леди. Чего никак не пойму, так это зачем вы явились на этот маскарад.

«Я стараюсь забыть, что вскоре придется возвращаться в ад».

Мэдди встрепенулась. — Я пришла с подругами. Мы здесь в поисках приключений. — По крайней мере, подруги. Она же планировала пощипать карманы, коль скоро здесь рекой льется пунш.

— И вы, конечно, имеете в виду любовные приключения. — Похоже, что в его голосе появилось раздражение. — Скучающая молодая жена в поисках партнера по постели?

— Совсем нет. Мы здесь просто для того, чтобы ощутить подобие шока, о котором можно будет написать в наших дневниках. — Будто у нее был дневник или время для ведения записей.

— Поэтому вы и позволили мне завести вас сюда? Потому что решили, что из меня получился бы хороший материал для вашего дневника?

— Я позволила вам, поскольку сопротивляться было бы бесполезно, — ответила Мэдди. — Мне уже встречались такие решительные, как вы. Разве что-то могло заставить вас отказаться от намерения затащить меня в одну из этих комнат?

— Думаю, ничто на свете.

— Вот именно. Поэтому, чтобы не оказаться взваленной на плечи, я и решила, что будет лучше, если вы отведете меня в тихое место, где я смогла бы объяснить, что меня это не интересует.

Он придвинулся ближе, заставив ее отступить к придвинутому к стене низкому столику.

— Мое намерение не ограничивалось только тем, чтобы остаться с тобой наедине, девочка. И оно не ослабло.

Было удивительно, насколько уверенно она держалась. Ее ярко-синие глаза невозмутимо взирали из-под маски, будто затемненная комната, в которой к ней приставал высоченный шотландский горец, была обычным местом.

Приглядевшись, Итан решил, что ей, должно быть, не более двадцати лет, но она была сдержанной и даже более привлекательной, чем ему показалось тогда, когда он впервые увидел ее на улице.

— И каково же ваше намерение? — спросила она. Из-за его откровенного разглядывания, особенно когда он опускал глаза на ее груди, она старалась сдерживать дыхание. Она была стройной, намного стройнее тех, кому он обычно отдавал предпочтение, но маленькие груди были умело, втиснуты в узкий лиф таким образом, что ложбинка выпирала наружу. Итану хотелось сорвать маску и уткнуться лицом в это мягкое тело.

— Мое намерение... — «Впервые за три года подмять под себя женщину», — целовать вас.

— За поцелуями... — она подчеркнула это слово, будто сомневалась в том, что это все, чего он хотел, — вам придется обратиться к одной из сотен здешних куртизанок.

— Их не хочу. — Когда Итан встретился с ней взглядом там, в толпе, и она приоткрыла розовые губки, он был поражен, вдруг ощутив, насколько возбужден. Сейчас же, склонив лицо к убранному с грациозной шеи густым золотистым локонам, он ощутил легкий цветочный аромат и почувствовал еще больший прилив крови к низу; его горячему стволу было тесно в штанах. Он наслаждался редким для него ощущением — хотелось стонать от неожиданного наслаждения. — Я следовал за вами с улицы.

— Почему? — спросила она прямо, и Итан молча поблагодарил ее за то, что вопрос был задан без кокетства.

— Я увидел вас на улице в свете фонаря. Мне понравилось, как вы улыбались.

— И у вас с собой совершенно случайно оказалось это? — Протянув вверх руку, она скользнула кончиками пальцев по нижнему краю его маски, но он перехватил ее запястье и отвел руку вниз.

— Я позаимствовал ее у прохожего, когда увидел, что вы вошли сюда. — Над верхней губой, где заканчивался шрам, ткань маски затрепетала, и Итану вдруг пришло в голову, что заигрывавшие с ним в толпе куртизанки не заметили его уродства. Когда они преградили ему путь, у него возник порыв приоткрыть лицо, чтобы отпугнуть их.

— Правда? — Ее губы изогнулись в загадочной полуулыбке, и у него возникло жгучее желание увидеть все ее лицо. — Стало быть, все то время, пока вы рыскали в толпе, вы искали меня? — У нее был необычный акцент: смесь изысканного английского с налетом французского.

— Да, вас. Вы наблюдали за мной с вашей возвышающейся платформы?

— Увлеченно, — с прежней прямоотой ответила она, снова удивив его.

Мысль о том, что она обратила на него внимание, вызвала у Итана странное чувство удовлетворения.

— Вы ведь не из Лондона? — Она кивнула. — Зачем вы здесь?

— Хотите знать правду или приличествующий маскараду ответ?

— Правду.

— Я приехала в Англию в поисках богатого мужа.

— В порядке вещей. По крайней мере, у вас хватает мужества признаться в этом.

— Дома меня ждет предложение, которое мне совсем не хочется принимать, — хмуро сообщила она.

— И как проходит ваша охота, успешно?

— Не настолько, как мне хотелось бы. Несколько не заслуживающих внимания предложений.

— Не заслуживающих внимания? Почему?

— Едва прошу их заявить свои права, они отступают.

— Неужели? — Она кивнула в ответ, и у него возникло незнакомое ощущение подергивания в губах. — А как следовало бы мужчине заявить права на вас?

— Подарить мне нечто такое, что было бы по-настоящему дорого для него. Например, дорогое кольцо, или гарнитур, или что-то в этом роде.

— Вы много размышляли об этом.

— Я только об этом и думаю, — сказала она так тихо, что Итан с трудом расслышал ее слова. — Я почти заполучила одного. Достойный человек. — Наморщив лоб, она задумалась на мгновение. — В отношении его, возможно, еще есть какая-то, хотя и очень слабая, надежда.

В свои тридцать три года Итан впервые в жизни безошибочно ощутил жгучую зависть.

«Что это, черт возьми, со мной происходит?»

— В таком случае разве вам не следует сегодня поработать над тем, чтобы завлечь его? — спросил он несколько холодно.

— Ну, тот мужчина, о котором я говорила, сегодня отсутствует. Я гощу у его сестры и сопровождаю ее сегодня.

Единственным представителем мужского пола в этом поколении Уэйлендов был Куин. Итан скрипнул зубами. Куин всегда пользовался, расположением дам.

Она вздохнула.

— Не имеет значения. — Ее речь стала немного невнятной.

— Нет, не имеет. — Черта с два ей удастся завлечь Куина. Итану придется все время встречать ее, когда их пути будут пересекаться в Лондоне, и если сегодняшняя встреча что-то значит, то ему придется все время наставлять рога Куину. — Забудьте его. Его здесь нет, а я есть.

Она подняла на него глаза и склонила голову к плечу.

— Снимите свою маску.

— Это нарушает условия маскарада, не так ли? — Стоит ему снять маску, и она уже не будет смотреть на него с возрастающим любопытством — напротив, уставится с ужасом. — Я могу обладать вами и так, если мы останемся в масках.

— А что заставляет вас думать, что я могла бы позволить вам «обладать» мной? — В ее голосе проскользнули кокетливые нотки, впрочем, настолько утонченно, что он едва уловил их. Хотя их нельзя было назвать кокетливыми, скорее изумленными, заинтригованными.

Она забавлялась, получая удовольствие от этого, но не имела понятия, с чем играет.

— У меня обостренное чувство на такие вещи. — Итан провел кончиками пальцев, под синим шелком маски, затем вниз по ее щеке, и она позволила ему.

— Сегодня тебе очень хочется мужчину. Она отвернулась.

— Может быть, вы и правы, Шотландец, — непринужденно сказала она и снова

повернулась лицом к нему. — Но такого ли человека я жду, как вы... такого ли хочу? — промурлыкала она.

Итан еле сдержался от глупой ухмылки. Ему нравилась эта волнующая игра, это препирательство. Ему нравилось, что она флиртowała с ним, хотя он знал, что она не собиралась заходить далеко. Почему такой человек, как он, не ходил, на эти чертовы маскарады каждую неделю?

— Я именно такой человек. — Он подхватил её за тонкую талию и посадил на стол у стены.

— Шотландец, снимите меня! — закричала она, но он чувствовал, что сейчас она не столько заинтригована, сколько возбуждена. — Зачем вы сделали это?

— Я хочу, чтобы ваше лицо было вровень с моим при нашем первом поцелуе.

Наконец его слова сорвали легкий вздох с ее губ.

— Вы всегда такой самонадеянный?

— Да, всегда. — Итан вклинился бедром между ее ногами.

— Вам придется поставить меня на пол, — сказала она, в то время как нерешительно, будто боролась, но не совладала с собой, провела пальцами по его руке. — У меня нет времени, да и бесполезно это — выслушивать сладкие речи красивых развратников.

На этот раз его губы скривились в усмешке, натянув кожу изуродованной щеки, что напомнило ему о том, что он давно уже не красив.

— Откуда вы знаете, как я выгляжу? Ведь эта маска скрывает большую часть моего лица.

— У вас отличное телосложение и привлекательная улыбка. Роскошные глаза, — сказала она с придыханием, от чего его ствол начал пульсировать. — Вы сказали, что у вас обостренное чувство на определенные вещи. Что ж, я высоко ценю красивых мужчин. Поклонница, если хотите. Поэтому я следила сегодня за вами.

— Правда? — В подтверждение она кивнула. — Назовите свое имя.

— Это нарушает условия маскарада, не так ли? — ответила она его же словами. Затем приложила затянутую в перчатку руку к его груди и задержала ее там, будто не зная, оттолкнуть его или, вцепившись в рубашку, притянуть к себе. Итан перехватил ее руку, оголил запястье и запечатлел поцелуй на шелковистой коже.

Вздвогнув, она отдернула руку назад, и он отпустил ее.

— Поглядите на себя, Шотландец. Вы же самый опытный соблазнитель из всех, кого мне доводилось видеть.

— Опытный? — Последние десять лет у него не было случая набраться опыта во флирте, вообще ничего не было. А до того ему никогда не приходилось соблазнять. Не было нужды.

Руку ее он поцеловал импульсивно. «Откуда взялся, этот чертов импульс?»

— Да, опытный. Этот поцелуй в кисть — отличный способ общения. Легкое касание ваших губ свидетельствует о том, что вы должны быть нежным и чувственным в постели. Та уверенность, с какой вы взяли меня за руку, свидетельствует о том, что вы в то же время должны быть мастером.

Нежным? Итан мыслями вернулся в прошлое. Был ли он когда-нибудь нежным? Лишь сейчас он осознал, что у него нет желания быть нежным с ней. Ему хотелось вдавить в нее свои бедра и тереться восставшим членом о треугольник, где смыкаются ее бедра.

— Я встречала многих людей, подобных вам, — сказала она. — Учтите, что на меня все

это не действует.

— Я принимаю эти слова как вызов, мой ангел. Увидишь, скоро я буду внутри тебя и напомню тебе эти слова, когда твои ноги будут сомкнуты на моей поясице.

— О, Шотландец, этого не будет. — Она мотнула головой, и несколько блестящих локонов упали ей на плечи.

— Невинностью ты не отличаешься. — Это поразило его самого, поскольку он знал, что она принадлежит к высшим слоям общества. Она должна быть такой же пресыщенной искательницей острых ощущений, как Джейн Уэйленд и ее компания. — Почему бы тебе, не провести ночь со мной?

— Вы считаете, что я не девственница? Почему?

— Глядя на ту сцену, какую мы здесь застали, ты только что не зевала. Не многие девственницы сохранили бы невозмутимость при виде проститутки, работающей ртом.

— Что ж, девственница я или нет — это не существенно. Суть же в том, что я нахожусь здесь для того, чтобы найти мужа, а не любовника. И мне сейчас не до развлечений.

— Всему свое время. Если ты в Лондоне для того, чтобы найти мужа, то тебе, наверное, не стоит пренебрегать таким неженатым мужчиной, как я. — На это у Итана не было времени. Завтра он покинет город, чтобы выследить Грея, и впервые тяга к убийству как таковому была слабее, чем тяга к женщине.

Она засмеялась обольстительным сладострастным смехом, и ему захотелось жадно целовать ее.

— Вы так недостижимы, что не подходите даже на роль маловероятного кандидата.

Итан напрягся.

— На чем основаны эти выводы? Ты так мало меня знаешь.

— Я знаю достаточно, чтобы подозревать, что вы бы использовали меня и ушли, ни разу не оглянувшись, — уже без тени юмора ответила она. — И не обвиняю вас, просто констатирую факт. — Ее бесхитростные, синие глаза вдруг стали непроницаемыми. — Думаю, у нас с вами много общего.

— Общего? Значит, ты тоже с нетерпением ждешь, когда мы сольемся в экстазе?

Мэдди улыбнулась. Она просто не могла с собой совладать.

— Всего-то на всего. Вы обезоруживаете меня. — Было нечто в его грубой, подчеркнуто грубой, на грани фола, манере поведения, что притягивало ее. Кого она обманывает? Все в нем притягивало ее: от его резко выраженного акцента и мускулистого тела до странного влечения к ней.

— Обезоруживаю тебя? Я хочу большего.

Ее улыбка потухла. Шотландец не сдавался, и она уже пожалела, что подстрекала его. Вела себя глупо, как обычная двадцатипятилетняя девчонка, не имеющая представления о роскоши. Практичная Мэдди чувствовала себя подавленной, ситуация выходила из-под контроля.

— Подруги уже, наверное, ищут меня. Пора возвращаться. Шотландец хмуро посмотрел на нее.

— Ты и вправду... уйдешь? — В его голосе послышалась растерянность — казалось, он не знал, что предпринять.

— А вы и вправду не привыкли к отказам?

— Я не привык к ситуации, в которой мы оказались.

— Вы никогда не ухаживали за женщинами? — спросила Мэдди с сомнением в голосе.

— Никогда.

— Значит, мне повезло быть первой? — В любом другом случае, услышав подобные слова, Мэдди восприняла бы их как прощупывание возможности залезть ей под юбки. Но в том, как он их произнес, было что-то такое, что подсказывало ей, что это важно для него, что слова эти были не только правдивы, но и оказались неприятным открытием для него самого.

Было ощущение, будто он винил в этом ее.

— Да, — выдохнул он. — Ты первая.

— Жаль, потому что в первой же попытке вас ожидает неудача.

Он прищурился.

— И ты называешь меня самонадеянным? Что заставляет тебя думать, что ты сможешь отвергнуть меня?

— Потому что не я, а вы искали встречи со мной.

— И делал это не зря. — Он уперся ладонями в стену по обе стороны от ее головы и наклонился к ней, как будто намереваясь поцеловать. — Я увезу тебя отсюда сегодня.

Несмотря на то, что ей до смерти хотелось почувствовать вкус его губ, она уперлась руками в его грудь в попытке оттолкнуть, стараясь при этом не обращать внимания на обнаруженную твердость и рельефность его мышц.

— Никаких шансов, Шотландец. Я ни в коем случае не поеду с вами... — Мэдди отклонилась, как только он приблизил лицо. «Он собирается поцеловать меня прямо сейчас!» У нее участилось дыхание, затрепетали полузакрытые веки — от его тела шел приятный, чистый запах и... жар.

Мэдди лизнула нижнюю губу. Заметив это, он довольно усмехнулся, будучи уверенным, что уже почти у цели. Она не смогла сдержать тихий стон...

Послышались пронзительные свистки.

Мэдди замерла.

— Это полиция? — шепотом спросила она, когда ее губы находились всего в нескольких сантиметрах от его.

— Да, — прошептал он. — Держу пари, что теперь ты захочешь уйти со мной.

Здание сотрясал топот разбежавшейся публики. Мэдди ощутила тряску от стола, на котором сидела, и туман желания сразу рассеялся.

«Самосохранение, Мэдди!»

— Надо уходить сейчас же! — Выскользнув из-под Шотландца, Мэдди спрыгнула со стола, потом оттащила стул от двери. В тот момент, когда она уже собиралась выскочить из комнаты, он схватил ее за юбку и придержал. — Отпустите меня, — бросила она через плечо.

— Не слышишь, что творится снаружи? Нет ни единого шанса проскочить мимо полиции, но зато тебя вполне могут растоптать.

Мэдди повернулась к нему.

— Но там мои подруги.

— С ними ничего не случится. Двое моих приятелей находятся неподалеку и уже выделили женщин, с которыми ты пришла. Они проводят их домой.

— Но...

— Оба человека весьма умелые и в тысячу раз благороднее меня. Беспокойся только о себе, девочка.

— Там есть запасной выход, — сказала Мэдди, покусывая нижнюю губу. — Будучи осмотрительной и в силу привычки, она всегда проверяла пути отхода из любого здания, в которое попадала. Войдя в помещение с подругами, Мэдди обследовала задний холл, куда, как она заметила, прошла парочка в верхней одежде. Назад они так и не вернулись. — Вы можете мне выбраться отсюда?

— Помнится, кто-то говорил, что никогда не уйдет отсюда со мной. — Он прислонился к стене, не выпуская из рук ее юбку. — Никаких шансов — так будет точнее. — Он улыбнулся, но тут же подавил усмешку, будто даже холодная улыбка была нежелательной. Так обычно поступали люди, у которых не было зубов, но у него зубы были белыми и ровными. Отличными, как и все остальное в нем. За исключением его самонадеянности.

— Тогда отпустите меня.

— Я выведу тебя из помещения... за поцелуй, которого я уже почти добился.

Она испытывала настойчивое желание целовать его, ну и, конечно, привычное для нее чувство самосохранения... Одно не мешало другому, тем не менее, сейчас было не самое подходящее время для поцелуев. Мэдди страдальчески вздохнула:

— Если у меня нет другого выхода. Но только после того как окажемся в безопасном месте.

Он совершенно не проявлял тревоги по поводу происходящего снаружи.

— Поцелуй сейчас или нечто большее потом. Какой тебе вред от одного поцелуя?

— Какой от него прок? — отбивалась Мэдди, но он стоял на своем. — О, хорошо. — Прильнув к Шотландцу, она обвила руками его шею, притянула голову вниз и на мгновение прижала губы к уголку его рта.

— Ах, ангел мой, это было приятно, нет сомнений. Но это не совсем то, что я имел в виду. — Он опустил ладонь на ее затылок. — Мне нужен настоящий, крепкий поцелуй. Пока

ты не задохнешься.

— Задохнусь? — пробормотала Мэдди, не отрывая от него глаз. — Правда? Как... захватывающе.

Другой рукой он взял ее за подбородок и провел большим пальцем вдоль нижней губы.

— Легче будет просто показать тебе...

Зазвучало больше свистков. Крики снаружи усилились.

— Но они скоро будут здесь. Нет времени! Шотландец пожал плечами:

— Тогда приготовься к большему позже.

— Уточните, сэр. Что значит «к большему»?

— Я хочу иметь тебя.

— Невозможно.

— Тогда целовать тебя, — подушечками пальцев он сжал ее соски, — сюда.

Ахнув от неожиданно испытанного удовольствия, Мэдди отпрянула и инстинктивно скрестила руки на груди.

— Нет, категорически нет. — Она подумала о том, что он, вероятно, уже представлял себе, как ласкает губами ее соски, и покраснела. — Неужели вы не слышали старую поговорку: «Лучше попытаться скрыться от полиции, чем позволить незнакомому Шотландцу целовать свои груди»?

Он то ли кашлянул, то ли хмыкнул в кулак, затем воззрился на нее как на незнакомый биологический вид.

— Ты глупая девчонка, знаешь это?

— А вы слишком много просите от этой глупой девчонки. — Мэдди открыла дверь, чтобы выйти, и уже ступила на порог, когда он оттащил ее внутрь и захлопнул дверь.

— У такой маленькой леди, как ты, ничего там не получится.

— Я не маленькая. — Ее рост был пять футов с четвертью!

— К тому же упрямая. Но я не могу позволить тебе бежать навстречу смерти.

«Что ж, я всегда могу нарушить данное мной слово».

— Хорошо, я согласна на ваши условия. Теперь можете вытащить меня отсюда?

— Слишком поздно. Условия изменились. — Мэдди ничего не сказала на это. — Ты позволишь мне трогать те твои места, какие мне захочется, а ты будешь трогать меня.

— Вы жестокий человек, если таким образом хотите использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах!

— Ты ничего не понимаешь, — ответил он лениво, но глаза выдавали его раздражение. — Как тебе нравится перспектива оказаться в тюрьме сегодня вечером? Я — это меньшее из двух зол, так что делай правильный выбор, тем более что такое случается не каждый день.

Если она попадет в тюрьму, выручать ее придет Куин. Какое унижение!

— Да, да! Я согласна, — ответила Мэдди, рассчитывая сбежать от Шотландца, как только он выведет ее отсюда.

— Хорошо. Теперь не выпускай мою руку. — Его ладонь была теплой и полностью скрыла ее руку, когда он взял ее, и они одновременно посмотрели вниз, на руки, потом друг на друга. — Маленькая, как я и говорил, но, кажется, мне нравится это.

Мэдди решила, что сейчас не время возражать, что все будет казаться маленьким в сравнении с Шотландцем, тем более что он уже открыл дверь.

— Держись позади меня, — распорядился он достаточно громко, чтобы перекричать

шум толпы.

— Мы можем попасть в тот холл? — Она указала на обследованный ранее задний холл, из которого сейчас выбегали перепуганные клиенты.

— Да, но там нет выхода. Поэтому они бегут оттуда.

— Просто пойдём туда! Пожалуйста, я найду выход где угодно!

Он посмотрел на нее, прищурившись, но все же двинулся вперед, рассекая толпу. Шотландец решительно отталкивал плечом всех, кто попадался на пути, так что Мэдди не составляло труда двигаться под прикрытием его широкой спины. Менее сильный человек вообще не смог бы продвинуться вперед, многих поток отбрасывал назад, но Шотландец дошел до холла. Потом он бороздил толпу, набившуюся там, пока не наткнулся на пустой коридор.

— Да! — закричала Мэдди. — Пошли туда!

Он свернул в коридор, в конце которого они обнаружили выход.

На двери висел устрашающих размеров замок.

Шотландец вопросительно посмотрел на Мэдди, но она лишь беспомощно пожала плечами. Затем повернулась, пытаясь найти другой выход. Они оказались в ловушке, в настоящей западне...

Позади нее раздался треск. Мэдди обернулась и увидела, что Шотландец впечатывает свой каблук в дверную филенку под замком. Полетели щепки. Еще удар, и дверь распахнулась. Она ахнула.

Он великолепен! А Мэдди доводилось видеть великолепных мужчин. Когда она бросилась к выходу, он схватил ее за локоть.

— Не торопись так, мой ангел. Держись позади меня. Мэдди кивнула. Затаив дыхание, она с нескрываемым обожанием смотрела на него.

Оттянув воротник, Шотландец сердито посмотрел на нее:

— Не смотри на меня так.

— Как так?

— Как будто я не такой, какой есть на самом деле.

— Я не понимаю...

Перед ними выросли два полицейских, и Шотландец задвинул ее за спину. Он ударил одного локтем, а другого кулаком. Первый запнулся и упал на спину с перебитым носом, а второй как упал, так и остался лежать.

Потом Шотландец схватил ее за руку и снова потащил за собой.

— Вы запросто избили полицейских.

— Они подвернулись под руку, — сердито бросил он.

В ее гнилом районе некоторые из жандармов были честными, но в основном — нет. Нередко у нее возникало желание пристукнуть одного-другого.

— Но...

— Я сказал, что выведу тебя отсюда. — Он замолчал и, повернувшись, взглянул на нее сверху вниз. — Уверяю тебя, я готов свернуть горы за ту награду, что ждет меня впереди.

Великолепный? Нет, восхитительный. Она чувствовала, что таращится на него словно идиотка: тупо, с приоткрытым ртом.

Каждая девчонка мечтала о лихом мужчине в маске, спасающем ее от негодяев или разбойников с большой дороги, которые хотят отнять у нее драгоценности и честь. Мэдди не была исключением и теперь задавалась вопросом, сможет ли нарушить их договоренность.

Конечно, нарушит! Она заколебалась под влиянием его разговоров о том, что он будет целовать ее грудь, а она касаться его. А если добавить и то блистательное проявление мужской силы, которому она была свидетельницей, то некоторое ее колебание естественно.

Прежде никто не вступал за нее в схватку, никогда, независимо от того, насколько остро она нуждалась в помощи.

И снова он испытывал неловкость от того, как она на него смотрела.

— Так что постарайся держаться, — сказал он угрюмо, потом повернулся и, ускоряя шаг, повел ее по глухим переулкам подалее от резких свистков. Он постоянно оглядывался на нее и, похоже, был удивлен, что она не отстает, но Мэдди могла пробежать несколько миль в таком темпе.

Когда они, наконец, замедлили бег и перешли на шаг, он отпустил ее руку, чтобы позвать кеб. Мэдди могла свободно убежать, но обнаружила, что не может просто так покинуть его, как будто какая-то невидимая сила удерживала ее рядом с ним.

Откуда у нее эта нерешительность? Мэдди должна бежать от него, а не глазеть на эту мощную фигуру и не гадать, какова на ощупь его кожа.

Осязание всегда вызывало у Мэдди особые ощущения: прохладные шелка вызывали дрожь, бархат отзывался трепетом в подушечках пальцев, перчатки — томлением во всем теле. А он предложил трогать его тело. Она изо дня в день наблюдала, как женщины трогают мужчин, но не могла себе представить, что почувствовала бы, разминая руками твердую мужскую плоть. Ей нравились красивые мужчины, ей нравилось осязать.

Шотландец предлагал и то и другое.

— А ты не выглядишь слишком испуганной, — не оборачиваясь, отметил он.

— Меня не так-то легко напугать. — Сегодняшнее приключение выглядело детской забавой в сравнении с ее жизнью в Марэ. В одиннадцать лет Мэдди выжила во время грандиозного пожара, она пережила две эпидемии холеры — немногие в Марэ могли похвастаться этим; насилие же на улицах было там повседневным событием.

Помимо всего прочего, рядом с этим Шотландцем она чувствовала себя в полной безопасности.

— Не только хорошенькая, но и храбрая, — пробурчал он в ответ.

Тогда Мэдди поняла, что ее план отказа от своего слова потерпел полное фиаско.

Как только экипаж тронулся с места, Шотландец задернул занавеску со своей стороны, а затем перегнулся через Мэдди и проделал ту же операцию с занавеской на окне с ее стороны. Погрузив их в темноту, он решительно подтянул ее к себе и усадил на колени.

— Подождите! Что вы?.. Вы не можете так... — Но он начал теревить языком мочку ее уха и прокатившееся по телу наслаждение отбило желание дистанцироваться от него. — О-о-о.

— Я выполнил то, что обещал, теперь очередь за тобой, — безапелляционно заявил он.

— Куда вы меня везете?

— К себе домой.

— К вам домой? — Мэдди передернула плечами. — Мне настолько не терпится стать одной из незнакомых женщин, развлекавшихся в ваших холостяцких апартаментах...

— Ты опять будешь первой, — прервал ее Шотландец.

— И я должна в это поверить?

— Хочешь — верь, хочешь — нет. Это правда.

— Что во мне такого, что вызвало такие перемены? Он откинулся назад с раздраженным видом.

— Хотелось бы мне знать.

Это не было притворством. Возможно, у него было такое же ощущение сродства, непонятной близости в отношении ее, как у нее самой в отношении Шотландца. Влечение Мэдди к нему было спонтанным и яростным, настолько сильным, что ей казалось, будто ее сбила карета.

Мог ли он испытывать те же ощущения?

В любом случае все это было безумием. Она даже лица его не видела.

— Шотландец, если это послужит хоть каким-то утешением, я тоже веду себя совсем не так, как всегда.

— Тогда мы разберемся в этом потом, что скажешь? — Он подпер согнутым пальцем ее подбородок. — Не вижу никаких причин отказываться от желания прямо сейчас зацеловать тебя до бесчувствия.

До бесчувствия? Одна часть Мэдди хотела, чтобы он довел ее до бесчувствия, чтобы она задыхалась, в то время как другая не могла поверить в происходящее. Когда он прильнул к ее губам, она закрыла глаза.

Его губы были теплыми и плотными. Он водил ими по ее губам, и это нежное прикосновение вызвало горячую волну, прокатившуюся по всему ее телу. Она приоткрыла губы, и его язык проскользнул внутрь и начал медленно дразнить ее язык. Мэдди никогда не испытывала ничего более возбуждающего.

И хотя до этого не предполагала, сейчас у нее не было сомнений по поводу того, что подобные поцелуи являются прелюдией к соитию.

Она вдруг начала отвечать на ласку, что усилило ощущение. Он прижимал ее все сильнее, входя во вкус и углубляя поцелуй. Она стискивала его плечи, упиваясь мощью мускулов. Она жаждала этой мощи, томилась по этой силе, хотела, чтобы эти руки обнимали ее.

Их языки сплетались вновь и вновь, разжигая в ней такой огонь желания, который

никогда не возникал даже в ее воображении. Он, должно быть, чувствовал то же самое. Он удобнее посадил ее на коленях и застонал, когда его восставший орган всей длиной впредсвоался в ее зад. Мэдди могла поклясться, что чувствовала исходящий от него жар даже сквозь их одежду, и тут же представила себе, как поглаживает его ладонью. Во всех своих фантазиях она и представить себе не могла, какой он горячий. Она заерзала на его коленях...

Он чуть отстранился и уставился на нее, будто в шоке, с полуоткрытым ртом и неровным дыханием.

— Я... я никогда раньше особо не любила целоваться, — прошептала Мэдди с пришедшим осознанием того, что действительно задыхается.

— Да и я тоже, — прохрипел он.

Она захныкала, требуя еще. Он выругался в ответ. Они снова начали целоваться.

Он казался неумолимым и продолжал целовать ее с не меньшим пылом, чем в первый раз, пока она не почувствовала себя бесхребетной и беспечной. Бесчувственной... Застонала, не отрывая губ.

Но он с настороженным видом оторвался опять.

— Это было... это... — Он прищурился. — Ты так целуешь меня, а эта ночь закончится, не успев начаться.

Он был явно весьма опытным и искушенным и, тем не менее, наслаждался ею. Он по-прежнему доставлял удовольствие ей. Мэдди была возбуждена и в силу каких-то причин ощущала себя счастливой, чего не испытывала долгие месяцы.

— Шотландец, — проворковала она, запуская пальцы в его густую шевелюру, — я рада, что попросила тебя помочь мне в бегстве.

— Я очень рад быть с тобой здесь.

Мэдди вдруг испытала досаду, посчитала слишком несправедливым то, что ее муж не будет таким, как этот бог, который держал ее в объятиях, распалаял каждым чутким прикосновением своего языка.

А что, если удастся женить его на себе?

Правда, она все еще не видела его лица и не знала его имени. Но если быть честной, она готова рискнуть и предположить, что Шотландец не троекратный вдовец. А если быть честной до конца, то она ведь видела лицо графа.

Страстные поцелуи этого мужчины, ее неодолимое влечение к нему и в немалой степени его незаурядная сила натолкнули Мэдди на отличную идею решения всех своих проблем.

— Шотландец, а может быть, ты богат и подыскиваешь себе жену?

— Только первое. Я никогда не женюсь.

— Никогда-никогда? Или ты имеешь в виду, что женишься через несколько лет, когда пресытишься холостяцкой жизнью?

— Никогда. — Он был категоричен, и, похоже, его раздражал сам предмет разговора.

— А... Что ж, я действительно не смогу пойти к тебе домой, — сказала Мэдди в тот момент, когда экипаж остановился. Он опустил ее на сиденье и открыл дверцу со своей стороны. Они стояли перед впечатляющим, выложенным красным кирпичом особняком.

— Где мы? — спросила она в замешательстве.

— На Гросвенор-сквер.

— Это твой дом? — Она рассматривала большое здание, превосходившее размерами даже дом Куина. По обе стороны широких мраморных ступеней величественно стояли в ряд

белые колонны. Девственные сады были щедро подсвечены спрятанными газовыми фонарями.

— Да, мой дом.

Мэдди выгнула дугой бровь. Она легко могла представить себя хозяйкой всего этого. Он подал ей руку.

— Подожди! Я не могу просто так пойти с тобой! — Хотя на самом деле ей очень хотелось увидеть внутреннее убранство.

— У нас было соглашение.

— Но не идти же к тебе домой! — Они находились не так уж далеко от Уэйлендов. Вдруг кто-то заметил ее?

— Тебе действительно не нравится эта идея? — Она кивнула, и он, выглянув наружу, распорядился, чтобы кучер трогал. Экипаж опять покатил по дороге. — Не имеет значения. Я могу взять тебя и здесь, не обязательно это делать в постели.

— Взять меня? — У Мэдди округлились глаза. — Я думала, в наше соглашение входило только касание.

Он снова потянул ее к себе на колени и с небрежной фамильярностью будто они сидели так сотни раз, положил руку на бедро.

— Просто доверься мне. Я постараюсь, чтобы тебе было хорошо. У тебя будет много впечатлений для твоего дневника, — сказал он, изображая намек на усмешку.

— Ты можешь меня иметь, Шотландец. Всю, но только не раньше завтрашнего полудня. У меня будет достаточно времени, чтобы ознакомиться с твоими бухгалтерскими книгами, а у тебя — чтобы получить специальное разрешение. Нас смогут обвенчать до обеда.

Он слегка сжал ее подбородок.

— Пойми, девочка. Ничто на свете не подвигнет меня на женитьбу.

Когда до нее дошло, что он такой же, как Куин, у нее сжалось сердце.

— Я понимаю. — К сожалению, она действительно понимала, причем очень хорошо. Это был уже второй раз за день, когда ей говорили одно и то же, давали от ворот поворот. Некоторые мужчины просто не рождены для женитьбы независимо оттого, сколько они стоили.

А это означало, что девушки, подобные ей, могут довольствоваться только обедками — подагрическими старыми графами.

— Надеюсь, — сказал он с явной угрозой.

Она рассеянно кивнула. Сегодня каждая попытка Мэдди изменить жизнь подталкивала ее к решению выйти замуж за Ледо, но она содрогалась при мысли о том, что именно этот старый боров будет кряхтеть на ней, пытаясь лишить девственности. Нет, она, обожающая красивых мужчин, не позволит ему лишить ее невинности. Да, это было неправильно и неожиданно, но, может быть, после алкоголя и плотных губ Шотландца ей просто не терпелось.

С тех пор как застрелили ее отца, несчастья валились одно за другим, сыпались как из рога изобилия. Как пойманная в сети рыба, чем больше она боролась, тем хуже становилось. Она всегда очень мало ждала в ответ на постоянно приносимые жертвы, но уж эту сторону жизни могла контролировать сама — то есть решить, кто будет ее первым любовником. И внутренний голос кричал ей, что она могла доверять этому таинственному незнакомцу.

Мэдди покусала губу. Ледо можно обмануть, и он подумает, что она девственница. Ее домовладелица и лучшая подруга в Париже в каждый из своих трех браков вступала

девственницей.

Шотландец сказал Мэдди, что овладеет ею сегодня же.

В этот момент она поняла, что он был прав.

— Очень хорошо.

— Очень хорошо что?

— Если ты хотел большего... — Она сразу почувствовала, что он стал сильнее пульсировать под ней.

— Ты... ты хочешь, чтобы я взял тебя, — отрывисто сказал он, но прозвучало это как вопрос.

— Да. Я хочу большего, чем было в нашем соглашении, — пробормотала Мэдди. — Я хочу тебя. — «Чтобы ты показал мне это... подарил мне эту ночь, открыл тайную сокровищницу».

— Что изменило твоё отношение?

Она вздохнула:

— Мои мотивы тебе знать ни к чему, Шотландец. Тебе это нужно?

Он ухмыльнулся, сверкнув белыми зубами:

— Совсем нет.

— Тогда... хм... в таком случае, не думаешь ли ты, что мы должны снять маски? — спросила Мэдди.

— Они добавляют ощущениям остроты, ты не находишь? — Он проскользнул кончиками пальцев под маску и провел по ее щеке.

Ее никак нельзя было назвать робкой, но это был ее первый настоящий физический контакт. А у нее самой были претензии к своей стройной фигуре, и она не была уверена, что будет достаточно желанной. Иначе говоря, у нее были маленькие груди. Маска могла бы скрыть горячий румянец, и это вполне устраивало Мэдди. Тем более что это должна была быть только одна ночь... единственная ночь тайны и желания. И на том конец.

— Да, полагаю, добавляют.

Но он не слушал, поскольку был занят тем, что обводил пальцами линию ее подбородка.

— Такой изящный, — рассеянно сказал он, по-видимому, даже не сознавая, что произнес это вслух. Мэдди каким-то образом поняла, что это было сказано не для обольщения. Он изучал ее, пытливо рассматривал.

— У меня никогда не было таких женщин, как ты. — Как я?

— Такая хрупкая. — Он обвел пальцем ее ушко, отчего ее бросило в дрожь. — Даже страшновато до тебя дотрагиваться.

— О, не говори так.

— Ничего, все в порядке. Ничто не сможет помешать мне взять тебя. — Он повел пальцы вниз по плечу над ключицей, затем скользнул ниже, и дыхание Мэдди тревожно участилось, грудь резко вздымалась и опускалась от его прикосновений. Затем он добрался до края тесного лифа, и его пальцы скользнули внутрь. Пальцы медленно продвигались все глубже и глубже... пока подушечка указательного пальца не нащупала ее пульсирующий сосок.

— О, мой Бог, — простонала она, вцепившись руками в его шею.

— Хрупкая... и чувственная. — Он медленно катал между пальцами набухший сосок. — Тебе нравится так?

Она кивнула. Глаза у нее были прикрыты, а веки подрагивали.

Когда он отнял руку, она чуть не издала вопль протеста, но успокоилась, увидев, что он предпринимает попытку расшнуровать ее лиф. Шнуровка, правда, была тонкой, и она сама с трудом справлялась с ней. Провозившись, некоторое время, он разочарованно чертыхнулся и сунул свои большие пальцы под ткань.

Поняв, что он сейчас порвет лиф, Мэдди открыла рот, чтобы выплеснуть свою злость — ведь она залезла в долги, чтобы купить это платье, — но он отпустил ее. Сосредоточенно, с нахмуренным видом он поправил лиф и снова обнял ее.

Она как-то сразу смягчилась.

— Позволь мне, Шотландец, — сказала она, убирая его руки и сопровождая это поцелуем в каждую ладонь.

Несколько раз за вечер она замечала, как он колебался и отстранялся на секунду-другую, как будто брал тайм-аут для обдумывания. Так же поступил и сейчас. Ее начали одолевать сомнения: может быть, она неправильно себя ведет — ведь это была ее первая любовная встреча, — или же то, что происходит между ними, совершенно не похоже на то, к чему он привык? Она склонна была отдать предпочтение второму объяснению.

Когда ей удалось справиться со шнурками, он распахнул ее платье до пояса. Она нервно сглотнула, когда он не спеша, стягивал чашки корсета из газовой ткани, оголяя ее груди. «Темно. Он не может видеть меня...» Когда ее груди окатила ласковая волна холодного воздуха, она заставила себя не отворачивать лицо и не прикрывать груди руками.

Он прошипел что-то на незнакомом ей языке — возможно, на гэльском.

— Что ты сказал? — нервно спросила Мэдди.

— Я сказал, что собираюсь целовать эти груди всю ночь. — Он гладил оба соска кончиками пальцев и вглядывался в ее лицо, пытаясь определить реакцию. Она втягивала воздух и чувствовала, что под его взглядом соски затвердели еще больше.

Потом он накрыл ее груди горячими шершавыми ладонями.

— Мягче не могло быть. — Его ладони полностью накрыли ее маленькие грудки. Он осторожно мял их, и у нее стало горячо и мокро между ног.

Как только она могла жить без этого?

Когда он отнял руки, чтобы стянуть с себя камзол, она невольно выгнулась вперед, вслед за руками. Он произвел скрежещущий звук, который был, надо полагать, смехом.

— Жадная девочка, — сказал он, но ей показалось, что он доволен. Затем он снова возложил руки на ее груди. — Тогда расстегни мою рубашку. — Наверное, он насмеялся над ней, но ей было все равно. Желание затмевало все на свете.

Пока она сражалась с пуговицами его рубашки, он нагнулся и принялся водить носом по ее соскам. От его горячего дыхания они снова начали пульсировать, но он не сосал, а только дразнил так, что она корчилась и ерзала по его паху.

Наконец прильнул горячим ртом к ее груди.

— О, мой Бог, — прошептала она, когда он начал водить языком по твердому соску. Затем Мэдди, словно в тумане поняла, что его рука находится под ее юбками.

— Шотландец, я... пожалуйста, помедленнее. Я хочу тебя. О Боже! — вскричала она, когда он сомкнул губы на ноющем соске и начал интенсивно сосать его. — Н-но нельзя ли помедленнее?

Он поднял голову.

— Почему? — спросил он, похоже, с искренним недоумением.

— Я просто подумала... мне так не очень удобно.

— У меня давно не было женщин, — напряженным голосом сказал он, ссаживая ее с колен на сиденье. — Я буду делать это медленно потом, в остаток ночи. — Он свернул свой камзол и подложил под нее. — Но сейчас мне нужно вставить в тебя. — Опрокидывая ее на спину, он с той же силой впился во второй сосок.

— О Боже... какие ощущения. — Сейчас он вел себя с ней как собственник, будто она безраздельно принадлежала ему, и... несколько грубовато. Так отчего же она в наслаждении выгибалась? — Но, Шотландец... видишь ли...

Он снова поднял голову, чтобы заглянуть в ее глаза.

— В чем, собственно, дело? — Его рубашка была распахнута, и ее зачарованному взору предстал его рельефный торс. Мэдди тут же забыла все, что хотела ему сказать.

Она могла трогать его. Это было как раз то, что будоражило ее воображение, то, о чем она мечтала. Мэдди с остервенением сорвала перчатки, чтобы ласкать его. Она издавала вздох удовлетворения, когда мышцы его груди исправно, словно он годами тренировался, напрягались и прогибались, когда она касалась их.

Мэдди водила ладонями по твердым выступам и выемкам, получая чувственное наслаждение, отдававшееся покалыванием в подушечках пальцев от каждого прикосновения к новому участку тела. Его упругая, гладкая кожа... начинавшаяся у пупка полоска с завитками волос. Она наслаждалась его реакцией: тем, как он закрывал глаза, как у него расслаблялась и чуть отваливалась челюсть.

От удовольствия, почти потеряв голову, Мэдди даже не заметила, что ее юбки оказались вдруг задранными до пояса.

Итан страстно хотел этого — после столь долгих лет, наконец, обладать женщиной. Хотя раньше у него не было подобного опыта, сейчас ему хотелось провести с ней в постели всю ночь, иметь ее снова и снова. Целовать каждый дюйм ее упоительного тела.

Прежде чем отправить ее в заоблачные высоты экстаза.

— О Господи, — пробормотала она, все еще увлеченная исследованием его груди.

Она проводила пальцами по его коже с чувством благоговения, что ли. Итан не понимал такие ласки, ему это было чуждо, тем не менее, не мог остановить ее.

— У тебя так гулко колотится сердце. — Она приложила ладонь к середине его груди. — Ты нервничаешь?

— Я не нервничаю, — солгал Итан. У него так давно не было женщины, что он боялся опозориться — закончить все на первом же качке. И впервые в жизни его волновало, что подумает о нем партнерша. Ему хотелось не только доставить ей удовольствие, но и произвести впечатление. Оказаться лучшим из всех, кто у нее был до него.

— Ты говорил, что у тебя давно не было женщины. Очень давно? — спросила она.

— Да, очень давно, — ответил он и удивился, что сказал ей правду.

— Что ж, уверена, что вместе мы справимся, — сказала она внешне спокойно, хотя ее при этом охватила дрожь. Не он один нервничал.

Тем не менее, когда его руки поползли вверх по ее гладким бедрам и скользнули в разрез панталон, она расслабилась. Коснувшись в первый раз ее промежности, Итан задрожал от удовольствия.

— Ты уже мокренькая в ожидании меня, — прохрипел он, жутко возбужденный ее готовностью. Одной рукой он ласкал ее груди, другой — водил указательным пальцем по складкам, собирая ее сок, чтобы подразнить маленький чувствительный узелок.

Она вскрикнула и выгнула спину, а вскоре безотчетно задвигала бедрами, с каждым его касанием проявляя все большую похотливость. Ему хотелось попробовать то ее место на вкус, погрузить пальцы внутрь, но он знал, что тут же кончит.

Уголком сознания Итан помнил, что еще два часа назад он боялся, что лишился этих ощущений, а сейчас, с ней...

Он готов был выплеснуть все, как не целованный юнец.

Нужно было взять ее до того, как это произойдет и будет уже поздно. Когда Итан отнял руки, чтобы суетливо стянуть с нее панталоны, она задвигала плечами, грудью, чтобы он продолжил свои ласки.

«Боже, как горяча эта маленькая штучка». Он не мог себе представить, что она будет выделять, когда он приступит к основной работе.

Без нижнего белья, с задранными до талии юбками, она дрожала и не могла сдерживать стоны. Одно легкое нажатие на внутреннюю часть бедра, и ее колени раздвинулись без предварительных ласк. Ему было любопытно, являлись ли ее неконтролируемые, такие неумелые и поэтому странные для него отклики на его действия проявлением невинности. Итан никогда не имел девственниц и не хотел делать это сегодня ночью.

Нет, целовалась она как куртизанка, с обилием слюны, жадно засасывая его язык.

Но чтобы знать наверняка, он расстегнул штаны и с приглушенным стоном высвободил член.

— Я хочу, чтобы ты погладила его.

Она кивнула и взяла его в мягкую ладонь. Для него это было первое прикосновение за много лет, и он не смог удержаться от резкой подачи бедер вперед. Другой рукой она взяла его за мошонку и принялась мять ее. А когда большим пальцем начала выводить круги по его члену, все его сомнения относительно ее опыта рассеялись.

— Хватит. Если не остановишься, я сейчас же извергнусь.

Он едва не застонал, когда она начала покусывать губу, явно обдумывая его слова.

— А это смутило бы тебя?

— Совсем нет. Позже ночью покажу тебе, как я это делаю.

— Похоже, ты жутко развратный тип.

— Да, в кровати я могу многое сделать с женщиной и заставить ее сделать мне.

Она провела гладкой стороной ногтя вниз по его стволу, который тут же дернулся вверх, словно вдогонку за ее касанием.

— У тебя... мм... очень большой.

— Но он тебе понравится, обещаю. — Он опустился на нее, прижавшись пахом к низу ее живота и уткнувшись лицом в шею. Аромат ее волос и касание торсом ее груди и сосков сводили его с ума. Их поцелуи чуть не довели его до оргазма, а ее искусная ласка довела его до выделения смазки.

Он был в таком состоянии, что почти ничего не чувствовал, кроме боли в яичках, и не мог ни о чем думать, кроме того, что пора вставить ей и сбросить это давление.

— Позволь мне поскорее освободиться от этого. — Он не помнил, чтобы когда-то доходил до такого неистовства. — А потом я сделаю все хорошо и медленно.

Она смотрела на него из-под полуоткрытых век в тот момент, когда он опустился на нее и с помощью колена заставил раздвинуть шире ноги. Он уткнул свой член в ее мокрые складки и начал водить головкой вверх и вниз, стараясь не проникнуть внутрь.

Пока она извивалась под ним, Итан подал бедра вперед, и его набухшая головка не без труда вошла в нее. Потрясающе горячая теснота, с которой он столкнулся, едва не вызвала семяизвержение.

— Это хорошо, девочка, — выдохнул он.

Итан прогнулся и вошел в нее полностью, влажный «чулок» внутри ее тела потряс его, удивил, будто до нее у него вообще не было женщин. Ощущение ее изгибающегося тела, сосков, которые еще больше набухли и затвердели под его ладонью... — он никогда не испытывал такого наслаждения, никогда.

— О Боже! — вскрикнула она. — Это... это... слишком...

— Я знаю, — простонал он. Еще один сильный толчок, и его затрясло. При движении назад, при выходе ее скользкая плоть сжимала его член как кулак. Он был уже на грани оргазма — ведь у него так давно ничего не было. Итан снова вонзил в нее свой ствол, ему нужно было вставить его полностью. Он елозил на ней, пытаясь проникнуть глубже...

Она начала отталкивать от себя его бедра. — Н-нет!

Он затряс головой и хмуро уставился на нее:

— В чем дело? Что я сделал не так? — Ты должен прекратить!

— Прекратить? — недоверчиво переспросил он. — Отказаться от этого? — Итан никак не мог покинуть это самое сладкое из всех в его жизни хрупкое тело, тем более после трехлетнего воздержания. — Ты такая горячая... такая узкая.

Она отчаянно пыталась столкнуть его с себя.

— П-пожалуйста... ты не представляешь... как это больно. — Она всхлипнула.

Он сразу замер.

— Ты что... ты что, плачешь?

Она не ответила, лишь отвернула лицо, и он, скрипнув зубами, пробормотал грязное ругательство. В замешательстве Итан начал выходить из нее. Сантиметр за сантиметром он нехотя расставался с ошеломляющим наслаждением, в то время как она, казалось, решила не выпускать его.

Пришлось убеждать свое тело, что он не собирается продолжать акт и кончать, чего ему так страстно хотелось, что он отказывается продлевать небывалое наслаждение — назад пути нет.

Слишком поздно. Едва вынув свой ствол, он закричал и начал непроизвольно изливаться на нее семя. Он начал помогать себе рукой, чтобы быстрее кончить. Он упирался лбом в ее грудь, и рот был слишком близко от ее твердого соска, так что искушение было слишком велико, чтобы, кончая, он не начал сосать эту грудь. Он прыскал снова и снова — на ее бедра, содрогаясь и издавая стоны.

Наконец он утомился и лишь жадно ловил ртом воздух. Он остался лежать на ней, придавливая ее своей тяжестью, и все пытался разобраться, что произошло. Когда он впервые вошел в нее, единственное, что он почувствовал, это очень стесняющая движение теснота и обжигающее тепло вокруг, но сейчас он вспомнил, как преодолевал ее нерешительность и оказывал давление.

Она была девственницей.

Зачем она пошла на это? Почему отдалась ему?

Несмотря даже на такой непредвиденный конец, обладание ею было потрясающим испытанием. Итан пребывал в легкомысленном, почти эйфорическом состоянии. Как он сам решил, так себя должен чувствовать человек в состоянии полного удовлетворения. О да, он был удовлетворен. Доволен, будто сделал нечто такое, что давно надлежало сделать, и был вознагражден сверх ожиданий. А в следующий раз должно быть еще лучше.

Итан приподнялся на локтях.

— Ах, девочка, что же ты мне не сказала? — Он провел большим пальцем по ее щеке и почувствовал влагу. — Эй, не плачь, — проскрипел он, отводя локоны с ее лба. — Я ведь не знал.

Мэдди, сморгнув слезы, наблюдала, как озабоченность в его полуприкрытых глазах сменялась прищуром подозрительности.

Наконец он сел, и она отползла от него. Движение вызвало обострение боли. У нее перехватило дыхание, и вновь потекли слезы. Пока он застегивал штаны, она оправила свои юбки. Мэдди не могла унять сотрясающую ее дрожь, вспоминая, как он продолжал действовать, игнорируя ее крики. Она, по крайней мере, трижды просила его прекратить, но он просто закрывал глаза и делал вид, что не слышал. Создавалось впечатление, что он потерял рассудок. Если бы она не начала отпихивать его бедра... Мэдди содрогнулась.

— Спрашиваю еще раз, почему ты не сказала мне?

Она чувствовала, как в нем нарастает гнев. Да, ей следовало сказать ему, и она собиралась сделать это, но ее отвлекла его грудь. Была слишком захвачена впечатлениями от первого прикосновения к обнаженному телу мужчины. Дрожащими руками Мэдди натянула капюшон, чтобы прикрыть расшнурованный лиф, затем подобрала свои панталоны и перчатки.

— Я собиралась...

— Решила устроить мне ловушку?

— Ловушку? О ч-чем ты говоришь?..

— Ты сказала мне: «Мои мотивы тебе знать ни к чему», — прервал он ее. — Твои мотивы как-то связаны, с желанием увидеть мой дом.

— Нет!

— Не на того напала, мой ангел. Меня теперь совершенно не волнует, если твоя репутация будет подмочена.

Не волнует? Репутация?

— Тебе не удастся использовать меня, обмануть, чтобы потом получить вознаграждение за это. Ничто не заставит меня жениться на тебе.

Уже не скрывая рыданий, она прошептала:

— Я не пыталась...

— К черту, тогда почему ты поддалась с такой готовностью? Мне пришлось долго упрашивать и зарабатывать один поцелуй, и вдруг ты решаешь подарить мне свою девственность в экипаже? После того как сказала, что подыскиваешь богатого мужа?

Мэдди вытерла слезы, смущаясь их.

— Я решила пройти через это, потому что узнала, что мне придется выйти замуж за кое-кого другого.

— Что это, черт возьми, должно означать?

— Я говорила, что мне сделали предложение. После встречи с другим подходящим мужчиной, который отказался жениться, я решила принять это предложение. А прежде чем выйти замуж по расчету, я хотела познать с тем, кого я действительно захочу, что же это такое — занятие любовью.

— Похоже, стало быть, я сорвал то, что принадлежало другому. — Он горько рассмеялся. — Значит, ты намеревалась обмануть ничего не подозревающего жениха и представиться невинной? Наставить ему рога еще до свадьбы?

— Впервые на моей памяти я решила сделать то, что мне хотелось.

— Ты признаешься в своих кознях? Просто не верится! А я ведь думал, что ты отличаешься от тех вероломных женщин, с которыми я встречался.

— Как ты смеешь? Я не собиралась обманывать тебя. Разве трудно поверить в то, что я просто хотела тебя?

Испытывая боль, будучи смущенной, из-за того, что только что произошло, Мэдди шепотом выложила ему правду:

— Хотя теперь для меня загадка, как это я умудрилась захотеть тебя.

— Но сделала это, а что сделано, то сделано. Назад не вернешь независимо от того, плохо это получилось или хорошо. — Он развязал свою маску, бросил на пол и замер, глядя перед собой, предоставив ей возможность лицезреть его профиль с одной стороны. В полумраке он показался ей мужественным и решительным. Зверь, который только что овладел ею, внешне был красивым мужчиной. Он ничего не говорил и не поворачивал к ней лицо, очевидно, принимая какое-то нелегкое решение.

— Воспользуйся этим экипажем, — вымолвил он, наконец, пренебрежительным тоном и бросил купюру на сиденье между ними.

Услышав его слова, Мэдди замерла. Этого не может быть. Она многие годы берегла свою девственность, защищала ее от посягательств, а потом в какой-то безрассудный,

сумасбродный момент бросила ее на съедение этому животному, этому болвану.

А взамен не получила ничего, кроме жгучей боли и унижения.

Ее хваленые инстинкты сослужили ей плохую службу.

Он постучал кулаком в потолок. Когда экипаж остановился, он медленно повернулся к ней:

— Я уезжаю на одну-две недели, но потом вернусь за тобой и решу, что с тобой делать.

У Мэдди отвисла челюсть.

— Что делать со мной? — Как, он думал найти ее? Она все еще была в маске и не называла свое имя. И она была уверена, что уедет из Лондона задолго до его возвращения.

Мысль о том, что она больше никогда не увидит его, помогла ей остановить слезы.

Наверное, граф как любовник лучше Шотландца. Он не мог быть хуже. Она с радостью убежит назад к Ледо и будет признательна ему.

Шотландец будто прочитал ее мысли.

— И, мой ангел, не вздумай до моего возвращения выйти за кого-то замуж.

С этими словами он вышел из экипажа. Мэдди могла поклясться, что, прежде чем захлопнулась дверца, она услышала, как он сказал:

— Или я сделаю тебя вдовой.

По пути домой Итана одолевали противоречивые мысли, и все они так или иначе были связаны с девушкой.

Он понимал, что к тому времени, когда он разделается с Греем, она может выйти замуж за «ждущего своего часа» жениха.

Задаваясь вопросом, зачем ему это нужно, ведь он всегда отдавал предпочтение замужним женщинам, он не мог привести ни одного весомого довода — по крайней мере, более убедительного, чем тот, что он хотел иметь ее в своем полном распоряжении. Если она выйдет замуж, то сможет быть с Итаном только после исполнения супружеского долга, то есть только после мужа.

Это недопустимо.

Итан оправдывал свои притязания тем, что лишил ее невинности. Поэтому у него на нее больше прав, чем на любую другую из бывших его женщин.

Сегодня он лишил ее девственности, и на каком-то примитивном уровне сознания гордился тем, что сделал это. Итан не желал делить с кем-то еще удовольствие от секса с ней.

Тем не менее, существовало всего два способа целиком завладеть ею: сделать ее своей женой или любовницей. Первый категорически исключался, и даже второй слишком пугал его необходимостью брать на себя какие-то обязательства.

«Забудь ее, что было, то прошло». Не время засорять мозги мыслями о женщине.

Если Итан в последующие дни не будет сосредоточен на цели, не будет сохранять хладнокровие, его самого убьют.

До того как у Грея съехала крыша, у него были чрезвычайно развиты инстинкты. Даже пристрастившись к опиуму, он сумел уйти от самоубийственного задания, на которое шесть месяцев назад его направил Эдвард Уэйленд, и, насколько они знали, Грей был все еще достаточно силен, чтобы отомстить.

Итан заверил Куина, что Хью сможет противостоять угрозе. Но сегодня вечером Хью впервые за прошедшие несколько лет снова увидел Джейн, и Итан с разочарованием отметил, что, несмотря на время, чувства брата к ней не угасли.

Так не должно продолжаться. Ему снова придется действовать.

Итан знал свои недостатки и уживался с ними. Он был эгоистичным, бессердечным и грубым, убивал легко. Единственным его положительным качеством было то, что он был готов умереть за своих братьев и хотел, чтобы они были хоть в какой-то степени счастливы.

Но почему-то и Хью, и Корт всегда хотели большего. Они никогда не желали довольствоваться меньшим, чем другие, кому это принадлежало по праву. Итана бесило то, какими они оба были жалкими в своих потугах.

Он собирался, как уже делал это много лет назад, напомнить Хью, почему ему не стоит пытаться заполучить Джейн, но не сделал этого, поскольку этим еще больше отдалил бы брата от себя. Как и раньше, Итан собирался воспользоваться книгой, которая предрекала судьбу их семьи.

По прибытии домой сразу направился в кабинет, чтобы взять «Книгу судеб». Давным-давно провидец клана предсказал судьбы десяти поколений Маккарриков и отразил их в «Книге». Текст «Книги» предрекал события, которые должны были произойти.

Предсказания были сделаны несколько веков назад, но «Книга» хорошо сохранилась, ее обложка излучала неземной свет. Внутри имелась единственная пометка — пятно крови на последней странице, посвященной его отцу...

Десятому Каррику:

Любимая твоя родит тебе трех темных сыновей. Радовать будут они тебя, пока не прочитают этот том. Слова, которые они узрят, прервут молодую линию твоей жизни. Умрешь ты, с ужасом сознавая, что они превратятся в окаянных людей, обреченных ходить рядом со смертью или бродить одним. Их удел — безбрачие, незнание любви или привязанности. Твоя линия прервется, поскольку никто не примет их семья. Смерть и мучения ждут тех, кого застигнет их пробуждение...

Последние две строки прочитать было невозможно, поскольку они были залиты несмываемым пятном крови.

Оба его брата верили в предсказание, безоговорочно принимали содержащееся в нем предупреждение. Оба жили согласно «Книге», и Итан приветствовал это. Но его собственное отношение к предсказанию было... более сложным, что ли.

Он знал, что фолиант обладал осязаемой силой и не поддавался разрушению. И было немало свидетельств, подтверждавших содержащиеся в ней предсказания: ни он, ни его братья не имели детей, все трое, в силу профессии, ходили рядом со смертью, и обе попытки двух из них вступить в брак закончились тем, что одна из невест погибла, а другая едва не последовала вслед за ней.

В точности как было предсказано, их горячо любимый отец Лит, умер на следующий же день после того, как сыновья прочли эти строки.

Можно было объяснить это совпадением. Тайной или неизвестной детской болезнью можно было объяснить, почему ни к одному из трех братьев никогда не обращались с просьбой помочь в воспитании ребенка или с требованием жениться, хотя раньше, в течение ряда лет, они всерьез надеялись на это. Корт даже как-то высказал предположение, что именно поэтому Итан переспал с таким невероятным количеством женщин. Черт, может быть, Корт был прав, может быть, Итан действительно хотел, чтобы хоть одна из них родила ему дитя.

А как объяснить смерть невесты Итана в ночь накануне свадьбы?

Злые языки распространяли слух, будто Итан загнал ее на крышу Каррикклиффа — их родового поместья — и толкнул навстречу смерти...

Итан относился к «Книге» без благоговения, воспринимал ее как символ веры; поскольку все трое братьев были сами по себе и так достаточно гнусными — так зачем еще в это «Книгу» впутывать? Итан вел разумную жизнь, и толика здравого смысла подсказывала ему, что проклят ты или нет, будь ты убийцей, наемником или того хуже, но лучше не портить невинных.

Тогда какого черта он вообще думает о том, чтобы завтра отправиться на поиски девчонки?

«Тебе не приходило в голову, что я просто хотела тебя?..» Итан лежал в постели до рассвета и таращился в потолок, восстанавливая поминутно в памяти вчерашний вечер. То самое необъяснимое ощущение необходимости увидеть ее все еще не покидало его.

Он хотел выкинуть ее из головы и в то же время жаждал ночью ворваться в дом Куина и забрать ее. В нем вновь нарастало желание заполучить ее, обладать ею. Итан не понимал этого. Он желал ее так сильно, как ни одну женщину до нее.

Итан вспомнил, как он отказал хорошенькой проститутке, которая демонстрировала ему свои груди. Но стоило вспомнить, как накрывал ладонями маленькие грудки этой девчонки, и его ствол становился твердым как дерево. Да, он только что поимел ее и еще слишком свежи приятные впечатления, но реакция на нее тревожила.

Что, если она была единственной, кто мог пробудить в нем такую страсть? Даже с учетом непредвиденного конца, обладание ею было... невероятно приятным. Просто касаться ее дрожащего тела.

Что, если без нее он больше никогда не испытает такой сильной страсти?

Были и другие вопросы, связанные с этой крошкой, на которые он хотел бы получить ответ. Если она была девственницей, почему ее не шокировала обстановка на маскараде? И откуда она знала, как следует ласкать его, откуда такое мастерство?

Более того, почему у нее сложилось впечатление, что он будет достаточно благороден, чтобы сделать ей предложение в ответ на ее игру?

И Итан не прочь был бы узнать, почему его ствол оставался таким твердым, напряженным и пульсирующим все время с тех пор, как он ее оставил. Он взял его в ладонь и начал поглаживать, но резко прекратил это и, прошипев ругательство, отдернул руку. Почему он должен терять время на то, чтобы удовлетворять себя рукой, когда мог бы вместо этого еще раз оказаться внутри ее?

Для этого особо ничего не нужно было делать.

Итан сделал бы ее своей любовницей.

Обреченно вздохнув, он встал, чтобы умыться и одеться, решив, что постарается договориться с ней сегодня утром. В процессе бритья он осознал, что существуют помехи на пути осуществления этого плана.

Во-первых, если она действительно не намеревалась устроить ему ловушку, то обижена его обвинением и не захочет говорить с ним.

Во-вторых, прошлым вечером он причинил ей боль. Итан вспомнил ее реакцию, ее великолепное тело, извивающееся под ним сначала от наслаждения, но потом... от мучительной боли.

Сейчас, когда рассеялся ночной туман, он понял, что причиненная им боль была изрядной. Она просила его двигаться медленнее, но он не захотел тратить время на то, чтобы подготовить ее. Он сошел с ума от желания кончить, поглупел от вожделения. Он взял ее грубо, напролом, притом, что она была такой нежной и хрупкой.

Проклятие! Ему совсем не хотелось причинять ей боль, доводить ее... до слез.

Слезы женщин не трогали его — таким он был, и все тут. Это такое проявление жестокосердия, которое другие отмечали в нем с подростковых времен. Почему же его так взволновали ее слезы?

Был момент, когда Итан готов был пообещать девчонке все, что угодно, лишь бы она прекратила плакать.

С привычной осторожностью он вел бритву по неровным краям шрама. Еще одно препятствие? Куина, наверное, особо тревожит судьба маленькой ведьмы. Или может вмешаться патрон Итана — Эдвард Уэйленд. Родители девушки были, вероятно, пытавшимися скрыть свою нищету, владевшими землей и не имевшими денег, но все еще влиятельными людьми, если водили дружбу с Уэйлендами. Никому, естественно, не удалось бы заставить Итана жениться на ней, но они могли сильно разозлить его, стоило им лишь затронуть эту тему.

Тем не менее, у каждого была своя цена. Она ведь не просто так охотилась за богатым мужем, а Итан уже обесчестил ее. Возможно, ее семья погрязла в долгах, а может быть, у нее были сестры, нуждавшиеся в приданом. Итан готов был заплатить сколько угодно, чтобы сделать ее своей любовницей, утолять с ней страсть какое-то время, а потом бросить. Ему хотелось поселить девушку в доме неподалеку, чтобы удобнее было удовлетворять свои прихоти, а взамен можно было бы решить все проблемы ее семьи.

Он снова провел бритвой по лицу и уставился в зеркало, разглядывая самое существенное препятствие на пути осуществления его плана.

«Если я еще раз встречу с этой девушкой, у меня на лице уже не будет маски». Впервые за многие годы он изучал свое отражение. Шрам был глубоким и тянулся, натягивая кожу, по всей правой скуле, а затем резко преломлялся и шел вниз, по передней части щеки. Швы оставили характерные углубления по краям. Каждый сантиметр отметины резко белел при любом изменении выражения лица.

Браймер хорошо выполнил свою работу.

В ту ночь, когда Ван Роуэн осознал свою ошибку, он поспешил в конюшню, и ему стало плохо при виде того, что Браймер успел сделать с лицом Итана. В полуобморочном состоянии Ван Роуэн предложил щедрое возмещение или нанести такое же увечье ему самому.

Но у Итана были более грандиозные планы в отношении его и его жены, а также Браймера. Когда его освободили, Итан только скрипнул зубами от боли и, спотыкаясь, побрел к своей лошади. Лишь усилием воли он заставил себя держаться в седле, пока не выехал за пределы земель Ван Роуэна, и после этого, потеряв сознание, свалился в канаву, где провалялся два дня. Через несколько месяцев, прежде чем Итан смог реализовать свою месть, Ван Роуэна по пьянке спровоцировали на дуэль. Он был убит — умер, как принято, было говорить, в результате «джентльменского самоубийства».

Что касается Сильвии, то Итан разорил ее дотла, оставив гнить в трущобах.

В силу каких-то причин Итан пощадил Талли, но это сопротивление так напугало конюха, что он быстро скрылся и, наверное, сейчас все еще живет в страхе.

А Браймер? Итан вспорол ему живот. Последнее, что негодяй видел на этом свете, было обезображенное шрамом лицо Итана.

До ранения Итан был бы подходящей парой для девушки. Сейчас же она, вероятно, стала бы смеяться над его внешностью. Разве она не определила себя как поклонницу мужской красоты?

Итан попытался улыбнуться, но нашел это неуместным — даже он сам считал свой вид при улыбке отталкивающим. В очередной раз, проклиная Ван Роуэнов, он бросил опасную бритву в тазик.

Часом позже, после случайной встречи с Хью и очередной братской размолвки, Итан направился к Куину. В это утро на улице Итан с особой остротой воспринимал то, как неприязненно смотрели на него люди, и отвечал злобными взглядами.

Дойдя до дома Куина, он снова ощутил, что возбужден. Проклятие, все равно девчонка не станет разговаривать с ним после того, как он вел себя с ней вчера. Итан решил, что это не имеет значения, поскольку ему, так или иначе, придется улаживать дело независимо от того, чем это завершится для него: победой или фиаско.

Куин недовольно взглянул на вошедшего в кабинет без приглашения и без доклада Итана.

— Отлично, придется иметь дело еще с одним Маккарриком. Утром мне уже пришлось оттаскивать твоего брата, ввязавшегося с кем-то в драку из-за Джейн.

— Я только что виделся с Хью, и он ничего не сказал мне о драке. — «Вот тебе, Хью, и тайная любовь издалека».

— Ну, я не стал бы называть это дракой. Когда дерутся, драчунов должно быть, по крайней мере, двое, — внес поправку Куин. — Нет нужды говорить, что, после того как Джейн увидела Хью в ярости, у нее пропало желание видеть его, не говоря уже о том, чтобы отправляться с ним в укрытие.

«Отправляться в укрытие». Это и было предметом спора его с братом. Хью уже согласился вывезти Джейн из города туда, где они были бы совсем одни. Грядет беда...

— Что ты здесь делаешь? — спросил Куин. — Я думал, ты охотишься за Греем.

— Я прочесал бывшие места пребывания Грея, все возможные убежища вчера вечером. Не думаю, что он успел вернуться в Лондон с континента.

— И чего же ты хочешь?

— Поговорить с девчонкой, которая гостит у твоих сестер.

— Мэдлин? Насчет Грея? Откуда она может знать что-либо о нем?

Мэдлин. Итану нравилось это имя. Но потом он нахмурился, будто вспомнил что-то.

— Грей здесь ни при чем. Это... личное.

— О чем, черт возьми, ты можешь с ней говорить? И вообще, откуда ты ее знаешь?

— Я встретил ее вчера на маскараде.

— А я все думал, что же ее так напугало? — Куин встал и прошел к окну. — Можно было догадаться, что лишь один человек в Лондоне мог так испугать бедную девочку.

— Испугать? О да, такая сладкая, невинная девочка. А ты знаешь, что она хотела женить тебя на себе?

Куин повернулся к нему:

— Я заподозрил нечто, когда она сказала мне, что с детства мечтала стать моей женой, а потом спросила, подумывал ли я о том, чтобы жениться на ней. Так изворотливо... Интересно, как ей спится ночами?

«Мечтала выйти замуж за Куина». Стиснув зубы, Итан ощутил вдруг желание ударить Куина в его холеное, не обезображенное шрамом лицо.

— И знаешь, Маккаррик, я-таки подумывал об этом. Она скрытна, временами нечестна и чрезмерно озабочена деньгами, но при этом также добра и привлекательна, к тому же умна и воспитана. Любой мужчина гордился бы такой женой.

— Тогда почему же ты не берешь ее в жены?

— Ты знаешь почему. — Роль Куина в Сети заключалась в том, чтобы обольщать женщин; при этом ему приходилось много путешествовать. — Кроме того, ей уже сделали предложение, — сказал Куин, повернувшись к своему столу. — Она намерена незамедлительно принять его.

Ни фигу она не примет.

— Чье?

— Ты же не думаешь, что я скажу тебе?

— Ты ведь знаешь, что я и сам могу в течение суток получить эту информацию. — В обязанности Итана входило не только улаживание тех неприятностей, за которые никто не хотел браться, но и добывание информации.

— Какого черта ты так интересуешься ею? Она леди и девственница — не чета твоим любимым потасканным шлюхам.

— Хочешь, чтобы я тебя ударил?

— Просто держись от нее подальше, Маккаррик. Не знаю, что за ужасные дела произошли там, на маскараде — она отказалась рассказать об этом даже Клодии, — но когда я увидел ее сегодня утром, мне показалось, что она проплакала всю ночь.

«Проплакала всю ночь? Неужели все настолько плохо?»

— Да, Куин, случилось нечто ужасное. Она разыграла сцену, чтобы женить меня на себе. Но у нее не получилось.

— Разыграла сцену, чтобы выйти за тебя? — Куин хрипло рассмеялся. — Ты перенервничал. Девчонка чрезвычайно хороша. Да, она действительно хотела выйти замуж, поэтому и покинула Лондон сегодня утром.

Итан оцепенел.

— Что ты сказал?

— Она уехала, ей не терпелось уехать отсюда.

Черт побери! Итан собирался убить Грея, прежде чем заняться девчонкой.

— Скажи, как найти девчонку. — Он двинулся в обход стола, и Куин вскочил на ноги.

— Бросить ее на съедение волку? Не знаю, почему ты вдруг заинтересовался воспитанной девушкой, к тому же подругой моей сестры, но от меня ты ничего не узнаешь.

— Она была не очень разговорчива с вами, после того как я лишил ее девственности прошлым вечером.

Выпучив глаза, Куин бросился на Итана с кулаками, но тот перехватил и вывернул его руку.

— Не кидайся на меня, Куин. Мое терпение может лопнуть.

Тот заскрипел зубами от боли.

— Итан, я знал, что тебе чужды вопросы морали, но не думал, что ты способен испортить невинную девочку лет на десять младше тебя. — Итан отпустил Куина, и тот рухнул в свое кресло, трясая рукой для восстановления кровообращения. — Мой Бог, она обесчещена. Я знаю, что ты никогда не проявишь благородства, а ее суженый откажется от нее. Теперь я должен сделать ей предложение.

— Держись подальше от нее, — проскрежетал Итан. — Она моя.

Куин попытался возразить, но Итан оборвал его:

— Попробуй, женись на ней, и я убью тебя.

— Ты даже не знаешь, кто она, — огрызнулся Куин. — И ты на ней женишься?

— Не женюсь.

— Тогда зачем пришел? Что ты хочешь от нее?

— Решу после того, как разделаюсь с Греем. Я уезжаю, чтобы спасти твою сестру, так что догадываешься, как важен сейчас временной фактор. — Итану было наплевать на Джейн; его заботило лишь то, что брат был по уши влюблен в нее и был бы безутешен, если бы она умерла. — Чем раньше я настроюсь на убийство, тем лучше для всех. А потом поговорим о женихе девушки.

Напустив на себя задумчивый вид, Куин долго вглядывался в лицо Итана. Потом вдруг оживился.

— Маленькая Мэдлин запала тебе в душу, да? Она умеет это делать. Я-то знал об этом и был начеку, а ты... ты, наверное, был ошарашен. — Он с улыбкой кивнул Итану. — Я расскажу тебе о ней, потому что Грею нужно остановить любой ценой. А ты, к сожалению, единственный, на кого мы возлагаем все надежды в этом деле. Но кроме всего прочего, я оказываю тебе услугу, потому что в амурных делах ты ничего не смыслишь. Она запросто обведет тебя вокруг пальца.

Итан издал безрадостный смешок.

— Ты так думаешь?

Куин встретился с ним взглядом.

— Итан, мне почти жаль тебя.

— Просто назови ее чертово имя.

— Хорошо. Ее зовут Мэдлин Ван Роуэн.

Резкие хлопки пистолетных выстрелов, крики, звук разбивающегося стекла.

Мэдди вздохнула, добравшись, наконец, до Марэ.

«Ах, дом, милый дом...»

Хотя расстояние через Ла-Манш от Дувра до Кале составляло всего двадцать миль, процесс пересечения пролива обычно выматывал. Ее возвращение тоже было изнурительным. Большую часть дня маленький пароход — изрыгающее чадный угольный дым и провонявшее рвотой плавающее корыто — боролся с коварными течениями и встречным ветром.

Затем в железнодорожном вагоне третьего класса по пути из Кале в Париж на нее таранились шахтеры и ярко разодетые мошенники, которые едва не обчистили ее. Почему-то каждый раз, когда она ехала в поезде, приходилось изо всех сил бороться с сонливостью, иначе она моментально засыпала.

Даже зная, что попутчики готовы обокрасть ее, Мэдди с трудом удерживала отяжелевшие веки, находясь в полудремотном состоянии и вздрагивая каждый раз, когда, словно под пассами будившего ее гипнотизера, приходила в себя. К счастью, ее не обокрали, но, как обычно, она сошла с поезда в оцепенении и в течение еще нескольких часов ощущала вялость и сонливость.

А после завершения утомительного путешествия Мэдди, наконец, была вознаграждена тем, что очутилась в... Марэ.

Экипаж резко остановился у ее старого многоквартирного дома. Прошли века с тех пор, как этот район был игровой площадкой королей. Этот высокий, выстроенный в готическом стиле дом с покрытой шифером крышей в семнадцатом веке, наверное, был особняком знатного дворянина. Позже дом был разделен на сдававшиеся внаем маленькие дешевые квартиры, и, как весь район, со временем пришел в запустение и подвергся разрушению.

Едва Мэдди сошла с экипажа, как услышала разговор на английском с сильным акцентом, безошибочно определив, что это две завистницы — сестры Одетта и Берта Крена.

— Мисс Высокомерная Мэдлин вернулась, — взбивая выкрашенные в золотисто-каштановый цвет волосы, подала голос с крыльца напротив Одетта. — Да еще в экипаже. Омнибусы не для нее.

Когда кучер снял с расположенного сзади багажника чемодан, Берта добавила:

— Осторожнее, месье, она постарается заставить вас поднять чемодан наверх, а это шестой этаж.

Мэдди бросила злой взгляд на сестер. Им нравилось насмехаться над шестиэтажным домом, в котором она жила. В Париже самые высокие дома населяли самые бедные, ее же дом был шестиэтажным.

— На шестом? — удивленно переспросил кучер и протянул ладонь. Мэдди заплатила ему, и он тут же уехал прочь.

Фантастика. Ей придется как-то тащить чемодан наверх — сто две ступени неосвященной лестницы.

— Ну и работенка выпала Шалунье, — прыснув в кулак, добавила Одетта.

Мэдди замерла, стискивая кулаки. Французское слово означало «шалунья, проказница», но это слово имело и другое значение — «уличное дитя». Она ненавидела, когда они ее так

называли.

Мэдди уже готова была ввязаться в драку, когда услышала знакомый голос сзади:

— Берта, Одетта, заткнитесь.

Мэдди повернулась и увидела свою подругу Коррин, вышедшую из темного подъезда и спускавшуюся по ступеням крыльца. Коррин, покинувшая, как и она, родину англичанка, была ей как мать. Давным-давно, когда Мэдди некуда было податься, Коррин приютила ее.

Ухватив чемодан с одной стороны, Коррин жестом предложила Мэдди взяться за другой конец. Вздохнув, Мэдди подчинилась, и они, обогнув дремавших на ступенях безобидных пьяниц, вошли в подъезд и ступили на лестницу. Мэдди так часто в кромешной тьме взбиралась по этим расшатанным ступеням, что даже не хваталась за веревку, натянутую вместо перил.

Когда они добрались до ее площадки и опустили чемодан, распахнулась дверь напротив и показалась Синеглазая Беатрикс. Едва заслышав скрип досок на верхней площадке, Беа обычно тут же выскакивала из своей комнаты в надежде, что Мэдди или Коррин выходят на улицу и сделают для нее необходимые покупки, а именно: кофе, круассаны и сигареты — это все, что ей было нужно для жизни. При этом ей не пришлось бы лишний раз спускаться и подниматься по длинной темной лестнице.

Беа была проституткой, известной в Марэ как Шлюха Беа. Мэдди находила это прозвище оскорбительным; тем более что оно также не выполняло особой определительной функции ввиду того, что большинство женщин в районе, включая Берту и Одетту, были такими же проститутками.

Из-за красивых глаз Мэдди стала называть ее Синеглазой Беа, но это прозвище оказалось пугающе пророческим. У возлюбленного Беа Мориса была отвратительная привычка ставить ей синяки под глазами. Вот и сейчас у нее под глазом темнел синяк.

— Как съездила, Мэдди? — спросила Беа. — Успешно? Мэдди чувствовала себя грязной, усталой и совсем не радовалась возвращению домой. Беа же иногда бывала слишком прямолинейной.

— У меня ничего не получилось. Я ведь говорила вам обеим, что мы с ним вращаемся в разных кругах. — Она сняла с шеи ленту с ключами и открыла дверь в свою красочно убранную квартиру. Направившись напрямиком к кровати, Мэдди рухнула ничком. Это была катастрофа, причем во всем, — пробормотала она, уткнувшись в потертое покрывало.

Коррин присела рядом и похлопала ее по плечу:

— Давай тогда попьем чаю, и ты нам все расскажешь.

Рассказывать о ее катастрофической поездке? Можно ли причинить еще больше страданий? Мэдди и так чувствовала себя хуже некуда.

— Очень хорошо. Много чаю. Покрепче.

Пока кипятилась вода, и подруги распаковывали все те ослепительные наряды, которые ей теперь придется продать, Мэдди раздвинула красные суконные шторы на окнах и открыла створки, чтобы проветрить помещение.

Втайне она гордилась своим домом, тем, как обустроила его при весьма скромных возможностях. Для того чтобы скрыть осыпающуюся штукатурку на стенах, она развесила яркие театральные афиши и плакаты с изображениями оперных исполнителей. Вся комната была завалена роскошными тканями благодаря подруге, которая работала в театре и снабжала ее ненужным труппе реквизитом. Мэдди всегда оказывалась на месте раньше тряпичников.

На ее маленьком балкончике вился плющ, и все еще цвели петунии. Ша-Нуар — независимый, живший на крыше черный кот — был постоянным посетителем ее балкона, где лениво нежился на солнце. Дул предосенний бриз, раскачивавший подвешенные деревянные колокольчики. Мэдди жила на шестом этаже не только из-за бедности. Кислая вонь, распространявшаяся по прилегающим улицам, не поднималась так высоко, кроме того, отсюда она могла любоваться морем крыш, простиравшихся до самого Монмартра.

Отвернувшись от окна, она обратила внимание на освещенное солнцем лицо Беа.

— Морис или клиент? — спросила Мэдди, указывая на ее опухшее лицо.

Беа вздохнула.

— Морис. Он бывает таким злым. — Тон у нее был совершенно безнадежный. — Не стоило мне его злить.

Мэдди и Коррин соответствующими возгласами выразили свое негодование, и Мэдди наклонилась к Беа, чтобы утешить. Хотя они с Коррин старались, насколько могли, убедить Беа в том, что она заслуживала большего, у них ничего не получалось. Беа была милой и доброй, но не верила, что ее ждет в будущем что-то лучшее, чем жизнь с Морисом.

Жизнь в Марэ часто оказывала подобное воздействие на обитателей. Их девизом было «от плохого к худшему». Они считали, что, какой бы невыносимой ни была ситуация, она всегда может стать еще хуже. Особенно у тех, кто осмеливался стремиться к лучшему.

«Лучше не искушать судьбу», — говорили они, на что Мэдди про себя отвечала: «Смелость города берет».

Но в этот раз смелость не помогла Мэдди...

Приготовив чай, они перешли на балкон, где расселись на ящиках из-под молока и приступили к чаепитию из разнокалиберных чашек. Черный кот снизошел до того, что позволил Мэдди посадить его себе на колени. Она с удовольствием гладила его теплую шерсть.

— Я думала, он с тобой в ссоре, — сказала Беа, кивнув на кота.

— Так и было. Неделями избегал меня. — Все из-за того, что она объяснила коту, что такая хозяйка ему не нужна. Он мог подыскать себе кого-то получше, кто мог позволить себе кормить его не только яблочными огрызками. Вытянув ноги, Мэдди уперла их в железную ограду, размышляя над тем, как ей недоставало этого — такого простого дружеского общения.

Ей нравилось быть с Клодией и другими представительницами семейства Уэйленд, но сейчас у них оставалось слишком мало общего. Беа, Коррин и Мэдди были близки по духу, хотя у каждой имелись свои тайные разочарования и безрадостное прошлое.

Беа, как и Мэдди, попала в Марэ молодой. Ее мать вышла замуж за бедного солдата и вместе с Беа таскалась за ним по миру — всюду, куда направляли его полк. Беа до сих пор просыпалась с рассветом, и барабанная дробь вызывала у нее подавленное настроение. Их с матерью пропитание зависело от жизни того солдата. Сводить концы с концами удавалось до тех пор, пока Беа не исполнилось двенадцать; потом все рухнуло.

В шестнадцать лет Коррин, дочь образованного английского приходского священника, вышла замуж за проезжего красавчика — французского портного.

«Я портной. У меня свое ателье», — говорил он, хотя на самом деле все было не так и его слова следовало понимать как: «Я живу четырьмя этажами выше пошивочного ателье, зарабатываю тем, что шью одежду для матросов, и каждый заработанный сантим трачу на джин».

После этого у Коррин было еще два мужа, но оба отличались ленью и равнодушием. Она еще как-то терпела первого, но второго вынести не смогла. Она отличалась трепетным отношением к труду. Получала только плату за съём комнат «на шестом» и очень скромную пенсию, однако считала все здание зоной своей ответственности и лезла из кожи вон, чтобы остановить разрушение. Тем не менее, ее самоотверженная борьба на этом поприще была безнадежной. Метла, половая тряпка и трудовой энтузиазм не могли победить время и запустение.

— Мэдди, ты уже пришла в себя? — спросила Беа. — Не расскажешь нам, что случилось с твоим англичанином?

Мэдди лишь наполовину выпила свою чашку, поэтому отделалась коротким комментарием:

— Я съездила в Лондон, где обхаживала его, но в его намерения не входила женитьба, тем более женитьба на мне. Как я и подозревала, — добавила Мэдди, подчеркивая последние слова, поскольку подруги настойчиво уговаривали ее съездить. Она же сама признавала тщетность своих потуг, но не из-за правила «от плохого к лучшему». Нет, простой логический ход мысли подсказывал, что у богатого и интеллигентного не может быть будущего с необразованной и живущей в трущобе.

— Всего двое суток назад он сказал мне, что не подходит для женитьбы.

— Ненавижу, когда они так говорят, — пробормотала Беа, а Коррин отсалютовала ей чашкой в знак согласия.

Хотя Мэдди думала, что воспоминания о Шотландце еще свежи и будут слишком болезненными, у нее вдруг вырвалось:

— Но был еще один мужчина...

— И?.. — заинтересованно подстегнула ее Коррин.

— Такой высокий здоровый Шотландец, которого я встретила на маскараде. У нас случилось это... нечто... связь, и, по-моему, грубая. — После той ночи ее мысли каждый час возвращались к нему, несмотря на то, что она упорно хотела выкинуть его из головы. — А я даже не знаю его имени.

— Удар молнии, — поддакнула Беа, энергично кивая.

— Любовь с первого взгляда? — с саркастическим смешком переспросила Мэдди. — Я так и подумала. Мне так показалось после крепкого пунша и его непристойных поцелуев.

У Беа загорелись глаза.

— О, Мэдди, ты, наконец, обрела любовника, разве не так? Мэдди вздохнула и рассказала, что произошло потом:

— ...А после этого он швырнул мне деньги, как докучливой прилипале, и оставил одну в экипаже.

— В следующий раз уже не будет больно, — заверила ее Беа. — В первый раз всегда очень плохо, но если он был очень сексуальный...

Мэдди знала, что так оно и есть, но страшилась повторения первого опыта, хотя могла с уверенностью сказать, что если это и произойдет снова, то ни в коем случае с каким-то другим очень сексуальным.

— По пути домой я решила, что никогда больше не свяжусь ни с одним мужчиной — слишком свежи воспоминания. — Постаравшись высказать все это равнодушным тоном, Мэдди обратила лицо к солнцу. Хотя она и знала, что это чревато проявлением веснушек на носу, но ей было все равно. — Он оказался настоящим засранцем; в любом случае я не хочу

его видеть, даже если он стал бы умолять меня выйти за него замуж.

— А что же твои инстинкты? — спросила Коррин. — Должны же были они предостеречь тебя, если он такое чудовище?

— Мои инстинкты нашептывали, что он... хороший. — Мэдди заметила, как Беа и Коррин обменялись взглядами.

Коррин никогда не сдавала комнату мужчине, пока не получала одобрение Мэдди.

— Почему ты не рассказала своим лондонским друзьям о своих трудностях? — спросила Коррин.

— Я думала об этом. Представляла себе, как все открою за чаем с булочками. Я начала бы примерно так: «Что ж, дело в том, что после смерти папы мы с матерью не сразу переехали в Париж, потому что там, где она родилась, никого не осталось. Мы скрылись от кредиторов посреди ночи. После года жизни в трущобах мать вышла замуж за богатого человека по имени Гийом, и какое-то время мы жили в престижном районе Парижа, в котором, как вы считаете, я до сих пор живу. Но это не так! Я плачу работающей там служанке, чтобы она передавала адресованные мне письма и сообщала визитерам, что я в отъезде».

Затем последовала бы развязка: «Сильвия умерла несколько лет назад, и мой отчим Гийом выкинул меня из дома на произвол судьбы. На самом деле я живу в трущобах, где царят опасность и пороки. Я настоящая сирота, причем не сирота-наследница, а сирота без гроша в кармане, то есть в самом жалком смысле этого слова. Я не смогла украсть столько, чтобы купить себе шикарные платья и увешаться драгоценностями, необходимыми для осуществления моего плана оболъщения Куина. Я заняла деньги у ростовщика, который с удовольствием переломает мне руки за задержку платежа».

Коррин поджала губы и фыркнула:

— Ну, если ты так ставишь вопрос...

— О, Мэдди, это прискорбно! — добавила Беа.

Ша-Нуар, будто ему надоел драматический рассказ Мэдди, зевнув, спрыгнул с ее колен. Запрыгнув на перила ограждения, кот повернулся к ним боком. Мэдди перевела взгляд вниз, на улицу. К дому только что подошли двое крепких мужчин.

— Это не люди Тумара? — не оборачиваясь, спросила она. — Найдется еще такой глупый человек, какой связался бы с Тумаром?

Она заняла деньги для поездки на тяжелых условиях — под такой высокий процент, что при ее случайных заработках, продавая сигареты, прислуживая в кафе, играя на тотализаторе или очищая карманы зевак, не расплатиться и за год. Повернувшись к подругам, Мэдди отметила их напряженные лица.

— В чем дело? — спросила она. — Говорите. Все равно день окончательно испорчен.

— Пошли внутрь, чтобы они не заметили нас, — сказала Коррин.

Они подхватили свои молочные ящики и поспешили в комнату.

— Мэдди, дорогая, эти прихвостни и вчера приходили. Они искали тебя и требовали, чтобы их впустили в дом. С тех пор мы все время закрываем входную дверь.

— И мне придется принимать только постоянных клиентов! — добавила Беа, подтвердив сказанное энергичным кивком.

— Они уже приходили сюда? — Мэдди ущипнула свой висок. — Но еще даже не вышел срок.

— Они сказали, что Тумар повысил процентную ставку. Он повышает ее каждую

неделю.

Мэдди снова опустилась на свою кровать.

— Но почему?

— Ты ведь знаешь, как здесь распространяются слухи, — ответила Коррин. — Ты влезла в долг, чтобы обновить свой гардероб, а потом покинула город. Все посчитали, что ты задумала что-то серьезное. А может быть, Берта и Одетта напели ему что-то, и он решил поставить на твой успех.

Выложив эти новости, Коррин продолжала тискать свои изъеденные щелочью пальцы, Беатрикс же начала сосредоточенно изучать выщербленную чашку.

— Что еще? — Мэдди выдавила улыбку. — Я переживу. — Она могла справиться с обвалом плохих новостей. Ей всегда удавалось это.

Поколебавшись, Коррин сказала:

— У Тумара, должно быть, свои планы. Ему, по-видимому, вовсе не хочется получить назад занятые тобой деньги.

Мэдди нервно сглотнула образовавшийся в горле комок. Она слышала, как Берте и Одетте пришлось заняться теперешней работой. Работая в баре, они взяли в долг деньги. Затем их поставили перед жестким выбором, и они, не пожелав оказаться с переломанными руками, занялись более прибыльной, спонсированной Тумаром торговлей своими телами, с которой он же снимал сливки.

Коррин отставила чашку.

— Если нам не удастся собрать деньги... — у Беа повлажнели глаза, — Мэдди придется спасаться бегством.

— Нет, Беа, нет, — поспешила успокоить ее Мэдди. — Я никуда не побегу. У меня все под контролем. Я собираюсь выйти замуж за графа.

Ледо был единственным подарком от ее матери. С ним она давно договорилась обо всем. Мэдди должна была выйти за него замуж по достижении четырнадцати лет, но ее мать незадолго до этого умерла. Мэдди заупрямилась, и тогда Гийом выгнал ее из дома.

— Но ты говорила мне, что чувствуешь, будто Ледо — нехороший человек, — сказала Коррин. — Да еще эти слухи...

Мэдди уняла пробежавший по телу озноб.

— Нет-нет. Я перехитрю Ледо, переживу и получу наследство. — Она слышала, что три его последних жены питали те же надежды, прежде чем умереть при таинственных обстоятельствах. — Тогда мы все разбогатеем и навсегда покинем Марэ. Все будет хорошо. Вот увидите.

Глава 10

Мэдди жила в безжалостном мире. Она выросла в Марэ, наблюдая за царившими там нравами, и быстро поняла, что в этих трущобах в погоне за элементарными потребностями, такими как еда, кров, удовлетворение половых инстинктов, а также в естественном стремлении избежать смерти и боли такие понятия как «мораль» и «этика» не существовали.

Это соображение заставило ее надеть последнее платье, сойти по ста двум ступеням вниз и направиться к Ледо. У нее не было денег на омнибус, чтобы доехать до дома графа, поэтому она пошла пешком. Она уже и так похудела, всего через неделю после возвращения, и ей приходилось ушивать платья, включая это, последнее из оставшихся приличных.

Каждый день, проведенный Мэдди в Марэ, был наполнен изнурительным поиском выхода из создавшейся ситуации, в которой ставки были очень высоки. При том или ином развитии событий ее ждал либо выигрыш, либо сокрушительный удар судьбы.

Каждую ночь, перед тем как лечь спать, Мэдди перебирала в уме все перипетии прожитого дня, анализируя свои поступки. Спрашивала себя, сделала ли она что-либо такое, из-за чего могла подставиться?

Брак с таким человеком, как Ледо, был бы одним из наиболее рискованных поступков, тем не менее, она готова была пойти на это, чтобы избежать наказания со стороны Тумара или чтобы нарушить его планы. Продав другие свои наряды и украшения, она не смогла собрать сумму, которую требовал от нее этот ростовщик. Его прислужники все настойчивее преследовали ее.

Шагая по знакомым переулкам, Мэдди проходила мимо дежуривших на своих привычных местах проституток, которые, стоя на коленях, обслуживали клиентов. Ее всегда завораживало страдальческое выражение на лицах мужчин. Те, что помоложе, как правило, одетые в солдатскую форму, умоляли шлюх не останавливаться. Те же, что постарше, не просили, а приказывали продолжать. Мэдди всегда интересовало, что же в этом было такое приятное, что они так боялись незавершенности процесса.

Шотландец действовал, наверняка и закончил, помогая себе рукой. Мэдди резко остановилась, едва не наступив на подол своего платья.

С ним она ощутила вкус страсти и начала больше понимать ежедневно разворачивавшиеся перед ней сцены. По ночам, лежа в постели, Мэдди вспоминала удовольствие, которое он доставил ей до того, как причинил боль. Даже после того как Шотландец причинил ей жуткую боль, она часто думала о нем, чаще, чем о Куине, которого ей так и не удалось обольстить.

По мере того как Мэдди забиралась все выше, в более дорогой район, она миновала булочную с пекарней, которая была вечным ее раздражителем. По привычке она остановилась, чтобы заглянуть через окно внутрь.

Подогревающиеся полки были заставлены глазированными изысками, которые взывали к ней, чтобы она выложила за них несуществующие деньги. Внутри, за прилавком, в запатентованных морозильных камерах, давилось наваленное мороженое на любой вкус. Хватит, у нее никогда и в мыслях не было воровать товары, которые таяли или разваливались от простого прикосновения.

Завистливое разглядывание вкусных продуктов только усугубляло ее страдания. Особым мучением для Мэдди было наблюдать за молодыми представительницами буржуазии. И

сейчас ее голодный взгляд наткнулся на сидящую там группу.

Они были одного с ней возраста, болтали и сплетничали, не глядя на красивые тарелки с нетронутой едой. Некоторые из них укачивали детишек в колясках с серебряными погремушками. Их всех, наверное, дома ждали уважаемые мужья, которых они могли любить, и которыми были любимы. Мужья, которые оберегали их и детей.

Мэдди так мучительно завидовала им, что у нее на глаза навернулись слезы, и скрутило живот. «Все отдала бы, чтобы быть среди них. Все».

Она завидовала всему, чем они обладали. Она хотела иметь счастливого сытого ребенка, которого любила бы и о котором заботилась бы гораздо лучше, чем ее эгоистичная мать — о ней. Мэдди хотела, чтобы у нее к лифу были приколоты часы, по которым она смогла бы сверять время, когда нужно вернуться в теплый безопасный дом, чтобы встретить мужа. Она хотела листать журналы мод не для того, чтобы мечтать о новом гардеробе, а заказывать его.

Мэдди, не таясь, охотилась за богатым мужем, но не в силу тех причин, что предполагали другие. Драгоценные украшения и побрякушки приветствовались, но это было несущественно. Она истосковалась по безопасности и надежности, которые сулили ей деньги, а также по семье, о которой мечтала.

Матримониальные запросы Мэдди касались очень богатых, потому что они были больше других защищены, от опасности потерять все, как это случилось с ее отцом. Папа был для нее дороже всех на свете. Он всегда проявлял искреннюю любовь по отношению к ней, чего Мэдди никак не могла получить от матери. Но факт оставался фактом — он оставил дочь беззащитной в мире, который только и ждал, когда она оступится и сделает неверный шаг...

Старый хозяин пекарни увидел стоявшую у окна Мэдди. Несмотря на дорогое платье, он узнал ее и наградил злым взглядом. Он всегда угоднически улыбался платежеспособным покупателям, но ее терпеть не мог и не раз гнал из магазина, размахивая метлой. Она «приветствовала» его непристойным жестом, повернулась и пошла дальше.

Единственная женщина в Марэ, мечтавшая о стабильном доме с кучей детишек и приличным мужем, который был бы способен защитить их всех, — невозможно было придумать что-либо нелепее этого. С таким же успехом Мэдди могла мечтать о дереве с золотыми плодами.

Но хуже всего было то, что она все еще верила в... любовь.

Даже будучи свидетельницей несчастливой жизни родителей, в супружестве и после наблюдения извращенных отношений в Марэ, Мэдди все еще мечтала о мужчине, который любил бы ее.

В окружавшем ее безжалостном мире такие мечты были чреватые непосильными обязательствами...

Поэтому она выйдет замуж за Ледо и окунется в роскошь хотя бы только для того, чтобы ей не переломали руки.

Итан смотрел сверху вниз на осведомителя, жестко сдавливая ему горло. Он немного ослабил хватку, дав возможность бедолаге сделать вдох, после чего стиснул глотку еще сильнее.

— Ну что? Продолжаешь настаивать, что больше ничего не знаешь о Грее?

Выпучив глаза, осведомитель энергично закивал, и Итан, наконец, разжал руку и оставил его валяться на мостовой в переулке.

Он вернулся назад, в таверну «Озерный край», из которой ранее выволок осведомителя, и уселся за расположенный в тени задний столик, чтобы проанализировать все, что узнал за последнюю неделю.

В своих неутомимых поисках Итан проскакал сотни миль и избил столько осведомителей, что у него болели костяшки пальцев. Он выяснил, что Грей действительно пристрастился к опиуму, но отнюдь не утратил разума. Как это ни казалось удивительным, ему все же удалось тайно проникнуть в Англию.

Тем не менее, здесь Грей совершил грубейшую ошибку, зверски зарезав женщину из Сети. Его любимым оружием был нож, а жестокость, с которой было совершено убийство, навела Итана на мысль о его местонахождении...

Грей уже выслеживал Хью.

Итану нужно было быть быстрее, лучше Грея. В прошлом ему это, как правило, удавалось, хотя они всегда были достойными друг друга соперниками — каждый обладал особыми талантами.

Грей полагался на превосходство в технике, Итан — на грубую силу. Грей отлично изъяснялся на четырех языках, словно их носитель, и был превосходным стратегом, хотя то, что он превосходно владел ножом, объяснялось его неумением пользоваться огнестрельным оружием. Из пистолета он не попал бы и в фасад сарая.

Итан готов был воспользоваться услугами своих уличных бродяг-осведомителей и добраться до цели в любой момент.

Уэйленды считали Грея самым талантливым прирожденным убийцей из всех, с кем им доводилось встречаться.

Итан же считался самым упорным и безжалостным преследователем...

Итан знал, что обложил Грея, но не представлял, как его выманить из убежища. Поэтому он пытался предусмотреть его следующий ход.

Несколько дней до отъезда в Шотландию Хью прятал Джейн в загородном доме Итана на озере, всего в нескольких милях к северу от этой таверны. Возможно, Грей еще не определил место их пребывания, но продолжит поиск, а легкий доступ к тому месту обеспечивает паром, курсирующий от таверны. Другой путь к усадьбе был кружным — шел на север с последующим разворотом на юг и занимал несколько дней. Таверна была портовой, и Итан, как страж, ждал появления Грея здесь.

Ловушки были расставлены, и он чувствовал, что развязка близка.

Было достаточно оснований убить Грея, но Эдвард Уэйленд потребовал, чтобы Хью и Джейн срочно заключили фиктивный брак до совместного отъезда. Хью и десять лет назад не смог заставить себя отказаться от Джейн. А сейчас, после постоянного пребывания рядом с ней, просто взял и женился... Похоже, совсем потерял голову.

После непродолжительного пребывания в доме на озере Хью планировал скрыться вместе с Джейн в горах Шотландии, в полуразрушенном поместье их брата Корта. Если Итану не удастся схватить или убить Грея, то надо хотя бы выиграть время, необходимое для Хью с Джейн, чтобы скрыться. Хью ускакал бы на лошади в шотландские леса. Он был прекрасным охотником и стрелком, и дикие места были для него привычными.

Итан прервал размышления, заметив вошедшего в таверну Артура Макриди в сопровождении своего юного безусого сына. Надо же, из всех людей именно Макриди...

Потом Итан вспомнил, что Макриди владели охотничьими угодьями в Озерном крае и каждую осень отдыхали здесь. Итану было многое известно о семействе Макриди — ему не

хватило дня, чтобы жениться на дочери Артура Саре.

Нынешняя встреча с ними была своевременным напоминанием о тех днях, когда Итан, игнорируя проклятие, пытался наладить нормальную жизнь, обзавелся невестой, чтобы родить наследника.

Чтобы пережить то, что с ним сделали.

Их брак заключался не по любви, а по расчету. Они никогда не виделись до дней, непосредственно предшествовавших брачной церемонии, но союз казался целесообразным. Сара была признанной красавицей, а Итан — богатым молодым лэрдом. Все как будто было оговорено, пока не наступила ночь в канун свадьбы, когда она забралась на высокую башню его старинного семейного поместья. Она смотрела на его лицо, на только что заживший шрам со смесью жалости и неприязни.

Он протянул к ней руку и прохрипел:

— Ты не обязана выходить за меня замуж, Сара...

— Кавана, — учтивым, как и следовало, кивком приветствовал его старший Макриди.

В ответ Итан наградил его зловещим взглядом, чего тот, собственно, и заслуживал. Макриди с сыном прошли дальше.

Трактирщица, подошедшая, наконец, неторопливой походкой к столу Итана, отводила глаза, явно полагая, что, поймав ее взгляд, он станет домогаться ее. Что ни говори, а человек с таким лицом, как у него, должен был платить за это.

Ему надоели откровенно испуганные взгляды или взгляды украдкой разных женщин, которые он постоянно ощущал, когда оказывался на публике. Отдал бы все, что угодно, за то, чтобы женщина открыто посмотрела ему в лицо и просто удивленно сказала, что у него шрам, или даже поинтересовалась, как он умудрился заполучить такое увечье. Конечно, он ни за что не сказал бы правду, но ему хотелось прочувствовать хоть какое-то проявление интереса, а не отвращение и отторжение, которые он испытывал постоянно.

Не глядя на него, трактирщица спросила, будет ли он что-то заказывать. Итан ответил отрицательно, хотя и не прочь был перекусить.

— И тебя не хочу. Всего пять дней назад я имел женщину, которой ты в подметки не годишься.

И снова его мысли вернулись к Мэдлин Ван Роуэн. Итану едва удалось скрыть изумление, когда Куин назвал ее имя, хотя в какой-то степени это было естественно. Родовое поместье Уэйлендов находилось в непосредственной близости от Айвли-Холла — бывшего поместья Ван Роуэна, которым после его смерти завладел Итан. Неудивительно, что жившие по соседству знатные семьи общались. Тем не менее, Итану с трудом верилось, что он спал с дочерью своего бывшего заклятого врага, который от злости, наверное, перевернулся в гробу.

Узнав, кем на самом деле являлась Мэдлин, Итан по-другому стал воспринимать произошедшие на маскараде и после него события. Уже на следующее утро он практически убедил себя, что девушка не собиралась его обманывать. Итан только удивлялся, насколько изворотливой и самонадеянной оказалась дочь самой презренной на его памяти супружеской пары.

Он знал, что, оказавшись в отчаянном положении, многие ведут себя непредсказуемо. Хотя с Ван Роуэнами дело обстояло иначе. Они так легко поддавались на провокации, что он даже не получил удовлетворения от предпринятых во имя мести шагов.

Ван Роуэн и так находился на грани финансового краха. Он истратил все деньги и

заложил все свои земли, оплачивая счета при покупке драгоценностей и шелков для своей молодой жены. Отчаянно хотел сделать ее счастливой.

Действуя исподтишка, Итан постепенно, не торопясь, несмотря на острое желание заставить их платить, выкупил большую часть долговых обязательств Ван Роуэнов. Он так и не дал им понять, кто разорил их, и они не подозревали, что причиной краха могущественного английского землевладельца был молодой шотландец.

Очень многие обвиняли Итана в бесчувственности. На самом же деле его переполняли чувства, и ненависть к Ван Роуэнам, в частности, составила смысл его дальнейшей жизни. Он пытался унять жажду мести после победы, когда Ван Роуэн и Браймер были убиты, а Сильвия уехала без гроша в кармане.

Думал, что желание отомстить в нем угасло, но встреча с Мэдлин дала понять, что оно по-прежнему жгло его изнутри.

Теперь он понимал, откуда у нее французский акцент. Согласно последнему, полученному им несколько лет назад сообщению касательно Сильвии и ее дочери, они жили в парижских трущобах под названием Марэ. В том же сообщении говорилось о том, что Сильвия, в общем-то, вернулась туда, откуда вышла, и Итан был несказанно доволен этим обстоятельством. Он считал, что Сильвия заслужила такую участь — гнить в трущобе, а ее с Ван Роуэном потомство могло унаследовать их пороки, поэтому тоже должно было прозябать в нищете и мерзости.

Тем не менее, оказалось, что овдовевшая Сильвия вышла замуж за богатого парижанина. По свидетельству Куина, в настоящий момент Мэдлин проживала в уважаемом районе Сен-Рок. Коль скоро Сильвия сейчас жила там и вполне могла обеспечивать дочь шикарными нарядами и воспитывать в своем духе — значит, была недостаточно наказана.

Она имела наглость отправить свою дочь в Англию, чтобы та обольстила Куина, уже имея предложение от дряхлого графа Ледо — человека, чье богатство превосходило даже богатство Итана. Его бесила даже мысль о том, что и Сильвия могла извлечь выгоду из этого брака.

Но хуже всего было то, что старый развратник Ледо будет наслаждаться телом молоденькой Мэдлин. У Итана непроизвольно сжимались кулаки.

Он глубоко вздохнул и заставил себя расслабиться. Подумал, что обязательно нужно сделать так, чтобы Ледо стало доподлинно известно, как вела себя его невеста в Лондоне, в частности той памятной ночью.

Итан был искушен в осуществлении коварных замыслов, и у него было много знакомых в Париже.

Жадным Ван Роуэнам не заполучить богатого графа.

И все же, уже зная, чья кровь течет в жилах Мэдлин, Итан не мог подавить желание, которое испытывал к ней. Более того, с каждым днем оно становилось острее. Обуреваемый противоречивыми чувствами, он никак не мог определиться с последующими шагами.

К черту! Нужно сосредоточиться — сейчас не время думать о девушке. Он встал из-за стола и направился к двери.

Два проходивших мимо мальчишки замерли при виде его лица. Ответный, хмурый взгляд поверг их в бегство.

Вот так же поступила бы и Мэдлин.

Краем глаза Итан заметил какое-то движение и метнул взгляд вверх...

На противоположной стороне улицы на балконе стоял Дейвис Грей, чье изможденное

лицо расплылось в улыбке. Его брови были изумленно изогнуты при виде столь непривычной беспечности Итана. В руке Грей держал направленный на него пистолет с взведенным курком.

«Что, черт возьми, я наделал?..» — со злостью подумал Итан, выхватывая пистолет и поспешно стреляя.

Слишком поздно. В груди Итана вспыхнула боль, пуля попала в цель.

— Я обречена, — нашептывала сама себе Мэдди, шагая в темноте по кварталу Марэ в шелковом вечернем платье.

Что она себе возомнила? Она всегда была в той или иной степени обреченной. Откуда она взяла, что судьба улыбнется ей, улыбнется хоть раз?

— На сей раз в необычно большой степени, — поправила себя Мэдди. Пара громил Тумара поджидали в переулке у ее дома, что вынудило ее бродить по улицам, пока они не уберутся. У нее был долг, который ей ни за что не выплатить, а единственная по-настоящему ценная вещь, которой располагала — девственность, — была потеряна без какого-либо возмещения.

Сейчас же ей приходится расплачиваться за то дикое ночное безрассудство, поскольку какой-то лондонский знакомый графа сообщил ему, что слышал от какого-то своего знакомого, что его будущая невеста в Лондоне вела себя фривольно и ударилась во все тяжкие.

Чертов ханжа! Он потребовал, чтобы Мэдди подверглась обследованию в подтверждение своей невинности и отсутствия возможной беременности от какого-нибудь лондонского повесы. Как будто старый граф застрял в Средневековье, в дикие нравы которого вполне вписывался.

Мэдди и не подозревала, что люди до сих пор занимаются такими обследованиями. От нее, наверное, ждали, что она изобразит обиду и оскорбленную невинность, стеля: «Но на мне же был пояс целомудрия!» Вместо этого она сухо отказалась выполнить его требование, стараясь выразить при этом злость и возмущение вместо смущения или разочарования. Он же отказался от сделанного ранее предложения.

Отвергнутая графом. Все равно, что получила от него пощечину.

Хуже. Мэдди позволила этому случиться. Она годами манипулировала мужчинами и знала десятки способов, пригодных для выправления ситуации, способов изворачивания и подлизывания для достижения нужной цели. Могла бы заплакать, прикрывая лицо полями шляпы, или прикинуться уставшей от его капризных прихотей. Если бы такая тактика не сработала, она могла бы прибегнуть к обольщению или попросту устроить так, чтобы осмотр проводил продажный медик. И тем не менее...

Мэдди ничего такого не сделала.

«Поступила ли я правильно сегодня? Не усугубила ли свою уязвимость?»

Немного.

Она вдруг, как бы со стороны, услышала свои слова:

— Я все равно никогда не хотела выходить за вас замуж! А ваш парик ужасно воняет.

Мэдди сожгла свои корабли. Почему? Она никогда не была глупой — разве что с Шотландцем.

Лучше бы Мэдди не ездила в Англию. Возвращение на родину после столь долгой ссылки лишь обострило тоску по ней. Она вела себя там самонадеянно и необдуманно, и, наверное, эти свойства ее характера все еще дают о себе знать.

— Ну, пожалуйста, хотя бы чуточку удачи! — прошептала Мэдди, взывая к небесам. Словно в ответ, она увидела клубившиеся черные тучи, которые, разрастаясь, набегали на звезды. Куда идти, если пойдет дождь? Не все ошивавшиеся на том или ином крыльце

пьяницы были такими мирными, как те, что облюбовали крыльцо ее дома. Некоторые жестоко пресекали посягательства на свою территорию.

Плотный и душный воздух предвещал грозу. Мэдди ненавидела грозы. Все трагедии в ее жизни сопровождались грозowymi раскатами и дождем. В то утро, когда секундант отца сообщил о его гибели на дуэли, его слова акцентировал грозовой разряд, а в день похорон шел жуткий ливень. Когда они с матерью вернулись с похорон, их не пустили в поместье Айвли-Холл кредиторы, захватившие его во время их отсутствия.

Всего лишь одно кольцо или брошь помогли бы им продержаться несколько лет, но надевать драгоценности на кладбище считалось дурным тоном, поэтому им пришлось уйти в той одежде, которая была на них. Когда они отъезжали, Мэдди оглянулась, чтобы сквозь залитое дождем окно экипажа в последний раз взглянуть на их особняк, в который, она знала, ей больше не суждено вернуться.

Пожар, в котором она едва не погибла, когда ей было одиннадцать лет, быстро раздувал штормовой ветер, и не могли загасить приносимые редкими шквалами заряды дождя. Мэдди оказалась в западне — в расположенной несколькими этажами выше очага пожара маленькой квартирке, в которой они жили с матерью. Она была убеждена, что умрет, еще до того, как упавшая горящая балка сломала ей руку.

Когда, уворачиваясь от языков пламени и задыхаясь от дыма, Мэдди, наконец, пробилась к окну и проморгалась, глянула вниз на улицу.

Там стояла ее мать, явно в числе первых выскочившая наружу.

В этот момент полной растерянности и ужаса Мэдди подумала: «Я так же хороша, как и одинока».

Ей до сих пор снились кошмары, связанные с тем пожаром, которые всегда заканчивались тем горьким открытием...

Мэдди испуганно вздрогнула, когда небеса разверзлись. Полил дождь, и она побежала к ближайшему укрытию, к каштану.

Рассмеялась — и смеялась, пока не заплакала, — когда на нее охапками начали падать листья.

Царапая от боли булыжники, Итан лежал в луже излившейся из груди крови. Он разлепил глаза и понял, что при падении выронил пистолет. Вслушивался в приближавшиеся шаги Грея, когда до его уха донесся топот выбегавших из парадного входа таверны посетителей.

Скрипя зубами, Итан принялся шарить рукой справа от себя, пока не наткнулся на свой пистолет. Он сомкнул пальцы на рукоятке и начал целиться...

Слишком поздно. Взглянув вверх, он обнаружил, что Грей уже направил свой пистолет на него. При приближении к Итану Грей не забывал о хороших манерах. Пальцем свободной руки он ткнул в еще дымящуюся дыру в своем сюртуке и рубаше. Пуля Итана пронзила только складку мешковатой одежды Грея.

— А говорили, что ты лучше меня, — сказал Грей.

«Я и был — десять лет...» Итан ощутил вкус крови во рту и понял, что скоро умрет, если даже Грей и не выстрелит в него.

— Хью уничтожит тебя, — сказал, задыхаясь, Итан. Грей пожал плечами:

— Все стараются убедить меня в этом. И все же я всегда считал, что это будешь ты.

Ближняя, боковая дверь таверны со скрипом открылась; оттуда донесся шум, и неясный

свет заполнил переулочек. Грей взглянул на дверь, потом снова перевел взгляд на Итана и ловко спрятал пистолет.

— Выстрел был смертельный, дружище, и мы оба это знаем. — Он одарил Итана откровенно сочувственной улыбкой. — С таким лицом, как у тебя, следовало раньше думать о женщинах.

Грей повернулся, но перед тем, как быстро уйти, бросил через плечо:

— Надеюсь, она стояла того.

Подавив мучительный крик, Итан перевернулся на бок и потащил вперед оружие, но Грей уже исчез.

Итан не мог видеть вышедших из боковой двери таверны, но мог слышать. Разглядывая затянутое облаками небо, он слушал, как отец и сын Макриди спорили, стоит ли оказать ему помощь:

— Я не буду ввязываться в неприятности.

— Но мы в долгу перед ним.

— Он превратился в негодяя.

— Думаешь, он заслужил, чтобы его подстрелили?

— Предупредите моего брата, — прохрипел Итан, на губах которого пузырилась кровь, но они не обращали на него внимания. Его тело охватила дрожь, — Послушайте меня... — Они не слушали.

Он сильно подвел Хью. Итан никогда не был настолько беспечным, чтобы выйти на улицу даже без беглого изучения окружающей обстановки. Он умирал и думал только о том, что нужно предупредить брата и что ему никогда не удастся еще раз увидеть ту маленькую ведьму.

Он ощутил, как его подхватили на руки, и, несмотря на то, что напруг все силы, чтобы превозмочь боль, все равно провалился в темноту...

Он не знал, как долго оставался без сознания, но когда очнулся, обнаружил себя распростертым на кровати, а хирург дрожащими руками вытаскивал пулю из его груди, в то время как другие люди удерживали его. Итан орал от боли, пока доктор извлекал из раны искореженный кусок металла и частицы одежды, а затем плеснул в рану виски.

Перед тем как приступить к наложению швов, доктор влил и себе в горло не менее полбутылки.

— Я сделал все, что мог, — сказал он, когда закончил.

— Он будет жить? — спросил младший Макриди. Проваливаясь временами в темноту, Итан все же уловил обрывки фраз изрядно пьющего доктора.

— Скажем так: если он поправится от такого ранения и последующего воспаления, я брошу пить.

— Меня начинает удивлять тот факт, что, похоже, никто не заметил исчезновения этого негодяя, — сказал старший Макриди. — Вероятно, никто не придет за ним.

— Ага, — равнодушно отозвался его сын.

— Пошел отсюда, ты, малодушный старый ублюдок, — прорычал Итан, готовый на стенку лезть после пятинедельного пребывания в охотничьем домике Макриди. — Думаешь, я тебя не слышу?

Он слышал. Изю дня в день вынужденный лежать в кровати Итан слушал звуки их досужих игр: шелест раздаваемых карт, шлепки при выбивании Макриди своей трубки, клацанье костяшек домино.

«Клац... клац... клац...» — и так на протяжении всего чертова дня, пока Итану не начинало казаться, что он сходит с ума.

«Почему никто не приходит за мной?» Он чувствовал себя забытым псом, привязанным к дереву и всеми покинутым.

— Иди ты в пекло, Маккаррик, — ответил Макриди-сын.

— А где, по-твоему, я нахожусь? — Сжимая под одеялом кулаки, он окинул взглядом комнату. Большая часть стен была занята шкапами. — Это сейчас ты храбришься, но когда я, даст Бог, снова встану на ноги, то ты у меня проглотишь собственные зубы.

Несколько секунд спустя на пороге маленькой комнаты появился рассерженный Макриди-старший.

— Сынок, я не собираюсь опять говорить с тобой насчет твоего поганого языка. — В первый раз разговор состоялся после того, как миссис Макриди предприняла неудачную попытку почитать Итану псалмы. Он отклонил предложение, несколько не стесняясь в выражениях, и, как показалось, услышал, будто у нее что-то лопнуло в мозгах, прежде чем она вылетела из комнаты и упала в обморок. — В долгу я перед тобой или нет, но я вышвырну тебя отсюда, — спокойно сказал Макриди и снова удалился.

Долг. С этой семьей все разговоры сводятся к долгу. Они знали, что обязаны Итану, который, чтобы снять с Сары клеймо самоубийцы и получить разрешение на ее похороны по католическому обряду, скрыл, что Сара прыгнула, и заявил, что она поскользнулась, что выглядело совершенно невероятным. Итан также позаботился о том, чтобы на протяжении не менее десяти лет ходили слухи, будто это он толкнул ее вниз.

Макриди знал, что Итан защищал Сару не ради ее семьи, к тому же Итан обвинял их в том, что они принудили ее к этому замужеству, и не забывал напоминать им об этом при каждой встрече. Благо случались они не часто.

Тем не менее, сейчас он оказался прикованным к постели в их доме.

Когда Итан очнулся после двухнедельного, бредового состояния, он тут же попытался встать, намереваясь уйти и выяснить, к чему привела его беспечность. В безопасности ли его брат? Или Грей добрался и до него?

У Итана сразу открылась рана, и он потерял сознание. Последующее восстановление швов доктором с трясущимися руками стоило Итану еще недели горячечного бреда и гарантированного ухудшения состояния еще в большей степени, чем в первый раз.

При каждой попытке встать и уйти у него лопались швы, и он терял сознание. При его росте и размерах комнаты Итан постоянно падал и ударялся головой, что задержало его

здесь более чем на месяц и еще задержит неизвестно насколько.

Ему пришлось просить Макриди, чтобы тот разузнал, уехали ли Хью и Джейн в Шотландию. Итану также пришлось заплатить младшему Макриди, чтобы тот послал в Лондон телеграмму с сообщением о его положении.

Старший Макриди выяснил, что Хью покинул домик на озере в ту самую ночь, когда подстрелили Итана. По крайней мере, в этом повезло: пока Грей поджидал момент, чтобы подстрелить Итана, Хью успел отправиться на север, в горы Шотландии, в свою стихию. Итан был уверен, что брат обезопасил себя на какое-то время.

Плохо то, что Хью будет отсиживаться в поместье Корта наедине с женщиной, которая для него желаннее всех на свете, причем выступает в роли его фиктивной жены. В худшем случае из-за реальности действия проклятия Хью рискует обречь ее на смерть и мучения. В лучшем же случае такой крупный и безжалостный, не умеющий толком общаться с людьми человек, как Хью, совсем неподходящая пара для признанной красавицы, привыкшей блистать в обществе.

Не говоря уже о том, что распоряжения убивать Хью получал от отца Джейн...

Но в том состоянии, в каком находился Итан, он ничем не мог помочь брату. Бездействие изводило его. Он сгорал от нетерпения. Не имея сил что-либо предпринять, он оставался наедине со своими мыслями и взвинчивал себя, вспоминая то свое поражение, то Мэдлин.

Хотя Итан и разрушил ее планы относительно Ледо, он не был уверен в том, что она не найдет кого-нибудь другого по прошествии столь многих недель. Она была соблазнительной, и, если у нее приличное приданое, мужчина мог закрыть глаза на отсутствие девственности.

Один раз Итан пощадил Грея, и к чему это привело? Он не повторит сделанную однажды ошибку и не позволит Сильвии избежать возмездия.

Покончив с Греем, Итан уведет Мэдлин от Сильвии и поселит в своей самой неприметной усадьбе с предложением защиты на взаимовыгодных условиях. Или же, если она проявит строптивость, он даже может пообещать жениться на ней, но не станет доводить дело до свадьбы.

Он задавался вопросом: предупредили ли ее родители о черноволосом шотландце со шрамом? Хотя вряд ли. У Сильвии не хватило бы воображения, чтобы связать все воедино. Ван Роуэн же мучился ощущением стыда и вины из-за происшедшего и вряд ли говорил об этом вплоть до своей кончины, случившейся шестью месяцами позже.

В любом случае даже если Мэдлин была предупреждена, это не имело большого значения. Итан все равно заполучит ее тем или иным способом. Они его изуродовали, и их прелестная дочь будет достойным для него вознаграждением. Получив ее в свое распоряжение, он будет пользоваться девушкой, пока не надоест.

Потом Итан выгонит ее совершенно раздавленной, с голым маленьким задом, и таким образом спасет бесчисленное множество глупых аристократов от цепких когтей Сильвии.

Мэдлин сказала, что мужчины его типа привыкли пользоваться и ничего не давать взамен.

Мисс Ван Роуэн ничего в этой жизни не видела.

«Ради Бога, только бы это приехали за мной», — подумал Итан, услышав на следующий день шум подъезжающего экипажа.

Он с облегчением прикрыл глаза, узнав голос Хью, доносившийся из гостиной. Итан отчетливо слышал, как обычно малоразговорчивый Хью пытался завязать беседу с отцом и сыном Макриди. У него получалось довольно коряво, но, похоже, его мало беспокоило собственное косноязычие.

Хью вошел в комнату, и Итан отметил, что брат выглядел крепким и... счастливым.

— Итан, приятно видеть тебя живым! — воскликнул он, в то время как Итан предпринимал болезненную попытку сесть в постели. — Грей сказал мне, что убил тебя.

Удивление проявилось на лице Итана в виде изогнутой брови.

— Так мы теперь беседуем с Греем?

— Нет, конечно, нет. — Хью ухмыльнулся. — То были его последние слова.

— Ты... убил его. — Неужели Грей наконец-то мертв? — Как?

После всех передраг Грея убил все же не Итан.

— Ну, нельзя сказать, что именно я убил Грея. — Хью оттянул ворот рубашки. — Скорее мы сделали это вместе с Джейн. Это долгая история. Я все тебе расскажу по пути. Если ты, конечно, готов отправиться сейчас домой.

— А ты как думаешь? Я жду, не дожусь, когда кто-нибудь приедет за мной. Прошло несколько недель, как я послал телеграмму.

— Не было от тебя никакой телеграммы. Я искал тебя везде, даже разослал людей прочесать деревни. Так и обнаружили, где ты находишься.

— Никакой телеграммы? — взревел Итан и тут же услышал, как сорвался с места младший Макриди и бросился вон из дома. Так вот отчего он застрял здесь! Оттого что этот щенок прикарманил деньги на отправку телеграммы. — Я убью этого ничтожного ублюдка.

— В следующий раз. Мне нужно вернуться в Лондон. Тебе помочь одеться? — Итан неохотно кивнул, и Хью помог ему переместиться на край кровати. — Дай-ка взглянуть на рану. — Взглянув на грудь брата, он присвистнул. — На дюйм в сторону — и все...

— И я не мучился бы здесь пять недель.

— Хотя пулевое ранение... Насколько же медленно ты двигался, что позволил Грею попасть в тебя? — спросил Хью, и Итан стиснул кулаки. — Кожа заживает хорошо. Еще пара недель на заживление швов, если ты, конечно, будешь, осторожен с ними. — Хью нахмурился. — Почему ты до сих пор так слаб?

— Потому что здесь не еда, а опилки какие-то, — ответил Итан, потерявший в весе более шести килограммов.

— Возможно, это так, но тебе и за это стоит поблагодарить их.

— Не дождуся.

— Если не сделаешь этого, — прошептал Хью, — я не расскажу тебе, как умер Грей. И, возможно, оставлю твою задницу здесь...

Двадцатью минутами позже Хью с кучером заносили Итана в экипаж.

— Не так уж все оказалось плохо, правда? — натужно сказал Хью, с усилием вталкивая брата внутрь.

Стиснув зубы, Итан откинулся на спинку сиденья.

— Пошел вон, Хью. — Несмотря на то, что болела рана, кружилась голова, и даже пришлось под прессом шантажа пробормотать слова благодарности принявшей его семье, он был сильно возбужден и упивался осознанием того, что со смертью Грея его миссия закончилась. Теперь, как только к нему вернутся силы, он волен, ехать в Париж.

Неожиданно в нем проснулся голод.

— Теперь, черт возьми, расскажи, как умер Грей, — заявил он, едва кучер тронул лошадей.

Хью отвечал, глядя в окошко:

— Ну, Джейн всадила в него несколько стрел, а я... поставил ему подножку.

Итан остолбенел.

— Грей умер от подножки? — Это было слишком унижительно.

— Звучит это не так плохо, как было на самом деле, — быстро проговорил Хью, снова поворачиваясь к Итану. — Ужасно. Настоящее испытание, правда. А как Грею удалось тебя застать врасплох?

— Я проявил беспечность и поплатился за это. — Он дернул плечом, не желая продолжать эту тему. — Что еще произошло за последние пять недель? Ты еще не расторг свой брак?

— Нет.

— Ты сказал, что Грей умер несколько недель назад, и до сих пор не сделал этого?

— Я по-прежнему... женат. Джейн теперь моя.

— Но проклятие, — сказал Итан, злясь на дикость самого понятия. — Твое прошлое...

— Она знает о моем прошлом, о своем отце, обо всем. Грей постарался все довести до ее сведения. А насчет проклятия... Итан, не стоит на этом заикливаться. Корт вон женился на Аннелии — и что? Скоро станет отцом.

— Нет. Это невозможно. — Итан помнил строку наизусть: «...никто не примет их семья...»

Хью затряс головой:

— Это правда. У Аннелии большой живот. Я видел ее сам.

— Это не его ребенок.

— Все думали, что ты именно так и скажешь. Аннелия — хорошая девушка, но, чтобы ты не сомневался, скажу, что Корт был у нее первым и единственным, и что несколько недель они провели наедине.

Итан встречал Аннелию и знал, что она вряд ли стала бы лгать насчет отцовства ребенка или заводить себе любовника. Но все же разве доказывает это единственное событие несостоятельность того, во что они так долго верили?

— Тогда как ты объяснишь, почему ни одна другая девушка никогда не беременела от Корта? А эта вдруг забеременела, да так быстро?

— Каждый, кто знаком с «Книгой» и с событиями вокруг нее, согласится, что в двух последних строках предсказания должны содержаться слова о том, что каждому из сыновей нужно найти предназначенную ему женщину.

Именно этого Итан и боялся. Того, что поверивших в мечты братьев ожидает крушение надежд. И, тем не менее, не мог оспорить такое толкование книги. Он и сам много раз пытался постичь смысл скрытых строк.

— Ты веришь в это?

— Я верю, и, надеюсь, ты тоже поверишь.

— Значит, ты убежден, что я могу жениться и иметь детей? — Итан был безотчетно возбужден этой новостью, причем настолько, что ему казалось, будто он не участвует в беседе, а наблюдает со стороны.

— Да, если найдешь подходящую девушку. И тогда ты сможешь вернуться к жизни, которую тебе должно вести.

— Я и веду...

— Нет, не ведешь, — прервал его Хью. — Ты граф Кавана. У тебя есть и обязанности, и земли, и люди. Ты обладаешь титулом, который должен передать по наследству.

— Может быть, мне нравится то, чем я сейчас занимаюсь.

— Это не та жизнь, какую прочил отец. Наоборот, чтобы не убивал и сам не был подстрелен. И чтобы не был одиноким ни дня в твоей жизни.

— То, что вы с Кортм вдруг остепенились, еще не означает, что мне нужно то же самое. Мне нравится охота. Мне нравится ощущение опасности.

— На сколько тебя еще хватит, Итан? Ты не становишься проворнее. Вон как Грей приложил тебя.

Черт, это был удар ниже пояса, и они оба знали это. Итан зло прищурился:

— Значит, ты думаешь, что можешь так просто, не оглядываясь, уйти с работы?

— Да, потому что теперь у меня есть во имя чего жить.

— Ты никогда не задумывался о том, что не должен оставаться с Джейн не только из-за проклятия или твоего прошлого, но и по другой причине? Все сводится к простому здравому смыслу, чего, как я вижу, лишены мои братья, особенно когда дело касается выбора невест. — Лицо Итана озарила догадка. — Джейн беременна, да? Очевидно, для Маккарриков настало удачное время для размножения. Ты поэтому остался с ней? И поэтому она согласилась, да?

— Нет, она не беременна. Мы выжидаем.

В ответ на вопросительный взгляд Итана Хью поспешно добавил:

— Это не значит, что мы воздерживаемся.

— Выжидаете, — с медленным кивком подтвердил Итан. — Итак, один из моих братьев, наемник, бросил это дело, женился на офигенно богатой наследнице и обрюхатил ее; другой же мой брат предохраняется. Дай-ка отгадаю, это ее идея?

— Это наша идея. И я много думал о нашей женитьбе, Итан. Неделями мучился — остаться с Джейн или нет. Каждый раз, когда говорю кому-то, что женат на Джейн Уэйленд, они смеются. Думают, что я шучу. Мне это быстро надоело.

— Это действительно смешно, — сказал Итан, который привык называть вещи своими именами. — Она признанная красавица и умница, с кучей родственных связей. А ты не выносишь скопления людей и почти ни с кем не разговариваешь.

— Да, я знаю. Но она счастлива со мной. Оказалось, что она мечтала выйти за меня с тех пор, как была девчонкой. — Хью говорил это с особенной гордостью, и Итан должен был признать, что никак не ожидал этого от Джейн. — И я стараюсь ради нее.

— Мужчина не может изменить свой характер, — заметил Итан.

— Да, не часто, но я уверен, что если у таких мужчин, как мы, это получается, то они меняются полностью.

— Что ты имеешь в виду?

— Возьмем Корта. Он был почти таким же эгоистичным, как ты, но сейчас совсем другой.

Итан не потрудился возразить, что он не эгоист, но сказал:

— Да, возьмем Корта. Еще один образчик нелепой пары. Аннелия — наследница, а у Корта за душой нет и двух гиней. К тому же он чертов наемный солдат, а она — сама элегантность. Как он будет ее содержать? Оставит с новорожденным дома, а сам пойдет воевать за деньги?

— Он оставил службу.

Итан саркастически рассмеялся.

— Они будут голодать, причем в его заброшенном поместье в горах, разве что он станет жить за ее счет. — Он посуровел. — Нет, черт возьми, этого не случится. Я откажу ему деньги, прежде чем он станет первым Маккарриком, живущим за счет жены.

— Нет, во время его последней кампании я выгодно вложил все его сбережения, — возразил Хью. — И сейчас у Корта постоянный доход. Скрываясь с Джейн в его владениях и выжидая, когда ты убьешь Грея, мы, чтобы занять себя чем-то, отремонтировали дом лэрда. Скорее следовало бы сказать, что я работал только для того, чтобы не распускать руки в отношении Джейн. Поверь мне, сейчас дом Корта выглядит как на картинке. И Аннелии там нравится.

— И как долго это продлится? Сколько это может продолжаться? Вы оба разочаровали меня. Я думал, что у моих братьев все же больше здравого смысла.

— Если то, чем я сейчас упиваюсь, объясняется отсутствием здравого смысла, то никакой здравый смысл мне не нужен. — Хью откинулся назад, всем видом показывая, что отказывается от попыток убедить Итана. — Ты ничего не поймешь, не сможешь, пока сам не почувствуешь это. Тебя убеждать — все равно, что пытаться объяснить девственнице, что такое секс.

И снова Итан вернулся мыслями к Мэдлин. Что ж, появился какой-то прогресс. В последний раз он думал о ней целых десять минут назад.

«Погоди-ка...» Итан с прищуром посмотрел на Хью:

— Ненавижу, когда приводят такие дурацкие аргументы. Это похоже на заявление нашей матери о том, что мы не сможем понять или простить ее отношение к нам после смерти отца, пока не влюбимся сами. — Когда она сказала это, Итан ответил: «Чушь. Мне не нужно прыгать с моста, чтобы понять, что приземление не будет приятным».

Итан так и не смог простить матери ее поступки. Нет оправдания матери, которая винила своих сыновей в смерти Литы, нет оправдания ее нерациональным действиям. Она кричала, рвала на себе волосы, говорила слова, которые нельзя было вернуть...

— Нет, Итан, она была права, — сказал Хью.

— Конечно, ты на ее стороне... теперь, когда сам посвящен в члены братства поклонников брачного культа. Не могу только определиться, забавляет все это меня или мне противно.

Хью отвел взгляд к окну.

— Если бы я... если бы я потерял Джейн, то не смог бы предсказать свои действия, но уж точно перестал бы следить за своей речью.

— Я определился. Мне противно.

— Неужели ты никогда не думал о женитьбе?

— Нет, никогда. Я считал, что нам не предназначено. Кроме того, сказать, что особенности моего характера не благоприятствуют браку, это все равно, что ничего не сказать. — Итан говорил это так уверенно, но сейчас, впервые в жизни, его сознание начал

точить червь сомнения. Оба его брата были женаты и, похоже, счастливы. Очевидно, проклятие следовало трактовать не так, как это делали они.

Итан слышал, что в последнюю минуту перед глазами человека проносится вся его жизнь. Он смотрел в глаза смерти, и ничего подобного не происходило, хотя его взрослая жизнь была ничем не примечательна. Он никогда не заводил друзей, как Корт в своей банде наемников. Никогда не испытывал бескорыстную любовь к одной женщине, как его брат Хью.

В ту ночь в переулке возле таверны Итан был уверен, что умирает, и тогда к нему пришло осознание никчемности всей его жизни. И почему-то в этот критический момент он подумал о той девушке...

Они сидели молча около пятнадцати минут.

— Что ты собираешься делать после прибытия в город? — спросил, наконец, Хью.

— Готовиться к поездке в Париж. — К сожалению, ему придется провести несколько дней в Лондоне перед отъездом, чтобы окрепнуть и набраться сил, а также еще немного подлечиться.

— А какие дела в Париже?

— Мэдлин Ван Роуэн.

— Все еще думаешь о ней? Это интересно. Итан пожал плечами:

— Не выдумывай.

— Это ведь не связано с мезтью, правда?

— А если да?.. — Итану хотелось внести последний штрих в дело о преследовании Сильвии. Заставить ее страдать, как она и заслуживала. Тот факт, что в процессе можно еще и поразвлечься с Мэдлин, несуществен на фоне главной цели. Хотя он и старался убедить себя в этом, внутренний голос нашептывал ему: «Ты цепляешься за эту мезть, используя ее как повод развлечься с ней».

— Ведь она не может расплачиваться за то, что сделали ее родители, — сказал Хью. — А что, если она та самая? — добавил он, понизив голос.

Итан вздрогнул от неожиданности.

— Что? Ты шутишь, надо полагать.

— Ты когда-либо думал о другой женщине так же много, как о ней?

С тех пор как Итан повзрослел настолько, что стал обращать внимание на женщин, ни одна из них так сильно не очаровывала и не расстраивала его.

— Если бы я был убежден в твоей трактовке текста проклятия — а я не убежден, — то и тогда это не имело бы значения. Невозможно даже представить себе столь роковой союз. Смешно думать об этом.

— Неужели ты способен из мести испортить невинную девчонку? — Хью смотрел на Итана, будто умоляя ответить как надо. Не мог же Итан быть таким мерзавцем.

Но он был.

— Нет. — Итан выдержал паузу, предоставив Хью возможность расслабиться. — Уже испортил, — добавил он. — Лишил ее девственности в ту ночь, когда был маскаррад.

— Ты не мог. — Хью выглядел ошеломленным. — Ты должен жениться на ней.

— Черта с два.

— Она подруга моей жены. Я вмещаюсь, Итан. Итан смерил его злым взглядом.

— Думаешь, сможешь помешать мне, развлекаться с ней? Ничто и никто не остановит меня.

Хью разглядывал его лицо, потом его брови поползли вверх.

— Понятно. Что ж, картина проясняется.

— Что бы это могло означать?

— Посмотри на факты: Мэдлин была первой твоей женщиной бог знает за сколь долгое время и ты все не можешь отделаться от мыслей о ней. После всех тех лет, в течение которых ты хотел уничтожить Грея, теперь получается, что тебе это никогда не удастся. Но более всего тебя терзает мысль о том, что Грей оказался лучше тебя; даже то, что Джейн подстрелила его, а ты не смог, не мучает тебя в такой степени. В прошлом ты предпринял бы попытку отлупить сына Макриди, даже если бы тебе пришлось ползти, чтобы сделать это, но тебя ничто это не тревожит, потому что единственное, чего ты действительно хочешь, это вернуться к ней.

Итан отказался сесть на крючок:

— Я хочу поразвлекаться с ней несколько недель. Больше ничего.

— Желаю тебе удачи в этом мероприятии, брат. — Итану показалось, что Хью пробормотал: «Добро пожаловать в братство поклонников брачного культа».

Неужели здесь и живет Мэдлин Ван Роуэн?

Итан озадаченно уставился на возвышавшееся перед ним шестиэтажное здание. Полуразрушенное строение, очевидно, некогда было величественным особняком, но сейчас выглядело так, что, казалось, стоит прислониться к нему, и оно рухнет. Самым удивительным было то, что находилось оно в центре Марэ — худшего в Париже района трущоб.

Мэдлин, похоже, жила на последнем этаже, где обычно селятся самые бедные, поскольку постоянно носить воду и еду наверх утомительно.

Итан поднялся по ступенькам на крыльцо, обогнул валявшихся там, в разной степени беспомощности пьяниц, толкнул входную дверь. Закрыто. Придется ждать снаружи, пока кто-то из жильцов не откроет дверь. Сойдя вниз по ступенькам крыльца, он отошел к ближайшему углу и, прислонившись к стене, принялся разглядывать мир, в котором она жила.

Проходившие мимо с самодовольным видом мужчины демонстративно не скрывали заткнутые за пояс мачете или пистолеты. Проститутки активно навязывали свои услуги мужчинам, а потом приступали к работе в ближайшем переулке. По улицам бегали голые чумазы дети.

Это напомнило Итану лондонские трущобы, только здесь было еще хуже. Неужели Мэдлин могла привыкнуть к этому бедламу?

Итан попытался представить себе ее здесь, среди этих людей, элегантную и хрупкую, в синем платье, но ему не удалось. Не верилось, что Мэдлин предпочла это место фешенебельному району Сен-Рок. Он сразу вообразил, что Сильвия, прослышав с похождениях Мэдлин в Лондоне, таким способом наказала дочь за то, что та упустила Куина и графа.

Итан прибыл в Париж этим утром — ровно через десять дней после отъезда из охотничьего домика Макриди. После регистрации в отеле сразу приступил к поиску Мэдлин в Сен-Роке по адресу, который дал ему Куин.

Итан не хотел показываться на глаза Сильвии, поэтому начал с расспроса соседей, пытаясь выяснить, в городе ли Мэдлин вообще или в каких местах обычно бывает.

Никто не понимал, о ком идет речь, пока он не описал Мэдлин.

По мнению садовника, она приходила в дом пару раз в месяц. По словам конюха, он как-то ехал вместе с ней в одном омнибусе, и она не вышла на последней перед трущобами остановке. Он все удивлялся, как такая женщина может держать путь в трущобы.

Итан вспомнил, что прежний адрес Сильвии был в Марэ, и выяснил, что в настоящее время Мэдлин почему-то проживает там.

Здесь нетрудно было отыскать ее след. Казалось, все в Марэ знали Мэдди Англичанку, или Мэдди Шалуню, и она им явно нравилась, поскольку делиться информацией о ней никто не торопился.

Пожилые матроны, сидевшие на крыльце, попыхивая трубками и болтая, игнорировали Итана, пока он не засветил бриллиантовое кольцо, которое привез с собой, на случай если Мэдлин окажется... нерасположенной. Женщинам Итан сказал, что хочет жениться на ней, и они наперебой начали указывать ему дорогу к этому зданию; при этом просили запомнить

их имена — тогда Мэдди сможет отплатить добром тем, кто помог ей в обретении счастья.

Пока Итан ждал, он размышлял, удастся ли ему убедить Мэдлин уехать с ним. Даже после того как она увидит его лицо. Наверняка ей захочется покинуть это место, чего бы это ни стоило.

«Мэдлин Ван Роуэн мне обязана». Ему нравилась эта мысль...

Итан напрягся, заметив, что дверь ее дома открывается. Из темного проема выступила высокая седая женщина с ведром. Она обошла валявшихся на крыльце пьяниц; будто не замечая их, и направилась к водозаборной колонке, находившейся менее чем в квартале отсюда.

Дверь за собой она просто прикрыла. Опасаясь, что Мэдлин предупредила других жильцов о высоком шотландце, он бросился к входу и проник в дом. Оказавшись внутри, он прошел к темной лестнице и начал практически вслепую подниматься, используя в качестве страховки веревочные перила. Ступени были гнилыми, а сама лестница такой узкой, что ему приходилось двигаться боком.

Что, если она и впрямь находится наверху? Он увидит ее уже через несколько секунд...

Когда он ступил на площадку шестого этажа, доска под ногой закрипела и из комнаты неподалеку выскочила растрепанная женщина — шлюха, судя по ярко покрашенным щекам и губам. Догадка Итана подтвердилась, едва он заглянул в комнату поверх ее головы. Сквозь клубы сигаретного дыма он разглядел привязанного к кровати мужчину с завязанными глазами, который безмолвно крутил головой, реагируя на разные звуки.

Десять минут, проведенные в этом квартале, не говоря уже о доме Мэдлин, ответили на вопрос, которым задавался Итан, а именно: где девушка научилась тем изощренным ласкам, которыми одарила его. Она, наверное, ежечасно видела, как обслуживали мужчин.

— Я ищу Мэдлин Ван Роуэн, — сказал он женщине.

— А вы кто? — спросила она, моргая.

Хорошо, что она говорит по-английски. Итан мог изъясняться по-французски, но предпочитал не делать этого, разве что под страхом смерти.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Вы тот человек из Лондона?

Неужели Мэдлин говорила о нем? Если так, он не мог представить себе, что она сказала. Но все же рискнул. — Да.

— Который? Первый или второй? — Итан растерялся. — Англичанин или Шотландец?

Должно быть, Мэдлин рассказывала о Куине. Она все еще думает об этом ублюдке.

— Шотландец.

Она закрыла дверь своей комнаты, игнорируя протестующие возгласы мужчины, всплеснула руками, и лицо расплылось в довольной улыбке.

— Мэдди все рассказала нам с Коррин! Маскарад, не так ли? — Она погрозила ему пальцем. — Вы вели себя очень плохо с нашей Мэдди. Но вот наконец-то вы приехали за ней!

Мэдлин все о нем рассказала подругам? Он понятия не имел, что она могла рассказать и, что именно они расценивали как «очень плохо».

Она приблизилась к нему и сказала заговорщическим тоном:

— Вы приехали как раз вовремя, пришло время платить долги. — «Какие долги?» — Меня зовут Беа. — Итан понял, что женщина глуповата. Добра, но глуповата. — Я одна из лучших подруг Мэдди.

— Да, Беа. — Итан притворился, будто признал ее. — Я много слышал о тебе.

Довольная, она пригладила волосы. Потом нахмурилась и выставила палец в направлении его лица:

— Мэдди не говорила, что вы были ранены в бою. Наверное, на Крымской войне, да?

— Нет, не совсем... — Он запнулся, потому что, пожав плечами, она уже повернулась к двери другой квартиры.

— Мэдди сейчас нет. Она на работе. — Беа запустила руку в блузку и выудила повязанную на шее ленту со связкой ключей. — Но я впусти вас в ее комнату.

— Может быть, ты подскажешь мне, где находится место ее работы?

— Разве за ней угонишься? На мосту или на углу. Различные таверны или кафе. Кто знает?

Итан почувствовал, как натянулись его скулы.

— А что она, собственно, делает? — За те семь недель, что прошли со дня их встречи, она превратилась в лишенку. Кто знает, вдруг она опустилась до профессии ее соседки?

Беа поняла, о чем он подумал, по выражению его лица.

— О нет! Мэдди разносит напитки или иногда продает сигареты. Турецкие, — гордо добавила Беа. — Мэдди — хорошая девушка. Совсем не доступная в известном смысле. — В ее голосе прозвучали попрекающие нотки.

— Конечно, — спокойно согласился почувствовавший облегчение Итан. — Просто мне не нравится, что ей приходится работать.

У Беа вспыхнули глаза.

— Вот именно! — вскричала она, бросившись открывать дверь. — Что ж, вот ее комната. — Широко улыбнувшись, она провела его внутрь.

Итан был поражен внутренним убранством.

— Великолепно, не так ли? — Беа была вправе гордиться подругой.

Комната Мэдли была, по существу, частью мансардного помещения. Потолок заметно шел под уклон, так что там, в конце, Итан едва мог стоять, не согнувшись, и балки перекрещивались над головой. Однако Мэдли фантастическим образом преобразила ее.

Верхние этажи подобных старых особняков отводились под комнаты для слуг или классы. Здесь еще были заметны остатки былой красоты — стены длинного и узкого помещения, декорированные искусной позолотой и деревянными панелями. Поврежденные участки стен над панелями Мэдли оклеила красочными плакатами. Над местом, отведенным под спальное, доминировали два больших окна, обрамленных красными портьерами, с выходом на маленький балкон между ними. Глянув наружу, Итан отметил, что отсюда открывается прекрасный вид на Монмартр. Балкон был уставлен горшками с геранью; клацали деревянные китайские колокольчики.

— Мэдди любит сидеть там. Итан кивнул.

— А тебе не нужно вернуться к твоему... другу? — спросил он.

— Никуда он не денется. — Беа беззаботно махнула рукой. — Ну, давайте, открывайте.

Итан распахнул одно из окон. В комнату ворвался теплый не по сезону ветерок; послышалось переливчатое звучание колокольчиков, и затрепетали портьеры. Черный кот запрыгнул внутрь с балкона, потрогал лапой брюки Итана, а потом начал кружить вокруг его ног.

— Ее кот?

— Нет, она не может кормить Ша-Нуара. Он редко ластится к людям. Это хороший

знак.

Итан пожал плечами. В отличие от людей, на которых он, как правило, производил отталкивающее впечатление, некоторые животные привязывались к нему, и это всегда удивляло его. В самом деле, звери, похоже, либо любили, либо ненавидели его.

Итан подошел к другому окну и увидел висевшее возле него ведро. Вероятно, Мэдлин не затаскивала воду и продукты по тем расшатанным ступенькам, а поднимала наверх с помощью веревки, причем легко, используя два спаренных шкива для облегчения груза. «Умная девочка».

За вторым окном сиреневая шторка скрывала до смешного маленькую деревянную лохань. С другой стороны, не двухметровое же тело ей туда втискивать. Кровать — скорее просто нары — была застелена покрывалом, затейливо сшитым из кусков дорогих тканей, хотя и изношенных.

Он подозревал, что Сильвия, возможно, выгнала Мэдлин после того, как лишилась банковского счета. Но Итан чувствовал, что это постоянное пристанище — именно здесь дом Мэдлин, причем уже довольно долгое время.

Хотя сейчас лучи теплого послеполуденного солнца приятно согревали помещение, прогреть его зимой наверняка не удавалось. Крыша, несомненно, протекала, и многие стекла в окнах были треснуты, а некоторые отсутствовали и были заменены тонкой материей.

Еще Итан заметил, что, хотя у Мэдлин имелись печь и чайник, не было ни крошки еды — только одно отливающее глянец яблоко.

Грудь сдавило незнакомое тяжелое чувство. Неудивительно, что у нее был несколько изможденный вид — одна из тех притягательных черт, которая привлекла его к ней. И неудивительно, что она охотилась за богатым мужем. Но почему она так долго терпит нужду при богатой матери и еще более богатых друзьях?

— Почему она не живет с матерью? Беа снова заморгала.

— Она вам не говорила?

— Что не говорила?

С лестничной клетки послышался женский голос:

— Беа, это ты?

— Да! — завопила Беа чуть ли не в ухо Итану. — Это я!

— Пьяницы сказали, что сюда проскользнул мужчина. Это один из твоих постоянных клиентов?

— Нет! Я никого не видела... Мне нужно идти! — шепнула Беа Итану. — Коррин очень расстроится, если узнает, что вы здесь. — Она вздохнула. — Но она ведь не разбирается в любви, как я.

— Когда вернется Мэдди? — тихо спросил Итан.

— Не могу сказать. Лучше располагайтесь поудобнее. Постучите в дверь напротив, если что-то понадобится. — С этими словами Беа ушла.

Оставшись один, не считая кружившего вокруг кота, Итан приступил к осмотру скудных пожитков Мэдлин. Платьев немного — хотя и ношенные, но смелые по расцветке и покрою, они выглядели весьма современными. Итан не нашел подходящей для Лондона одежды, но тот гардероб она, наверное, уже продала. Продала ли она и синее платье, в котором была в тот вечер, когда они встретились?

В ящиках комода — их оказалось всего два вместо четырех — было аккуратно сложено ее миниатюрное, небрежно заштопанное нижнее белье.

Под расшатанным подоконником он обнаружил тайник. Внутри лежали завернутые в шелковый платочек два серебряных, с гравировкой зажима для банкнот, которые она, несомненно, выждав некоторое время, переплавит. Кроме того, там была книжка для записей пари. Из нее Итан выяснил, что на ее личном счету больше плюсов, чем минусов. Рядом с книжкой аккуратной стопочкой были сложены купоны на уголь и фрукты, купленные в июне этого года.

Очаровательно. Она воровка, игрок и скупщица обесцененных летом купонов на товары, которые дорожали зимой.

Итан положил все на место, после чего рядом с кроватью заметил ящик из-под молочных бутылок. На ящике лежали журналы «Вестник моды» и «Парижская мода», а также книга «Богемная среда Латинского квартала: сцены из богемной жизни». Итан нахмурился, вспомнив, что слышал об этой книге. В ней содержались очерки о жизни бедных художников, о том, как они добывали себе пищу, спиртное и занимались сексом. Неужели Мэдлин причисляла себя к когорте художников, живших в мансардах? У нее определенно был талант, судя по тому, как она преобразила эту комнату.

Он сделал выдох и опустился на ее узкую кровать; за ним тут же с мурлыканьем последовал кот. Итан знал, что в комнате больше никого нет, но огляделся, прежде чем погладить кота.

Признавая, что в его плане мести полно зияющих прорех, он задавался вопросом, обеспокоится ли вообще Сильвия, если даже он уведет ее дочь из-под венца? Идея оторвать Мэдлин от матери уже совсем не казалась удачной: девушка давно жила отдельно.

Может быть, лучше просто уйти?

Итан взял подушку Мэдлин и поднес к лицу, желая ощутить ее аромат. От удовольствия он закрыл глаза. Нет, он не уйдет, пока она снова не окажется под ним.

К тому же он любил разгадывать всякие тайны, а чья жизнь, как не Мэдлин, была полна тайн?..

Решено. Итан встал и принялся мерить шагами комнату, как будто... занервничал. С его-то опытом, цинизмом и горечью осмеяния он стремился снова увидеть девчонку.

И на этот раз она увидит его лицо.

Он пересек комнату и подошел к висевшему над комодом зеркалу. Когда она смотрела в это зеркало, в нем отражалась красота. Он хрипло рассмеялся, увидев свое уродливое отражение. Красавица и чудовище.

«Но у этого чудовища есть деньги, — напомнил он себе. — То, чего ей отчаянно не хватает».

На закате Итан вышел на балкон, надеясь заметить приближение Мэдлин до захода солнца. За входом в дом вели наблюдение два короткошеих здоровяка явно бандитского вида. Беа упоминала что-то о долгах. Не Мэдлин ли отслеживают эти двое?

Итан поводил плечами, проверяя состояние швов на груди. Если придется драться только с двумя, то, возможно, это не нанесет слишком большого вреда ране...

Застонали ступеньки лестницы. Итан замер и напрягся в ожидании. Потом бросился к двери, распахнул. И уставился на Беа, тоже успевшую открыть свою дверь. Они обменялись хмурыми взглядами.

На лестничной площадке стояла женщина, которую он видел раньше с ведром, но сейчас в ее руках была метла. Несмотря на седину, лицо у нее было гладкое, без морщин, так что возраст трудно поддавался определению.

— Кто вы такой и что делаете в комнате Мэдди? — безапелляционно спросила она. —

Кто впустил вас сюда?

Находившаяся вне поля зрения этой женщины Беа отчаянно мотала головой и размахивала руками.

— Я приехал к Мэдлин. Здесь я жду ее... Разве что вы подскажете, где ее можно найти.

— Ты Шотландец! Ты причинил боль моей Мэдди! — Она воинственно подняла метлу над головой. — Черта с два я скажу. Ты уберешься отсюда до ее прихода. У нее и без тебя достаточно неприятностей!

Беа, наконец, шагнула вперед:

— Коррин, может быть, лучше подождем? Мэдди говорила, что как раз он ей по-настоящему понравился. По-настоящему...

— Заткнись, Беа!

«Я ей понравился?» Итан тут же мысленно одернул себя. Будто это сколько-нибудь его заботило.

Но Беа не успокоилась и продолжила бормотать:

— Мэдди сказала, что Шотландец — это тот, кого она...

— Это было до того, как он швырнул ей деньги, как шляхе. — Она посмотрела на Итана, потом перевела взгляд на Беа: — Не обижайся.

Беа подмигнула Коррин, давая понять, что не приняла оскорбление на свой счет.

Так вот как Мэдлин восприняла деньги, которые он бросил на сиденье! Он-то их оставил только для оплаты экипажа.

— Мне хотелось бы заглядить свою вину перед ней, — сказал Итан. — И внести ясность в некоторое недопонимание.

Коррин оглядела его с головы до ног. Одним пронизательным взглядом она, вероятно, оценила его стоимость где-то фунтов в пятьсот. Как ни странно, его шрам не привлек ее особого внимания.

— Я просто хочу поговорить с ней, — сказал Итан, почувствовав, что она колеблется. — Если вы скажете, где она сейчас. Ведь она мне тоже понравилась, — добавил он для пущей убедительности.

— Видишь! — радостно крикнула Беа.

В конце концов, Коррин опустила метлу и отставила к стене.

— Если не собираешься сделать Мэдди предложение, то убирайся.

— За этим я и приехал.

Беа восторженно захлопала в ладоши, а Коррин облегченно вздохнула.

— В таком случае... Мэдди сказала, что попытается получить работу в таверне «Шелковая сумочка» на Монмартре.

Итан кивнул:

— Прекрасно. Я пойду туда прямо сейчас.

— Это вверх по улице, — радостно улыбаясь, прощebetала Беа. — Ищите ее в конце очереди претендентов на работу. — Потом вдруг у нее лицо вытянулось, и она повернулась к Коррин: — «Шелковая сумочка»? Ты уверена, Коррин? — Та кивнула, и Беа затараторила по-французски так быстро, что Итан не успевал разобрать о чем. Все, что он понял, было: «она сказала, что он сказал...», «потом ее кузен услышал...», «он сказал им...» и, наконец, «Берта».

Коррин побледнела.

— В чем дело? — потребовал пояснений Иган. — Что все это значит?

— Это значит, что тебе нужно поспешить. На Мэдди готовится нападение.

Как только Итан увидел Мэдлин у таверны, все вопросы насчет того, действительно ли она так сильно его влечет, отпали сами собой.

Он прислонился плечом к стене на ближайшем углу, чтобы удобнее было наблюдать за ней, пока она стояла в очереди. В лучах заходящего солнца Мэдлин предстала еще более умопомрачительной, чем ему казалось. Когда она была в маске, Итан мог видеть ее ярко-синие глаза, полные губы и твердый подбородок, но остальные тонкие черты лица были скрыты. Сейчас же заметил, что у нее тонкий и красиво очерченный нос, высокие, аристократические скулы.

«С ума сойти!»

И все же даже с кажущимися бесхитростными синими глазами она не выглядела невинной. Отнюдь. Ворот ее блузки был, широко распахнут, так что виднелась ложбинка меж грудей, хотя Итан не мог припомнить, чтобы она у нее была. На бледной шее повязана черная лента типа горжетки, часть полос уложена на макушке в виде короны, а остальные ниспадали волнистыми прядями на спину.

Щеки нарумянены, а юбки странно скроены: они не были, как обычно, стянуты на талии, но стягивали ее бедра и зад.

Мэдлин выглядела старше и чуть... распутной, как будто была готова отдаться, и Итана сразу бросило в жар, чему он уже не удивился.

Она метана быстрые взгляды на других женщин в очереди, как будто изучая ситуацию. И напоминала лису, хитрую и осторожную.

Когда хозяин таверны в переднике открыл заднюю дверь, все замерли в ожидании. Мужчина говорил по-французски — что-то насчет того, что на ночь возьмет еще двух девушек, а те, кого после этого заметят на территории заведения, будут арестованы.

Все гут же полезли вперед, чтобы занять более выгодные места в очереди. У Мэдлин не было шансов пробиться вперед, где стояли более крупные женщины, которые зло смотрели на нее, угрожающе скрестив руки на груди. Стоило ей полезть вперед, и на нее напали бы.

Явно понимая это, Мэдлин не стала искушать судьбу и отступила, стараясь, однако, оградить от опасности молоденькую девушку с сигаретным лотком.

Маленькая девчушка, казалось, вот-вот расплачется из-за того, что не втиснулась в очередь. Мэдлин украдкой потрепала ее по подбородку, затем подняла зажатую в пальцах золотую монету.

— Могу поспорить с любой из вас на сто франков, что одной из двух, кого наймут сегодня, буду я, — громко заявила она.

Они окружили Мэдлин и девчонку как стервятники, готовые наброситься на падаль. Итан оттолкнулся от стены и двинулся вперед, чтобы вмешаться. Мэдлин повернула голову, чтобы встретить чьи-то устремленные на нее взгляды, и отвела глаза от монеты. Вряд ли ей следовало делать это...

Самая мощная из них потянулась за монетой и ударила Мэдлин по руке. Монета взлетела вверх и запрыгала по кирпичам в трех метрах от них. Стервятницы бросились к монете, оттаскивая соперниц за волосы и нанося удары. Мэдлин проскользнула внутрь таверны, волоча за собой маленькую продавщицу сигарет с широко раскрытыми глазами.

Из общей женской свалки донесся разъяренный крик:

— Это фальшивая монета!

Другие вступили хором, обещая убить Шалунюю.

Итан, оставаясь в тени, заулыбался. Шалунюя — подходящее прозвище. В ней было что-то проказливое. Он поспешил к таверне, вдруг почувствовав необходимость увидеть, что она еще предпримет.

Прорвавшись, Мэдди и девчонка с сигаретным лотком, метко прозванная Сигареткой, вызвали всеобщее удивление. Мэдди помогла Сигаретке, потому что та ей напомнила ее саму в том же возрасте — такая же голодная, отчаявшаяся и страстно желавшая поворота в судьбе.

— Погодите. Это же Мэдди сегодня.

О, черт побери! Берта ухмылялась ей из-за стойки бара. Иногда Берта и Одетта подрабатывали в тавернах, но только для того, чтобы заполучить новых клиентов. Присутствие Берты не предвещало ничего хорошего.

Мэдди несколько лет не появлялась в «Шелковой сумочке», но никогда прежде ей не было так тревожно. Оставшаяся снаружи толпа женщин, наверное, будет поджидать ее на выходе, чтобы отплатить за обман. Мэдди оставалось только надеяться, что удастся расплатиться с ними монетами.

Интерьер таверны не изменился с тех пор, как она была здесь в последний раз. Все тот же вестибюль и два больших зала — основной, где подавали еду и напитки, и задний, с приглушенным светом, где доступные девушки типа Берты подавали напитки и договаривались о предоставлении услуг.

На стенах были развешаны газовые светильники с обрезанными наполовину и пожелтевшими плафонами от табачного дыма. На зеркальной стене за барной стойкой были вытравлены названия популярных элей и джинов.

Компания немолодых посетителей в подпитии распевала песни времен Французской революции, но, помимо нее и одиноких пьяниц, в таверне никого не было. Несколько секунд назад Мэдди слышала звон колокольчика над входной дверью, но была занята наблюдением за Бертой и не видела, кто вошел.

Естественно, попытка проникнуть в заполненную посетителями таверну заняла бы у нее больше времени. Поставив локоть на стойку бара, и подперев подбородок ладонью, Мэдди разглядывала себя в зеркале. Несмотря на нарумяненные щеки и мазки грима, чтобы скрыть синяки под глазами, она все равно выглядела усталой.

Внезапно нахмурившись, Мэдди поежилась и потерла ладонью шею. У нее появилось неприятное ощущение, что за ней наблюдают. Она оглядела основной зал в зеркало, но не заметила никого, кто бы следил за ней. Задний зал был затенен, но она заметила очертания мужской фигуры, хотя лица различить или даже определить, обращено ли оно в ее сторону, не могла. Ее разбирало любопытство, но она была не настолько глупа, чтобы идти туда.

Уверив себя, что это всего лишь расшатанные нервы, Мэдди отвернулась и снова подперла ладонью подбородок. «Один небольшой поворот в судьбе, — снова подумала она. — Всего одну крупицу счастья».

Случись в ее жизни поворот, она, не колеблясь, воспользовалась бы им, не то, что другие обитатели Марэ. Она должна верить, что придет тот день, когда она покинет это место. Они с Коррин и Беа часто мечтали, как уплывут куда-нибудь — может быть, даже в Америку. Мэдди открыла бы магазин готового платья, например в Бостоне, а Коррин шила бы одежду по ее эскизам. Когда они впервые пришли к этой идее, у Беа вытянулось лицо.

— А я что буду делать?

— Будешь работать моделью, конечно, — ответила Мэдди, а Коррин энергично закивала.

— Не может же магазин готового платья существовать без модели.

Синие глаза Беа засияли.

— Я так здорово выгляжу, когда замираю на месте. О, Мэдди, ты не поверишь, как долго я могу не двигаться.

Мэдди даже сейчас усмехнулась, вспомнив это.

Будто в ответ на молитвы Мэдди, в таверну вошла шеренгой большая компания английских туристов. Их перехватила Берта, но потом появилась группа богатых студентов Парижского университета. «Мои, все мои», — подумала Мэдди, с приветливой улыбкой устремляясь к ним. Вскоре помещение наполнила деловая публика, мелкобуржуазные предприниматели типа владельцев магазинов и местная богема. Последних она избегала, особенно тех, кто курил дешевые глиняные трубки и носил пальто с потертыми локтями.

Ей перепали небольшие чаевые; в итоге она заработала больше, чем когда-либо, и ухитрилась съесть два лимона и, по крайней мере, полдюжины вишен, украденных со стойки бара. Когда она попыталась довести число вишен до дюжины, хозяин таверны заметил и больно ударил тонкой тростью по пальцам.

Прикусив щеку, Мэдди затрясла рукой и снова почувствовала, что за ней наблюдают.

К счастью, она все еще могла держать поднос и на протяжении следующих более чем двух часов разнесла бесчисленное множество больших кружек эля, бокалов пунша и матовых бутылок абсента. Берта толкала ее каждый раз, когда они встречались у стойки, но Мэдди ухитрялась удерживать тяжелый поднос. Она сохраняла подвижность, несмотря на то, что ее сапожки были на два размера меньше, чем следовало бы.

И все же при каждом повороте она ощущала тревожное покалывание в области шеи.

Когда Сигаретка распродала свой товар, Мэдди, ощутив прилив щедрости из-за удачного заработка, дала ей пятнадцать су, чтобы та могла откупиться от стервятниц на улице. Ловко забросив лоток за спину, девчонка бросилась ей на шею, крепко обняла и убежала, размахивая косичками.

Как только Мэдди повернулась, один из подвыпивших студентов схватил ее за талию и рывком усадил к себе на колени. Она мрачно рассматривала закопченный потолок, пока он сравнивал ее с Ледой, земной женой Зевса, разными нимфами и строил эфемерные планы на их совместное будущее. Его разглагольствования надоели Мэдди, и она как бы случайно опрокинула выпивку прямо ему на брюки. Она поклялась, что тут же принесет новую порцию, записав ее, естественно, на его же счет.

Сидевшие за другим столом четверо мужчин средних лет были более прямолинейны в предложениях. Они жестами подозвали ее и стали спрашивать, сколько она хочет за то, чтобы переспать с ними со всеми. Сто франков? Она выдавила улыбку и едва удержалась от резкого ответа. Когда мужчина поднял цену до четырехсот франков, что составило бы ее годовой заработок при очень удачном стечении обстоятельств, она все равно решительно покачала головой. Чтобы смягчить свой отказ, она направила их в задний зал к одной из более покладистых девиц, попросив их напомнить девушке, чтобы та потом отблагодарила ее.

К удивлению Мэдди, мужчины не изменили доброго отношения к ней и даже заказали чашу пунша. Это был один из самых дорогих заказов в «Шелковой сумочке». Она поспешила

получить его.

Вернувшись к столу, она сразу принялась разливать содержимое объемистой чаши, усмехаясь своему везению...

Итану было интересно узнать, как обычно проводит ночи Мэдлин; он хотел понять ее сегодняшнее положение — в частности, найти ответ на вопрос, почему ей приходится выполнять такую тяжелую работу, вместо того чтобы есть шоколадки, лежа на диване в Сен-Роке. С каждой минутой он чувствовал все большую обеспокоенность.

Хотя это была очередная таверна, и он пришел сюда для наблюдения, в чем, собственно, и заключалась его работа по ночам, ему приходилось делать усилие над собой, чтобы сохранять беспристрастность. Итан вынужден был признать, что увлекся наблюдением за поведением Мэдлин: ловкостью, с которой она ускользала от лапающих рук, щедростью, проявленной в отношении молоденькой девчонки с сигаретами, тем, как она смешила мужчин своими озорными шутками.

Итан безошибочно определял моменты, когда к ней обращались с непристойными предложениями, — она подавляла в себе высокомерное презрение и зло огрызалась. Он насчитал не менее дюжины таких предложений, то есть ему хотелось убить не менее дюжины ее поклонников.

Если Итану хотелось считать себя объективным наблюдателем, то почему он решил впоследствии вернуться и наказать хозяина таверны за то, что ударил Мэдлин тростью? А когда парень посадил ее к себе на колени, почему Итан был близок к тому, чтобы повозить парня лицом по полу?

Наблюдая в течение вечера за Мэдлин, Итан понял многое и нехотя признал, что ему понравилось все, что он видел.

Даже сейчас девчонка работала, не проявляя усталости, и с гордостью кружила вокруг стола с чашей пунша в руках...

Вдруг Итан увидел, как какая-то девушка незаметно подставила Мэдлин подножку и та грохнулась на пол, выпустив из рук хрустальную чашу.

В таверне наступила тишина, лишь несколько мужчин захихикали. Итану хотелось избить каждого гнусного насмешника.

Мэдлин пыталась встать, но ноги скользили по залитому пуншем полу. Она уперлась кулачками в пол с выражением изможденности и решимости на лице. В тот момент, когда Итан встал, чтобы помочь, ей удалось подняться. Отряхивая юбку, она сглотнула и прикрыла глаза, будто молилась, чтобы хрустальная чаша не оказалась разбитой. Когда она снова открыла глаза, в них застыл шок.

Хозяин таверны прорычал какие-то галльские ругательства и, раскрыв ладонь, принялся тыкать в нее указательным пальцем другой руки. Она направилась к бару, задрав вверх подбородок и шаря в кармане юбки. Выудив монеты из кармана, она неохотно, цепляясь за каждую, заплатила хозяину. Выудив у нее все, что она заработала, содержатель таверны указал ей на дверь. Клиенты неодобрительно зашикали, но хозяин остался непоколебим.

Гордо расправив плечи, Мэдлин устало направилась к двери. Она знала, что стоявшие ранее в очереди женщины будут поджидать ее. Итан сразу последовал за ней. В вестибюль входила громкоголосая компания, и в суতোлке на выходе Мэдлин незаметно стащила стоявший на подставке зонт.

Итан выскользнул вслед за ней и молча сошел по запруженным толпой ступеням. Как и следовало ожидать, внизу Мэдлин поджидали враждебно настроенные женщины.

Постукивая зонтом по ладони, она с напускной бравадой спросила:

— Кто хочет быть первой?

Итан со свирепым лицом стоял непосредственно за Мэдлин.

Стоявшая впереди женщина, выпучив глаза, попятилась назад. За ней последовали другие, и в результате все разошлись.

— Так-то лучше! — прокричала им вдогонку Мэдлин. — Запомните мое имя!

Вдруг она замерла. Потом, преодолев нерешительность, медленно повернулась к нему.

У Итана гулко забилось сердце. После многонедельного ожидания он, наконец, встретился с ней лицом к лицу. Он отер рукавом пот со лба.

«Она нуждается во мне больше, чем я в ней», — напомнил он себе и спросил:

— Твои друзья?

Повернувшись, Мэдди не вскрикнула, не испугалась, только перехватила зонт двумя руками, крепко сжимая его, как крикетную битку.

Она ахнула, узнав его.

— Шотландец! — Это не мог быть он, и все-таки эти глаза, этот акцент и впечатляющий рост указывали на обратное. Она вглядывалась в его лицо, потрясенная тем, что человек, которого она считала образцом красоты, так обезображен шрамом.

Он стоял неподвижно, будто в ожидании ее неблагоприятной реакции. Ей казалось, что он даже не дышал, пока она рассматривала неровную отметину на его лице.

— Что ж, теперь я вижу, почему ты не хотел снимать свою маску. — Мэдлин склонила голову набок. — Тебе нужно было скрыть рассекающий лицо двадцати пяти сантиметровой шрам.

Его лицо посуровело.

— Мой ангел, только одна часть моего тела имеет такую длину, и если ты покопаешься в своей памяти, то вспомнишь, какая именно.

— У шрама именно такой размер. — Мэдлин натянуто улыбнулась. — Что же касается другой части тела, то я даже не помню ее. — Будто она могла забыть ту жгучую боль. — Как долго ты шпионишь за мной?

— Я не шпионил. Просто хотел быть уверенным, что ты не попадешь в засаду, устроенную кровожадными француженками. Сейчас, думаю, пришло время назваться. Я Итан Маккаррик, и...

— Почему? — Мэдлин отбросила зонт и, спрыгнув со ступеней, зашагала по улице.

Недовольно насупившись, он догнал ее:

— Почему что?

— Почему ты решил, что пришло время назвать свое имя? Почему ты решил, что это волнует меня? Меня это не волнует, так что спокойной ночи. — Мэдди не предполагала, что этот день окажется столь неудачным. Она ускорила шаг, чтобы попасть домой прежде, чем случится еще что-нибудь. Она скинет измучившую ее тесную обувь; заползет под одеяло, и будет отлеживаться несколько дней. И напрочь забудет о встрече с Шотландцем.

— Ты не хочешь даже узнать, почему я здесь?

Ее, как всегда, разбирало любопытство: «Как он нашел меня? Что ему известно обо мне?» — но после жестокости, которую он проявил по отношению к ней в прошлый раз, и после всего, что произошло сегодня...

Мэдди не могла думать ни о чем, кроме как о потерянных из-за разбитой чаши с пуншем деньгах, а также о том, как болели у нее ноги, и как сильно ей хотелось поскорее забыться во сне.

— Нет. — Мэдди приостановилась. — Если только ты не приехал, чтобы вернуть мою девственность, которую я, к сожалению, потеряла в экипаже в Лондоне. — Она вопросительно посмотрела на него. — Не захватил с собой? Нет? Тогда... прощай. — Насладившись выражением его лица, она быстрым шагом продолжила путь. Бесподобно. Этот ублюдок вообразил, что осчастливит ее своим появлением.

— Торопись домой? — спросил он, нагоняя ее. — Поприветствуй головорезов, поджидающих тебя у входа. — Мэдди замедлила шаг. — Сколько ты задолжала?

— Какое тебе дело до всего этого? — бросила она через плечо.

Итан снова догнал ее и зашагал рядом.

— Дело в том, что я мог бы предложить помощь.

— А зачем тебе это? В твоём черном сердце проснулась доброта?

— Нет. Признаюсь, мне кое-что нужно от тебя. Если ты только выслушаешь мое предложение...

— Маккаррик... так тебя зовут? — Он кивнул. — Думаю, я знаю, что у тебя за предложение, и меня это решительно не интересует!

— Может, так, а может, нет. Отужинай со мной, и мы обсудим это.

— Я не настолько глупа. Ты хочешь снова переспать со мной. Этому не бывать. Тебе не удалось бы убедить меня даже до того, как я увидела твое лицо. Понятно? Я не хочу тратить время на пустые разговоры. Ты ничего не можешь предложить такого, что повлияло бы на мое решение.

Она почти услышала, как он заскрежетал зубами.

— По-моему, ты нуждаешься во многом из того, что я мог бы тебе предложить.

— И что же это такое?

— Приближается зима, а ты живешь в сырой, насквозь продуваемой лачуге.

Мэдди едва не споткнулась.

— Ты был в моей квартире?

— Да. Беа впустила меня. Мы немного поболтали.

— Так это она сказала тебе, где меня можно найти? Почему она это сделала? Ты угрожал ей? Ты вел себя с ней жестоко из-за того, что она... потому что она доступная?

— Нет, она помогла мне, потому что, как она сказала, я понравился тебе, — ответил Итан.

«Беа рассказала об этом? До чего неловко!» Мэдди была похожа на глупо улыбающуюся девчонку на своем первом балу.

— Коррин сказала, что я могу найти тебя в этой таверне. «И Коррин?»

— Не могу себе представить, что побудило их помочь тебе, — ведь я им говорила, что ты осел.

— Коррин просила, чтобы я уберег тебя от женщины по имени Берта.

Мэдди искоса посмотрела на него:

— Прежде всего, как ты нашел мою квартиру?

— Куин Уэйленд дал мне адрес в Сен-Роке, и твой след оттуда привел меня в Марэ.

— Ты дружишь с Куином?

— Я друг семьи Уэйленд. Даже в некотором роде родственник. Мой брат недавно женился на Джейн Уэйленд.

— Это странно. Ведь, как я слышала, предполагалось, что Джейн выходит замуж за какого-то богатого английского графа.

— Поверь мне, я тоже не одобряю этот брак.

— Значит, в тот вечер на маскараде ты знал, кто я такая?

— Нет, Уэйленды сказали только, что ты их знакомая. Послушай, Мэдлин, вижу, как ты похудела, и знаю, что в твоей мансарде из еды только яблоко, а у подъезда тебя поджидают два головореза.

Она не могла не согласиться со всем этим.

— Все, что я прошу, это отужинать со мной и выслушать меня. — Мэдди продолжала

отрицательно мотать головой. — Неужели нужно еще думать над выбором между горячей едой со мной и встречей с теми людьми? — рявкнул Итан.

Если люди Тумара поджидали ее, ей придется снова бродить по улицам. И тем не менее...

— Да, Маккаррик, я думаю над выбором, — сказала она. — Ты был ненавистен мне в ту ночь. Мне помогло все преодолеть лишь осознание того, что я никогда больше не увижу тебя. «Решу, что с тобой делать», — сказал ты. Это так унижительно. Я ничего не хочу от тебя; не хотела тогда, не хочу и сейчас. Я сама о себе забочусь с четырнадцати лет. — Она была почти дома, а там постель, забытье.

— Да, и работа у тебя достойная. Обеспечивает нищету, голод, долги. Если это то, к чему ты стремилась вернуться, то лучше бы оставалась у Куина до моего возвращения. — Итан махнул рукой в сторону улицы.

Бездомные сгучились вокруг глиняных горшков с огнем, отбрасывая длинные тени на стены домов. Откуда-то донеслись выстрелы. Где-то в темноте шла драка.

— Куин сказал мне, что ты умная и практичная. Наверное, у тебя должно хватить ума, хотя бы выслушать меня.

— Куин говорил с тобой обо мне? — спросила Мэдди, замедляя шаг.

— Да, и он знает, что я поехал в Париж, чтобы повидать тебя. Ему неприятно было бы узнать, что ты живешь в подобном месте.

Она умерла бы, если бы Куин узнал. Мэдди скрестила пальцы. Но позволит ли ей гордость пойти с Шотландцем? И этот момент она опасалась, что гордость намного скорее, чем любопытство, приведет ее к окончательному падению. Наконец она остановилась.

— Я не хочу, чтобы он узнал.

— Тогда пошли, — сказал он жестко. Должно быть, обычно такой тон заставлял людей суетливо выполнять его распоряжения. А сейчас он выглядел сбитым с толку, стоило ей лишь повести бровью, глядя на него. — Пойдем со мной, я сниму тебе комнату в моей гостинице, и ты получишь удовольствие от хорошей горячей еды.

— Теперь в твою гостиницу? Что я, дура, что ли? Между прочим, я думала, что ты предпочитаешь сношаться в транспортных средствах, на ходу.

Итан издал звук, который, наверное, должен был выражать разочарование, и сунул руку в карман. Оттуда он достал маленькую коробочку, в какой обычно продают драгоценности, и протянул ей:

— Поужинай со мной, выслушай мое предложение, и я отдам тебе это без всяких условий.

Мэдди, стремительно выбросив вперед руку, выхватила у него коробочку. Он и глазом моргнуть не успел. Она отвернулась от него и открыла коробочку. Кольцо с бриллиантом!

— Не возражаешь, если я получше рассмотрю его? — спросила Мэдди через плечо.

Итан махнул рукой:

— Смотри.

Ей нужен был свет. Естественно, один на весь район фонарь был сорван и продан утильщику. Но она ощущала вес камня и знала, что он не мог быть фальшивым. Бриллиант настоящий. Это поможет ей расплатиться с Тумаром и продержаться несколько лет.

— Это будет стоить мне всего один ужин?

— Да, ты сможешь оставить себе кольцо независимо от решения, которое примешь.

— Можешь поклясться, что не будешь непристойно вести себя?

— Непристойно? Да, могу поклясться в этом.

Она заметила, что кольцо будет велико для ее тонких пальцев, поэтому достала из кармана юбки ленту, на которой носила ключ от квартиры, продела ее в кольцо и сунула ленту обратно в глубокий карман.

Когда Мэдди снова повернулась к нему лицом, он, похоже, едва сдерживал самодовольную улыбку, явно решив, что она согласилась.

— Очевидно, ты всегда получаешь что хочешь, — сказала она. — Наверное, ты заслуживаешь того, чтобы девушка из трущобы отказала тебе.

Это заявление, казалось, переполнило чашу его терпения. Он шагнул вперед с таким видом, будто намеревался взвалить ее на плечо.

— Ах-ах! — Она помахала пальцем перед его носом. — На твоём месте я не стала бы это делать. В моем районе ты не поймаешь меня.

Итан снова заскрежетал зубами, затем просветлел лицом, будто его осенила какая-то идея.

Он достал из кармана сюртука яблоко, то самое драгоценное яблоко, похищенное из ее комнаты.

— Нет! — закричала Мэдди, глядя, как он надкусывает яблоко.

— Стало быть, как я понимаю, мы договорились насчет ужина, — сказал Итан, с хрустом поедая яблоко.

Когда Итан бросил огрызок, ему показалось, что Мэдлин сейчас заплачет, и он почему-то чувствовал себя почти виноватым. Он даже смягчил тон:

— Пойдем со мной, Мэдлин. Обещаю, твое яблоко будет достойно возмещено.

Даже сейчас, в такой одежде, она не вписывалась в окружавшую ее в Марэ обстановку. Мэдди устала, но ее волосы сверкали в отблесках уличных огней, глаза были ясными, а не потухшими, как у других обитателей этого района. Она казалась особенно хрупкой и, тем не менее, не реагировала на часто доносившиеся со всех сторон громкие выстрелы.

— Я все же должна зайти домой, чтобы предупредить подруг, — сказала она. — Они будут волноваться.

— Значит, ты собираешься проделать опасный путь, чтобы сообщить подругам, что ты в порядке?

— Это неопасно, — отмахнулась Мэдди.

Мысль о том, что она ходит здесь по ночам, была невыносима.

— Ты что, не слышишь выстрелы?

Она посмотрела на него как на ненормального:

— Они ведь не в меня целятся. Если ты боишься, подожди, пока я вернусь.

«Маленькая ведьма».

— Я не боюсь.

— Тогда оставайся здесь. А я не стану заставлять их волноваться.

В другое время Итан, возможно, оценил бы ее привязанность к подругам и заботу о них. Сейчас же это только раздражало его.

— Если думаешь, что я позволю тебе пойти туда одной, то ты просто сошла с ума.

Мэдди подбоченилась.

— И каким же образом?

Итан схватил ее за локоть и потащил назад, вверх по улице.

— Маккаррик, я здесь живу. Мне нужно-то всего пять минут. — Она выругалась по-французски. — Ты не можешь приказывать мне, Шотландец. — Твердые носки ее маленьких сапог врезались в его голени.

— Черт возьми, Мэдлин, мы пошлем им из гостиницы записку.

— Никто не понесет записку в Марэ после захода солнца!

— Понесет, если я прилично заплачу. — Он хотел, было взвалить ее на плечо, но побоялся, что разойдутся швы. Она продолжала отбиваться. — Мы и еды им пошлем. Это тебя устроит?

Мэдди перестала колотить его.

— Сколько еды?

— Мне все равно. Сколько хочешь.

У нее появился радостный блеск в глазах.

— Я устрою тебя...

Позади, в непосредственной близости от них, раздался женский крик. Итан резко повернулся, загородив Мэдлин. В темном переулке прижатая к стене проститутка рассматривала свои ногти и издавала притворные стоны, в то время как мужчина обрабатывал ее сзади. Еще один мужчина стоял рядом в ожидании своей очереди. Когда

Итан повернулся к Мэдлин, та лишь пожала плечами при виде совокуплявшихся в нескольких метрах от них людей с тем же равнодушием, которое демонстрировала в тот вечер, когда он впервые встретил ее.

Он не мог себе представить все то, что приходилось наблюдать этой девушке. «Проклятые швы».

— Я не хочу, чтобы ты жила здесь, — заявил он, но здесь навстречу им из тени вышел мужчина и обратился к ним на странном языке. «Арго, — подумал Итан, — французский жаргон уголовников». Мужчина повел бровями в сторону Мэдлин.

Она горько засмеялась и пробормотала:

— Он хочет знать, закончил ли ты со мной.

У Итана помутнело в глазах. Он смутно слышал ее резкий ответ на том же арго. Этот ублюдок подумал, что Мэдлин — шлюха, и хотел попользоваться ею в вонючем переулке...

Дернув за руку, Итан подтянул ее себе за спину и вытащил пистолет. Мужчина достал свой пистолет. Слишком поздно. Итан уже взвел курок и держал его на мушке.

Мэдлин выглянула из-за его спины, потом тронула его за плечо.

— Не надо, Маккаррик. — В ее голосе послышались непререкаемые нотки. — Хватит! Пойдем, сейчас я готова идти с тобой.

— Почему бы мне, не убить его?

— Потому что его банда придет за мной и моими подругами. Ты ведь не хотел, чтобы я находилась здесь, и сейчас я готова пойти с тобой. Пожалуйста, Шотландец...

Наконец они отступили, при этом Итан держал на мушке мужчину, пока они не свернули за угол. Тогда он убрал пистолет и поморщился от боли. Рана начала пульсировать.

— Ты всегда носишь с собой оружие? — Он отрывисто кивнул. — Зачем?

«Для того чтобы убить уголовного, когда он принимает мою женщину за шлюху». Он потряс головой, чтобы отделаться от нахлынувшего желания защищать ее. Его женщина? Она была только средством для достижения цели.

— Я не понимаю, почему ты испугался выстрелов, когда у тебя есть пистолет и ты явно умеешь им пользоваться. В любом случае я не допустила бы, чтобы с тобой что-то случилось, — нахмурившись, сказала Мэдлин. — Ну, наверное, не допустила бы. Разве что помешало бы что-то мне вмешаться или у меня появился бы...

— Я не испугался, — раздраженно проскрипел Итан. «Подозреваю, что придушу ее, прежде чем все это закончится». — Просто иди.

Когда они пришли в гостиницу, ресторан внизу был еще открыт, но Итан не хотел вести ее туда. Он не обращал внимания на то, что люди таращились на его лицо, но не хотел, чтобы она при этом изучала его реакцию.

— Мы поужинаем в моем номере, — сказал он, сжав ее ладонь и направляясь к лестнице.

Вместо того чтобы оказать отчаянное сопротивление, она взглянула на его шрам:

— Это сильно мешает тебе, да?

— А если бы у тебя было такое? — прищурившись, ответил он на вопрос вопросом же.

Она только пожала плечами, и они молча поднялись на этаж. Оказавшись в номере, она свистнула и крутанулась на каблуке.

— Дорогой, однако. Лучшее или ничего, да?

Итан позвонил, вызывая кельнера.

— Почему нет? — ответил он, осторожно освобождаясь от сюртука.

Как только Мэдлин вернулась в комнату с балкона, откуда неплохо смотрелись окрестности, появился официант в ливрее с одним экземпляром меню. Он предложил его Итану, но тот показал на Мэдлин.

Сидя за полированным обеденным столом, она приняла меню с царственным наклоном головы.

— Ты говоришь по-французски? — спросила она Итана, просматривая предлагаемые блюда.

— Ни слова, — солгал он. — Только по-гэльски и по-английски.

— Омара, — тут же сказала она по-французски официанту, глянув исподтишка на Итана. Тот ответил невозмутимым взглядом. Мэдлин пополнила заказ, остановив выбор на шести порциях омара, добавив супы, сыры, паштеты, фрукты и салаты.

— И если вы упакуете половину заказа и направите привратника, чтобы он отнес это по адресу в Марэ, мой... муж добавит сорок процентов стоимости в знак признательности.

— Марэ? — заикаясь, переспросил официант: Мэдлин вздохнула.

— Семьдесят процентов.

Пока Мэдлин писала адрес на бланке заказа, Итан сказал официанту:

— Принеси шампанское, пока мы ждем. — Потом повернулся к Мэдлин: — Не стесняйся в выборе вина, девочка.

Она заказала по-французски:

— Самое дорогое, что у вас есть.

Официант удалился с поклоном. Вскоре он вернулся с шампанским, наполнил фужеры и снова ушел, после чего Мэдлин с видимым удовольствием выпила и приступила к исследованию комнаты.

В свою очередь, Итан, устроившись в плюсовом кресле, с удовольствием наблюдал, как она выдвигает ящики комода, осматривает шкаф и даже копается в его сумке. Она снова напомнила ему лису, подозрительную и проницательную.

Мэдлин ощупала все ткани в комнате, ласково провела пальцами по стеганому покрывалу и даже по его брюкам в шкафу, похоже, не совсем сознавая, что делает. Итан, тем не менее, вполне сознавал и даже хотел, чтобы она подольше трогала его брюки, будто они были на нем. Она, можно сказать, играючи завела его сексуально так, что он жутко возбуждился.

Когда она неторопливо зашла в ванную, он наклонился вперед, чтобы не упустить ее из виду. Она осмотрела глубокую ванну, размеры которой позволяли плавать в ней.

— Вода поступает без ограничений? — спросила она, пожирая ванну глазами.

— Да. Можешь попользоваться.

Ему показалось, что она пробормотала что-то типа:

— Ты имеешь в виду, что позволяешь мне воспользоваться ею?

Когда через некоторое время принесли еду, она уже была явно подшофе, что было неудивительно при ее худобе. На столе внушительного размера все заказанные блюда не помещались, поэтому она заставила служащего расставить тарелки на покрывавшем пол толстом бельгийском ковре, устроив нечто вроде пикника.

Как только служащий покинул комнату, Мэдлин уселась на пол в окружении разнообразных блюд. Итан пожал плечами и, не забывая о ране, тоже осторожно опустился на пол.

— Непринужденно, как всегда, — заметила она.

— Что это должно означать? — спросил он, протянув руку к блюду с омаром, но она перехватила вилку, зажав ее в руке как кинжал.

Он показал, что сдается, подняв вверх ладони.

— Тебе это явно нужнее, чем мне.

Она, похоже, не могла решить, что это было — издевка или подтверждение факта. Впрочем, он и сам этого не знал.

— Скажи, что ты имела в виду? — спросил Итан.

— Ты вел себя так буднично со мной той ночью в экипаже.

— Да, такое случается, когда двое вступают в связь. Это разозлило Мэдлин.

— Нет, ты вел себя так, будто мы прожили несколько лет вместе, будто это была одна из многих проведенных совместно ночей.

«Иногда возникало такое ощущение».

— Вот. Я позволю тебе съесть это, — сказала она, торжественно передавая ему гарнир. Потом нацепила на вилку первый кусок и, отправив его в рот, закатила глаза от удовольствия.

Итан думал, что она набросится с жадностью на еду, но она смаковала каждый кусочек, будто тот был последним. Ела она с чувственным, осязаемым наслаждением, и это возбуждало. Когда принялась за сочную клубнику и взбитые сливки, он тронул рукой свои губы. Когда слизывала сливки с пальцев, Итан беспокойно заерзал на месте. Любой мужчина мог истолковать ее действия двояко. Наконец он почувствовал, что с него достаточно.

— Хватит, — сказал он, вставая. — Тебе будет плохо. — Он взял ее за руку, чтобы помочь подняться на ноги.

Она безотчетно подчинилась.

— Но я съела не больше, чем обычный ужин.

— Что, тем не менее, намного больше того количества пищи, к которому ты привыкла в последнее время.

Он повел ее к пустому столу, чтобы усадить на стул, а она все ворчала и оглядывалась на оставленную, на полу еду. Он снова ощутил стеснение в груди, как тогда, когда она едва не расплакалась из-за яблока.

— Девочка, там, где мы это заказали, еще полно омаров. Не нужно вести себя так, будто это последняя еда в твоей жизни.

Она невесело хохотнула:

— Сказал, как человек, который никогда не оставался без еды.

Шотландец и бровью не повел, когда поднос за подносом заносили еду — фрукты, паштеты, омара, салаты и десерт трех видов. Разглядывая заказанные вкусные блюда, Мэдди вынуждена была признать: он был прав, говоря, что яблоко будет достойно возмещено.

Хотя у нее и возникли определенные опасения при его заявлении, что ужинать они будут в номере, и возникло желание убежать, довольствуясь полученным кольцом, Мэдди пришла к заключению, что он не хочет идти в ресторан из-за своего лица, что было вполне объяснимо. Ей все не верилось, что он скрывал от нее свое истинное лицо в ту первую их встречу, причем делал это намеренно, даже когда овладел ею.

Он принес фужер с шампанским и поставил на стол перед ней. Она уже была немного навеселе, но он ничего не пил. Мэдди успела заметить, что он оберегал один бок, а сейчас настороженно сидел на кровати, будто в ожидании болезненных ощущений.

— Ты говорила, что с четырнадцати лет живешь одна, — напомнил он. — Любопытно было бы узнать, как ты оплачиваешь жилье и пропитание.

— Намекаешь на мою неудавшуюся попытку заработать сегодня? — Она потеряла больше, чем заработала, пока Шотландец не одарил ее бриллиантом. К сожалению, нелегко быстро продать кольцо за его реальную цену. А ей срочно нужны деньги. Но она уже успела выкрасть золотые часы из его сумки и кое-какие серебряные столовые приборы из сервировки ужина.

Шотландец проявил мудрость и ничего не сказал в ответ на ее замечание. Ей не хотелось отвечать на его вопросы, но, видимо, все равно придется сделать это, если она хочет еще поесть или прикарманить больше серебра.

— Иногда я сдаю карты и продаю сигареты в кафе близ Монмартра. — Мэдди выпила, и ее передернуло. — Если не это, то играю «в скорлупки» на ярмарках или на тотализаторе.

— Я видел книгу у твоей кровати. Только не говори, что считаешь себя богемной натурой.

— Совсем нет. Книга новая и выставлена в соседнем квартале. Мне просто удалось получить ее задаром. Я не испытываю к ним симпатии, даже к тем, кто беднее меня. Знаешь, какой тяжелой работой пришлось бы тебе заниматься, чтобы стать беднее меня? — прошептала она рассеянно и встряхнула головой. — Многие из них сознательно покидают богатые семьи и живут впроголодь в Марэ.

— Куин говорил мне, что твоя мать и отчим живут в Сен-Роке. Разве ты сделала не то же самое, покинув их?

— Причина, по которой я покинула Сен-Рок, не имеет ничего общего с претенциозностью. И я не хочу обсуждать это.

— Что это за женщина, позволяющая дочери жить в трущобе?

Мэдди поставила фужер и, встав из-за стола, повернулась к двери.

Шотландец схватил ее за запястье. Движение было очень быстрым для такого крупного мужчины.

— погоди, — просипел он сквозь зубы, словно преодолевая боль.

Она раздраженно посмотрела на его руку.

— Я сказала, что не хочу обсуждать эту тему.

— Я больше не зайнусь об этом. — Он отпустил ее руку, и она, усевшись, снова

принялась за шампанское. — Но меня удивляет, что ты готова уйти, даже не узнав, почему я приехал сюда.

— Как же, твое «предложение»: Уверена, что знаю, в чем оно заключается. Ты уже предлагал мне нечто подобное той ночью.

— Да, я тогда думал сделать тебя своей любовницей. И если бы тебя это устраивало, ты могла бы дожидаться в Лондоне моего возвращения.

— Я не хотела быть твоей любовницей. Это означало бы, что нужно было бы снова проходить, через то, что произошло в ту ночь. — Мэдди перевернуло, — Думаю, я скорее умерла бы. Если мне и придется снова пережить подобное, то только в браке.

— Тогда придется жениться на тебе.

Она посмотрела на него с откровенной неприязнью:

— У меня был ужасный день, Маккаррик. И мне совершенно не хочется сидеть здесь и слушать всякую ахинею.

— Что, если я скажу, что приехал сюда специально за тобой? Забрать тебя в Шотландию и обвенчаться там?

— Я не расположена к шуткам. — Мэдди с нарастающим страхом вглядывалась в его бесстрастное лицо. — О Господи, ты... серьезно? Ты решил, что замужество — это именно то, что мне нужно? Я упомянула о браке только потому, что была уверена, что ты снова грубо откажешься! — воскликнула Мэдди. В ее голосе звучали панически нотки.

В ответ он сердито посмотрел на нее и, похоже, не зная, что сказать, потер шею.

— Ты наверняка думал, что я с радостью приму твое предложение? — недоверчиво спросила она. Какая самонадеянность! — Посмотрел на мою лачугу и решил, что я буду визжать от восторга и посчитаю тебя своим спасителем. Мне упасть на колени?

— Думаю, не стоит, иначе будет слышен звон серебра, что ты сунула в карман юбки.

Мэдди выгнула бровь. Она редко попадалась, а сегодня была особенно осторожной.

— Не знаю, о чем ты.

Следует отдать ему должное: он не стал уличать ее во лжи, а снова заговорил о своем предложении:

— На твоем месте было бы разумным довольствоваться любым предложением о замужестве.

— Ты говорил, что ничто не подвигнет тебя жениться, — сказала она, имитируя печальный тон. — О, если бы я только прислушалась! Тогда я ни за что не пыталась бы тут же соблазнить тебя.

— Многое изменилось. Я недавно был ранен, и это заставило меня задуматься о моей жизни. Я обладаю титулом, мне нужен наследник.

— Какой у тебя титул?

— Я шотландский граф, граф Кавана.

— Собираешься сделать меня графиней? — Мэдди округлила глаза. — Как необычно! Никогда не слышала ничего подобного на Монмартре.

— Это действительно так.

— А почему ты выбрал меня?

— Ни одна из кандидаток меня не привлекала, и тогда я подумал о тебе. После того как навел справки и узнал кое-что о тебе, я решил, что мы подойдем друг другу. Говорят, что ты уравновешенная, практичная, к тому же умная.

— Ты мог бы найти себе более выгодную партию.

— Ты недооцениваешь свое обаяние.

— Это не так. Я знаю, что красива и умна, но у меня нет связей и никакого приданого.

Если ты еще не понял, я живу в глубокой нищете.

— Мне не нужны связи, а денег мне не истратить за всю жизнь. Я могу позволить себе выбрать невесту только в соответствии с ее красотой и умом.

Мэдди снова изогнула бровь.

— Почему ты решил, что я соглашусь?

— На маскараде ты сказала, что хотела бы выйти за богатого. У меня есть деньги. Ты сказала, что хотела дорогое кольцо, и я дал тебе кольцо ценой с небольшое состояние. Ты станешь графиней, и у тебя будет больше домов и богатства, чем ты мечтала.

Дома и богатство? Графиня? Искренен ли этот странный Шотландец? Разве она не просила у Господа перемены в судьбе? Хотя бы передышку в бесконечной череде сердечных уколов?

А этот Маккаррик вдруг появляется у ее дверей с предложением?

Нет! Дары так не падают с небес! Не ей. Что-то здесь не так.

— Тебе всего лишь нужно уехать со мной из Парижа в Шотландию.

— Почему бы, не жениться здесь? Ты ведь такой романтик, а это Париж... город-светоч, — добавила она сухо.

— Потому что я как глава клана должен обвенчаться в поместье Маккаррик и сыграть грандиозную свадьбу, на которой будет веселиться весь клан. И женитьба в Шотландии в присутствии свидетелей из моего графства поможет моим детям без помех вступить в наследство. Никто не осмелится претендовать на него.

Этим он не убедил ее и добавил:

— Деньги, защита, легкая жизнь — все это на расстоянии вытянутой руки от тебя. Выйти замуж за меня — неужели это такое отталкивающее предложение? — Он непроизвольно прикрыл ладонью шрам.

— Да, и прежде чем ты подумаешь, что это из-за твоего лица, — он опустил руку, похоже, удивившись, что касался шрама, — прошу тебя вернуться назад, к той ночи. Ты разрушил то, что могло быть, должно было быть, чудом. Я думала, что знаю, что такое жестокость, но ты преподал мне еще один урок.

— Это было не так уж плохо...

— Да, я слышала, что некоторым женщинам нравится, когда сексуально озабоченные шотландские горцы лапают их, срывают с них одежду, а потом причиняют невыносимую боль. Я почему-то никогда не разделяла их мнение. — Мэдди поежилась. — Готова поспорить, что тебе не дает покоя осознание того, что я нахожу тебя отвратительным любовником.

Он наградил ее тяжелым взглядом.

— Если бы можно было вернуться назад, я сделал бы все по-другому.

— Следует ли это принимать за извинение?

— Я не верю в извинения. Взамен я предлагаю тебе будущее, что гораздо ценнее.

— В ту ночь ты продолжал, хотя уже причинил мне боль.

— Я не знал...

— Хочешь сказать, что такой опытный человек, как ты, не видит, когда женщине больно и она готова разрыдаться?

Ей показалось или он действительно содрогнулся?

— На тебе была маска. Я не мог видеть твои слезы. Я прекратил, как только понял...

— Верно. А потом закончил то, с чего начал: добавил унижения.

— Я не хотел унижить тебя. Это произошло... непроизвольно.

Мэдди нахмурилась.

— Непроизвольно?.. — Она замолчала, почувствовав, что краснеет, представив себе его, охваченного страстью. — О, что ж, остается тот факт, что ты не сразу остановился даже тогда, когда все осознал.

— Но я остановился. И ты когда-нибудь поймешь, как это было нелегко, черт возьми. — Он отвел рассеянный взгляд в сторону. — Тебе это трудно представить, потому что ты ощущала боль, но мне больно не было. — Шотландец насупил брови, будто восстанавливая в памяти их занятие любовью в экипаже. — Такого удовольствия, как с тобой, я не испытывал несколько лет.

— Тогда почему ты остановился?

— Я не хотел причинять тебе боль. — Он повернул голову и снова посмотрел ей в глаза. — Полагаю, это должно означать, что я еще могу рассчитывать на искупление.

— Искупление? Надеюсь, ты приехал сюда не затем, чтобы искать у меня спасения, потому что если это так, то ты выбрал не ту девушку.

— Нет, я приехал сюда в надежде, что ты выйдешь за меня замуж. — Он пожирал ее горящими глазами. — И думаю, поступил правильно.

Итана сбивало с толку поведение Мэдлин. Почему она не хватается за такую отличную возможность вырваться из цепких лап нищеты?

— Ну и как велико твое богатство? Такое же, как у Куина?

— Нет. Немного больше.

На ее лице вместо радостного возникло отстраненное выражение.

— Ты обладаешь титулом, богат и не так уж стар. Ты мог заполучить кого угодно. Но выбрал бесприданницу, которую даже совсем не знаешь.

«Не так уж стар».

— Я уже объяснил почему.

— А я не верю тебе. Что-то здесь не так. Ты выбрал меня, иностранку, по той причине, что до меня не могли дойти слухи о твоих сомнительных пристрастиях, рассказы о пьянстве или шатком финансовом положении...

— Я не употребляю спиртное, и мои финансы в порядке. — Итан спрашивал себя, чего он так кипит, если все равно не собирается жениться на ней. — А мое единственное, сомнительное пристрастие заключается в том, что я собираюсь каждую ночь доводить и тебя, и себя до полного изнеможения.

Мэдлин неприязненно поморщилась:

— Неужели ты захочешь меня, даже зная, что я могла бы принять предложение такого мужчины, как ты, только под страхом мучений от голода и бандитских надругательств?

— Мне все равно почему. Только прими.

— Я не нахожу это правильным. Я знаю лордов-аристократов. С ними всегда что-то не так, всегда присутствуют какие-то тайны.

Итан понял, хотя это и казалось ему невероятным, что она циничнее его.

— Разве не очевидны причины, по которым я не женился?

— Из-за твоего тридцатисантиметрового шрама? — Мэдлин закатила глаза.

— Черт возьми, он не такой длинный, — процедил он сквозь зубы.

— Может, и нет, если мерить расстояние между концами, но если промерить все изгибы, то получится именно такая длина.

Итану очень хотелось, чтобы какая-нибудь женщина смирилась с наличием шрама и неловкость не стала помехой в их общении. А эта девчонка открыто смотрит ему в глаза, обсуждает шрам, но далеко не в той манере, в какой ему хотелось бы.

— Ты дура.

Обиженно хмыкнув, Мэдлин подошла к кровати, на которой он сидел. Закинув колено на край, она принялась внимательно разглядывать его лицо. От нее пахло клубникой и чем-то сладким, и у него заныло в паху. Он едва сдерживался, чтобы не схватить ее за талию и не завалить на кровать.

Она... коснулась его шрама.

Мэдлин, покусывая губы, сосредоточенно повела пальцем по неровной линии.

Красивая женщина касалась его лица, изучала его. Отметина была безобразной, почему же это не отталкивало ее?

Осознав, что предположенная ею длина явно не получается, она от досады ущипнула его за щеку. Итан едва сдержался, чтобы не шлепнуть ее по руке, поскольку ему очень хотелось

посмотреть, что будет дальше. «Что она скажет? Как обзовет меня?»

В конце концов, ей, похоже, просто это надоело.

— Что ж, наверное, я ошиблась, — заключила она. — Но шрам большой, очень большой. Как ты заполучил его? Больно было?

— Конечно, было очень больно, — ответил он, не ко времени вспомнив, что она дочь того, кто «наградил» его этим шрамом.

Мэдлин отстранилась от него, и ощущение близости пропало. Затем с надменным выражением лица ехидно поинтересовалась:

— Что, Шотландец, кто-то поработал ножницами?

— Когда-нибудь я тебе все расскажу, — соврал Итан. Она хмыкнула и снова заняла свое место на полу. Перед тем как положить в рот сочную клубнику, она напомнила ему, что шрам все же большой.

— Что ж, спасибо за ужин и за кольцо, — сказала через полчаса Мэдди, поднимаясь с пола и собираясь уходить. — И то и другое было приятно.

— Мэдлин, часы, которые ты положила себе в карман, принадлежали моему отцу. Я не могу позволить тебе взять их, но буду рад подарить другие.

Задрав подбородок, она выудила из кармана часы и бросила на кровать.

— А как тебе удалось засунуть в карман и тот подсвечник, которым ты любовалась?

Черт, как он заметил это?

— Достойно восхищения, *siõnnah*.

— Что означает это слово?

— Оно означает «лисичка». Ты напоминаешь мне лису.

— А знаешь, кого мне напоминаешь ты? Волка в овечьей шкуре. Сегодня ты вел себя приличнее, но ведь очевидно, что тебе приходится делать над собой усилие. Такое поведение не в твоём характере.

— Да, наверное, так оно и есть, — сказал Шотландец, удивив её этим признанием. — Я не отличаюсь вежливостью, не умею ухаживать и говорить комплименты. Я говорю то, что думаю, независимо от того, находится в комнате леди или нет, но...

— Но если заглянуть внутрь, — слащавым голосом перебила она его и приложила руки к груди, — то под грубой оболочкой обнаружится хороший человек, ждущий ту женщину, которая изменит его к лучшему? Расскажи это Синеглазой Беа. Она каждый раз верит таким сказкам, а я не верю. — Мэдди взялась за ручку двери.

— Нет, я не собирался говорить, что я хороший человек. Я не могу претендовать на это. И не верю, что человек может изменить свой характер. Но хотелось бы обратить твоё внимание на то, что я, похоже, лучший из тех, кого ты могла бы заполучить. Я никогда не ударю тебя, у тебя будет все, что захочешь, и тебе никогда не придется снова ложиться в чью-то постель. Ты не стала просить Уэйлендов о помощи из гордости. Почему бы не вернуться в Англию равной им по положению?

— На первый взгляд это кажется логичным. — Тогда откуда у неё такое ощущение, будто она собирается похитить шарф, а за каждым её движением наблюдает затаившийся жандарм? Мэдди прищурилась, в глазах сверкнула подозрительность. — Ты так и не поинтересовалась насчет того предложения, о котором я говорила тебе.

— Для меня было очевидным, что в своей бедности ты не стала бы принимать то предложение, к тому же мне совсем не хотелось напоминать о другом кандидате.

— Нет, я была готова принять то предложение, но он отказался от меня. После столь

долгого ожидания вдруг усомнился в моей невинности.

Маккаррик насупился:

— Неужели ты думаешь, что я мог иметь к этому какое-то отношение? Конечно, я написал ему об одержанной победе.

Заметив, что не убедил ее, он добавил:

— Напрашивается один вопрос: почему ты заставила его так долго ждать?

— У меня было плохое предчувствие. Он не стал издеваться, только кивнул:

— А сейчас у тебя тоже плохое предчувствие?

— Не знаю. — Мэдди ничего не могла сказать. Она была измождена, сбита с толку и, наверное, пьяна. Она не думала, что ему следует доверять, но если верить инстинктам... — Мне нужно некоторое время, чтобы все обдумать. — «Разве я делаю что-то, чтобы остаться уязвимой?» — Это ведь важный шаг.

Шотландец провел рукой по лицу.

— Тогда хотя бы останься здесь. Что, если ты попадешь в руки тех бандитов? Они ведь сразу поволокут тебя к своему боссу.

— Я никогда не попадаюсь. — Это было не совсем так. Она попадалась несколько раз, но ее ни разу не отводили в полицейский участок.

Когда Мэдди открыла дверь, он быстро встал и придержал ее за локоть.

— Снова на улицу, ночью. Ни в коем случае. — Похоже, его тревожило опасение, что она сбежит от него. — Черт возьми, Мэдлин, неужели так ужасно иметь мужчину, который заботился бы о тебе? Защищал бы тебя?

«Защищал бы?» Она сглотнула, в памяти всплыли образы, тех дам в булочной. Была ли она когда-либо так близко от своей мечты?

— Девочка, без тебя я не уеду из Парижа, — смягчив тон, сказал он. — Ты будешь моей. Не знаю, что нужно сделать для этого, но так должно быть.

Мэдди знала мужчин. Они могли притворяться влюбленными, но ревность, если ее нет, симулировать трудно. Она помнила искаженное яростью лицо Маккаррика, когда мужчина на улице спросил, закончил ли он с ней. Заметила, как быстро выхватил он пистолет.

Он уже ревновал. «Тогда почему же я так боюсь этого?» Она могла установить какие-то нормы, чтобы оградить себя, свою уязвимость.

От плохого — к худшему. Боялась ли она воспользоваться этим шансом из-за того, что не доверяла ему, или из-за того, что Марэ уже сломил ее волю?

Нет уж. Смелость города берет.

Тут-то она и поняла, что, наверное, согласится с ним.

— Я подумаю над твоим предложением.

Он вздохнул, сдерживая довольную улыбку, но она видела, что он почувствовал облегчение, огромное облегчение.

— Но у меня есть некоторые условия...

— Как бы не так! Что значит, мы не будем заниматься сексом, пока не поженимся?

— Я говорю серьезно, Шотландец. Я не стану делать дважды одну и ту же ошибку.

Он боролся с всепоглощающим чувством облегчения оттого, что она остается, когда она выдвинула эти нелепые условия.

— Я не буду задавать тебе вопросы о твоём прошлом, и да, я буду, верен тебе. Прекрасно, я согласен на эти условия. Что касается твоего желания поскорее начать семейную жизнь, то да, если будет на то воля Божья, — бессовестно солгал он. — Я, со своей стороны, сделаю все для этого. Но четвертое твое условие неприемлемо. У меня есть мужские потребности, и они не исчезнут в течение нашего обручения...

Мэдди направилась к двери. Откуда он взял, что это будет легко?

— Таковы мои условия, — не оборачиваясь, сказала она. — Думаю, что проявляю неслыханную щедрость.

— Я тоже. Кольцо, с которым ты уходишь, позволит тебе есть яблоки на протяжении не одного года.

Мэдди повернулась к нему.

— Ты мне даже не нравишься.

— Однако по моим данным из достоверного источника, однажды я тебе понравился.

Она поджала губы, и он готов был биться об заклад, что она про себя поклялась убить подруг.

— Еще хуже то, что ты даже не расположен ко мне.

Он не потрудился отрицать это. Он испытывал к ней различные чувства, но расположение к ней не входило в их число.

— Ты говоришь со мной так, будто у тебя есть какие-то козыри. Откуда у такой девушки, как ты, берется храбрость рискнуть потерей обладающего деньгами и властью мужчины, который хочет жениться на ней? Ты обесчещена, забыла? Самые богатые мужчины берут только девственниц. После того как я лишил тебя невинности, для тебя должно быть просто счастьем, что я до сих пор не утратил интерес к тебе.

— Знаю, что не могу говорить с позиции силы, но не доверяю тебе. Я несколько не доверяю тебе.

— Ты ставишь это условие, чтобы использовать его как средство воздействия, или потому что боишься, что я пресыщусь тобой до женитьбы?

— И то и другое, — с готовностью признала она. Видя, что она не собирается уступать, он сказал:

— Хорошо. Я согласен, чтобы мы подождали, если ты поклянешься, что будешь удовлетворять меня другими способами, когда бы мне ни захотелось этого. — Мэдди нахмурилась. — Мне все равно, как ты это будешь делать, лишь бы я был удовлетворен, — тут же добавил он.

— Ты говоришь так только потому, что думаешь, будто сможешь соблазнить меня на большее. — Именно это и входило в его планы. Ему не нравилось, что она предугадывала его замыслы. — Но этому не бывать, поскольку ты не интересуешь меня в этом плане, — добавила она.

— Ты снова познаешь влечение ко мне.

— Ты просто уникам! Если твое поведение не погасило любую искру желаний к тебе, то это сделала твоя подлинная внешность.

Маккаррик прищурился и двинулся к ней. Когда она уперлась спиной в стену, он положил ладонь на ее затылок.

— Ты не можешь отрицать, что тебе нравилось, как я целовал тебя, сказал он, медленно притягивая ее к своей груди.

У нее участилось дыхание.

— П-потому что я тогда думала, что ты не такой.

— Ты когда-нибудь думала о том, что произошло в экипаже до того, как я взял тебя?

У нее заалели щеки, и он счел это ответом.

— Я думаю об этом постоянно, — признался он. Маккаррик знал, что для того, чтобы добиться желаемого, ему нужно найти взвешенный подход к ее оболыщению. Пришлось пересилить себя, чтобы убрать руку с шеи и взять в ладони ее лицо. — Помню, как тебе нравились мои поцелуи и ласки.

Она безотрывно смотрела на его губы, будто думала именно об этом.

Он наклонился и шепнул ей в ухо:

— Ты была так близка к оргазму со мной.

Мэдди ахнула, и он ощутил, как дрожь прокатилась по ее телу.

Шотландец провел тыльной стороной пальцев по ее горлу.

— Почему ты думаешь, что тебе опять это не понравится? — Некоторое время было слышно лишь их неровное дыхание. — Я собираюсь сейчас поцеловать тебя, и если ты не ответишь, я отстану и больше никогда не приближусь к тебе. Если же ответишь... тогда ты моя.

— Я не собираюсь соглашаться на это... — Мэдди сглотнула комок. — Соглашаться с твоим возмутительным... — он придвинулся к ней, — испытанием. — Она уперлась кулачками в его грудь. — Совершенно глупо...

Он медленно прильнул ртом к ее губам, но она была напряжена и пыталась оттолкнуть его. Он не отпустил ее, продолжая дразнить языком ее губы. Прошло немало секунд, прежде чем ее кулаки разжались, и расслабленные ладони легли ему на грудь.

Наконец губы Мэдди раскрылись, и он смог ощутить ее вкус, чего желал уже несколько недель. Ее ладони поползли вверх по груди к его шее, и она сладко прижалась к нему всем телом.

Он проник языком глубже, и она застонала, потом начала отвечать на его поцелуй, отчего он возликовал. Может быть, она не находила его отталкивающим? С чего бы ей притворяться? Ее шершавый язык заставлял его кровь быстрее струиться по жилам, возбуждал в нем желание обхватить ее ягодицы, прижать к себе и потереться об нее. Он был готов оболыщать, льстить и доставлять ей удовольствие... Но не был готов снова потерять голову от единственного поцелуя.

Мэдди повисла на его шее, всем телом прижимаясь к нему, при этом откровенно терлась о его пах, что заставило его застонать. Как ей удалось так быстро свести его с ума? Он уже был близок к полной потере контроля над собой, поскольку над ним довлело единственное желание: опрокинуть ее на постель и просто навалиться сверху.

Проявив невиданную силу воли, он заставил себя оторваться от нее. С трудом, собравшись с мыслями и немного отдышавшись, он сумел выдать пару осмысленных фраз:

— Это будет не так уж плохо, Мэдлин. Я постараюсь сделать все, чтобы ты опять

поверила в меня, и мы смогли доставлять удовольствие друг другу.

Похоже, это заявление несколько ошеломило и насторожило ее, поэтому он попытался сменить тон на более непринужденный:

— Хотя, думаю, через пару дней тебе будет легче лечь на спину и допустить меня к своему телу.

— Отчего так долго? Неужели так трудно удовлетворить тебя? Мне совсем так не показалось тогда, в экипаже.

Он стиснул челюсти и сдержался от грубости. — Дело не в этом. Просто тебе придется заниматься этим три-четыре раза в день.

— С таким пожилым человеком, как ты? «Пожилым человеком? Клянусь Богом, я готов придушить ее».

— Скажем так: мне нужно многое исправить. И я приступлю к этому сегодня же.

— Послушай, Маккаррик, я не давала своего согласия.

— Ты согласишься. Но пока этого не произошло, я оставляю за собой право на попытку соблазнить тебя.

Какое-то время Мэдди пребывала в нерешительности.

— Я соглашусь остаться сегодня, если ты снимешь мне отдельный номер. Ничего другого не гарантирую.

— Зачем мне снимать тебе номер? С этой минуты мы обручены. — Черт, это прозвучало неестественно.

— Я хочу залезть в горячую ванну и все обдумать. У меня кружится голова. — Она покачнулась. — Если бы ты знал, какой у меня был день...

— Откуда мне знать, что ты не сбежишь в ночь? Ты уже делала это.

— А если я пообещаю не делать?

— Я предоставлю тебе время принять ванну, но отныне мы будем жить вместе.

Она устало вздохнула и неохотно кивнула.

— Я вернусь через полчаса, — заявил он, прежде чем покинуть комнату. Спустившись по лестнице, он вышел на улицу и с удовольствием вдохнул прохладный воздух, стараясь сбросить то наваждение, которое испытывал при общении с этой девушкой.

Проклятие, он может пожертвовать одной ночью и не прикасаться к ней в надежде на ее будущее расположение.

Как они будут спать сегодня ночью? Он сознавал, что поступил правильно, когда настоял на том, чтобы они остались в одном номере, хотя это и было странно для него, поскольку до этого он никогда не проводил всю ночь с женщиной. Его бросало в дрожь от мысли о том, что ему придется проснуться с ней в одной постели, от ее возможного вторжения в его жизнь.

Он всегда раньше вскакивал с постели, когда после занятия сексом женщины начинали обнимать его, и, натянув одежду, убегал в дождь, снег, в любое ненастье, лишь бы не оставаться с ними наедине. Все они просто вешались на шею.

Все женщины отличались прискорбной и нелепой склонностью соединять занятие любовью с увлеченностью, не понимая, что в этом не может быть ничего общего и что он заинтересован только в первом. Итан считал, что они вообще должны были делать это молча...

Мимо него с веселым смехом прошла в отель пожилая супружеская пара. Он заинтересованно посмотрел на супругов, размышляя, можно ли найти счастье в супружестве.

Его собственные родители были очень влюблены друг в друга, однако их союз закончился трагически. Ждет ли лучшая участь *его* братьев?

«Действительно ли Мэдлин согласилась выйти за меня замуж?»

Она приняла его предложение, после того как увидела его лицо.

Итан не обрадовался. Единственная причина, по которой такая красавица могла согласиться на предложение человека с его внешностью, было то, что, голодая и находясь в опасности, она верила, что обретет защиту. А единственной причиной, отталкивавшей его, было то, что сделали с ним ее родители.

Итан считал ее своей по праву. Мэдлин должна была принадлежать ему. Он должен был пользоваться ее нежным телом. По сути, он был обязан обладать ею, когда бы ему ни захотелось. Разве он не сказал, что она должна ублажать его по первому его желанию?

Тогда почему он сейчас ушел из номера? С нарастающей злостью он направился вверх по ступеням, чтобы предъявить ей свои права.

Погрузившись в наполненную горячей водой ванну и смывая с волос бесплатный лавандовый шампунь, Мэдди думала о том, что, возможно, ей все же удастся встать на ноги.

Она могла расплатиться с долгами с помощью одного лишь кольца, продетого на ленту с ключами и ласкавшего ее взор с расстояния нескольких метров, которое разделяло ванну и стоявшую неподалеку тумбочку.

А если Шотландец действительно пожелал жениться на ней, она станет богатой. Настоящей графиней.

Расслабленная истомой, Мэдди по горло погрузилась в горячую воду, в то время как ее голову окутывал поднимавшийся от воды пар. Привыкнуть к такому времяпрепровождению определенно не представляло труда.

Потом она подумала, что ей придется заниматься с ним любовью, и это ей нравилось. Если, конечно, он мог бы делать это не хуже, чем целоваться. Хотя, что ни говори, ради такой жизни можно было бы и потерпеть. А возможно, он не лгал, когда говорил, что не хотел причинять ей боль в ту ночь. Он вздрагивал каждый раз, когда она поднимала эту тему.

Мэдди открыла глаза...

Он стоял прямо напротив, наблюдая за ней!

Вскочив на ноги, она бросилась к банному полотенцу и быстро накинула на плечи, обернувшись им как одеялом, но опасалась, что его орлиный взгляд будет пожирать ее плечи. Почему она не услышала, как он вошел?

— Ты сказал, что у меня будет полчаса!

— А ты сказала, что будешь удовлетворять меня в любой удобный для меня момент. Мне хочется как раз сейчас. — Он снял сюртук. — Сбрось полотенце.

— Я ни за что не соглашусь обнажаться!

— Ты хочешь, чтобы я женился на тебе, не рассмотрев твое тело при свете?

— В основном да!

Шотландец мгновенно выбросил руку вперед и сорвал с нее полотенце. Когда Мэдди попыталась забрать назад свою импровизированную накидку, он мягко, но решительно перехватил ее запястья и завел руки за спину. Он разглядывал ее, будто выискивал и у нее шрам, но потом заострил внимание на форме ее груди.

— Раньше мне приходилось видеть это только в темноте. — Он издал какой-то урчащий звук, и его большая ладонь накрыла одну грудь. Мэдди замерла от неожиданно накатившего жара. Он дышал с присвистом.

Захочет ли ее Шотландец после того, как увидел полностью обнаженной? Она-то в любом случае не захочет его! Почему у нее такие маленькие груди? Как это унижительно! Мэдди зажмурилась.

Он нежно мял ее грудь.

— Не больше чайной чашки, — просипел Шотландец. Мэдди хотелось провалиться сквозь землю.

— Может быть, ты и умна, но не красавица. Провалиться немедленно.

Вот он переместил ладонь на ее ягодицы, и из его груди вырвался глухой стон.

— Ты просто прекрасна. — По тому, каким тоном это было произнесено, создавалось

впечатление, будто это бесило его.

Украдкой приоткрыв глаза, она отметила, как напряжены его мышцы.

«Прекрасна? После того как увидел меня обнаженной при свете?»

Его рука заскользила по всему ее телу, потирая бедра, оглаживая живот и груди, как будто он не знал, на чем остановиться. Будто был ошеломлен неожиданно щедрым подарком. Прерывисто дыша, он выпалил:

— Такая прекрасная...

Хотя он был одет, в отличие от нее, и при этом разглядывал ее, Мэдди с каждым поглаживанием испытывала все большее наслаждение. «Он находит меня красивой». Эта мысль была так приятна... Она смежила веки. С каждым его прикосновением ей все больше хотелось откинуться назад и позволить ему тщательнее исследовать ее. «Что это происходит со мной?»

Она затрепетала и едва сдержала стон, когда Шотландец провел пальцами по завиткам волос на скрещении ее бедер и прохрипел:

— Эти волоски — такие светлые.

— Да, девочка, позволь мне глядеть на тебя, — прошептал Итан, как только она расслабилась под его ласками.

Он отпустил ее запястья, и она сделала глубокий вдох, будто собираясь с духом. Как ему показалось, у нее был порыв прикрыться руками, но она сдержалась, хотя покраснела и отвела взгляд.

Итан лишил ее девственности, развлекался с ней тогда, ласкал ее, но так и не смог постичь, или вкусить, насколько прелестно это тело.

Свет из комнаты освещал ее гладкие белые плечи. Длинные волосы спускались мокрыми волнистыми прядями на затвердевшие соски. Его взгляд проследил струйки воды, стекавшие с ее груди на живот и дальше, вниз. Ему страстно захотелось проделать тот же путь языком и губами.

Итан услышал глухое урчание и удивился, обнаружив, что этот звук издает он сам.

Мэдлин была худенькой, но фигуристой и очень женственной. Выпуклости бедер при осиной талии придавали ее фигуре форму песочных часов. Ягодицы не могли быть более пышными и элегантными. А те две ямочки над ними?.. Итан едва не застонал. Ему захотелось прижать ее к себе, ощущая под пальцами эти ямочки.

Но его внимание особенно притягивали ее чувственные грудки... Хотя и небольшие, они, тем не менее, были высокими и налитыми, а соски были настолько чувствительными, что набухали от малейшего прикосновения. Насколько помнил Итан, ему всегда нравились тяжелые, полные груди, но после того, как в первый раз накрыл ладонью ее грудь, он уже не мог даже вспомнить почему.

Мэдлин была совершенной во всем, за исключением одного изъяна. Итан обратил внимание на ее шрам, который она не хотела показывать ему. Взяв за локоть, подтянул поближе к затуманенной паром лампе и поднял ее руку. Отметина покрывала около трети тыльной поверхности предплечья и выглядела как типичный шрам от ожога с переплетением белых извилистых полос в красном обрамлении.

— Ты еще и сломала ее?

У нее округлились глаза, прежде чем лицо стало непроницаемым.

— Когда?

Она пожалала плечами:

— Не знаю. Это произошло давно.

— Ты подняла свою руку к чему-то горевшему. И оно сломало кость.

На этот раз Мэдлин разомкнула губы:

— Откуда тебе... почему ты говоришь так?

— Я знаю шрамы. — Его губы скривились в горькой усмешке. — Как ты оказалась в огне?

Она колебалась всего секунду, а потом жизнерадостно сообщила:

— В поместье, где мы жили. Когда я была девчонкой. Один из слуг был пьян и проявил беспечность, заснув с непогасшей трубкой.

— Иначе говоря, ваша мансарда загорелась по вине пьяного постояльца.

Она вздрогнула и прошептала:

— Я не всегда была бедной, Маккаррик. Я действительно жила в большом особняке, где были слуги, и приемы, и друзья.

— Да, я знаю это. — «Я тот, кто все это отнял». — И то, что ты вряд ли дружила с Уэйлендами.

— Может быть, отпустишь мою руку?

У Итана снова засадило в груди, что вызывало раздражение, и он повиновался.

Мэдлин опустилась в воду, повернувшись к нему спиной и жалко сгорбившись. Сквозь кожу проступали ребра, не очень отчетливо, но достаточно, чтобы понять, что она недоедала.

Проклятие. Сейчас не время для сантиментов. Он заставил себя думать о чем-нибудь другом и вспомнил, как она неоднократно оскорбляла его в этот вечер.

— А у тебя хватило самообладания высказаться по поводу моего шрама.

Она шумно втянула воздух.

Итан знал, что его подвигло сказать это именно сейчас, но был далек от того, чтобы испытывать к ней мстительное чувство, и понимал, почему ему не стоило говорить об этом.

— Встань и подойди сюда, — потребовал он. — Я хочу тебя трогать еще.

— Нет! Я и так разделась перед тобой, но уж выносить насмешки уволь.

— Выносить насмешки? — недоверчиво переспросил Итан. — Не было никаких насмешек!

— То, что ты сказал о моем шраме. И еще о том, что у меня... маленькие груди.

— Ты сегодня неоднократно оскорбляла меня, хоть я и не просил напоминать мне о том, как выгляжу.

Она бросила на него быстрый взгляд через плечо, щеки у нее ярко алели.

Испытывает ли она вину за свои оскорбления?

— А что касается твоих грудей, то, если ты не поняла это по тому, как я был возбужден, когда трогал их, или когда прямо сказал, что нахожу их прекрасными, скажу проще: я теряю разум, когда смотрю на твое хрупкое тело. Так что если хочешь увидеть теряющего голову мужчину, то подойди ко мне и позволь трогать тебя еще. — Она продолжала сидеть в воде. — Если не хочешь, чтобы мои руки касались тебя, то подойди и потрогай меня сама.

Мэдлин прикусила губу. Он посчитал это обнадеживающим знаком и начал стягивать через голову рубашку.

— Эй, погоди! Я и этого не хочу... — Изумленно вздернув брови, она смолкла, уставившись на швы на его груди. — Что с тобой произошло?

— Не беспокойся. Скоро здесь будет шрам, и у тебя появится еще один повод

позубоскалить на мой счет.

Она проигнорировала его ответ:

— К тому же похудел. Об этой ране ты говорил? — Да.

— Так что же? — Не получив ответа, она изогнула бровь. — Шотландец, тебе пора прекращать напарываться на ножницы.

— Какая же ты идиотка. — Сев на табурет, он принялся стягивать сапоги. — В меня стреляли.

Ее глаза зажглись любопытством. Облокотившись о край ванны, она подперла ладонями подбородок.

— Стреляли? — Она понимающе взглянула на него. — Неудивительно, что ты испугался пистолетной пальбы.

— Ни черта я не испугался...

— Ладно, кому же понадобилось стрелять в тебя? Итан пожал плечами:

— Плохому человеку.

— Вижу, у тебя были и другие серьезные ранения. Что же у тебя за опасное занятие такое? Ты что, как бы вне закона? Или мятежник? А, знаю. Ты наемник.

Итан никогда не скрывал, чем занимался, только не говорил, на кого работал.

— Может быть, понемножку и то, и другое, и третье. Мэдлин открыла, было, рот, чтобы сказать еще что-то, но он снял штаны, и она поспешила отвернуться. Итан не преминул воспользоваться возможностью присоединиться к ней. Она ахнула и бросилась к краю, чтобы выбраться из ванны, но он схватил ее за плечи. Улегшись в воду и притянув ее к себе, он застонал, когда ее груди заскользили по его торсу.

Он напомнил себе о том, что нужно быть нежным, в то время как его ладони заскользили вниз по ее спине и легли на ягодицы. Он все еще мог легко напугать ее, но ему совсем не хотелось этого, поскольку нравилось разглядывать ее при свете.

Мэдлин попыталась оттолкнуться от него, но он снова притянул ее к себе.

— Маккаррик, нет. — Ухватившись за края ванны, она отстранилась от него. — Я не... я не хочу этого.

— Почему нет? — Итан провел указательным пальцем меж ее грудей.

Мэдлин вздрогнула.

— Потому что я чувствую себя усталой, разбитой. И мне просто нужно обдумать все это.

Она уже с трудом удерживала тело на расстоянии от него: от напряжения у нее тряслись руки и соблазнительно подрагивали груди. Твердые соски дразнили. Ему хотелось сосать их часами. Хотелось, чтобы она потрогала его.

В сознании промелькнула картина в таверне, когда она била кулачками по полу. Вспомнив о той ее усталой решимости, он взглянул в ее лицо. Увидел темные круги под ее глазами. Такой трудный день, какой был у нее, мог свалить всякого.

Руки Мэдлин уже соскальзывали с краев ванны...

— Хотя меня сильно влечет к тебе, я позволю тебе уйти, чтобы ты отдохнула, — произнес он, не веря своим ушам. — За один поцелуй.

Мэдлин метнула на него разочарованный взгляд.

— Хорошо. Покончим с этим.

Итан взял ее лицо в ладони, и она нахмурилась. Он гладил ее щеки большими пальцами, целуя ее лоб, кончик носа, а потом, едва касаясь губ, мазнул по рту.

Когда он отпустил ее, она не сразу открыла глаза.

— Первое правило удачливого пройдохи, — пробормотала она. — «Дай немного, а потом заberi все».

— А я должен остаться ни с чем, Мэдлин? — почему-то удивленно спросил он. Он сдерживал улыбку, и она вглядывалась в его губы. Похоже, собиралась поцеловать его. Но потом вдруг выскользнула из его рук и поднялась из воды.

Когда она шагнула из ванны и повернулась, чтобы взять полотенце, он сам удивился, увидев, как его рука шлепнула ее по прелестному задку. Бросив через плечо встревоженный взгляд, она тут же прикрылась полотенцем. Непонятно, заметила ли она что-то в его лице, потому что у нее на губах заиграла несколько озадаченная полуулыбка.

Затем неторопливо и уже, видимо, спокойнее она покинула ванную, не забыв забрать с тумбочки кольцо.

Закончив мыться, Итан задался вопросом, отчего он развеселился, когда его ствол болезненно пульсирует. И решил, что это только из-за того, что она приняла его план. Он выиграл первый раунд.

«Это не из-за того, что она приняла меня, согласилась выйти за меня замуж...»

Итан вытерся насухо и вернулся в комнату, обернув полотенце вокруг талии. Он обнаружил, что Мэдлин надела, закатав рукава, одну из его рубашек, которая была настолько ей велика, что почти закрывала колени. Вокруг шеи была повязана длинная красная лента с продетым в нее кольцом. Она также позаимствовала у него пару толстых серых носков. Ее ступни утонули в них, и они едва держались на ее лодыжках. Мэдлин покусывала губы и потирала одну ногу о другую. И он снова почувствовал стеснение в груди.

— Надеюсь, ты не возражаешь?

— Нет, совсем нет. — «Разве можно быть более очаровательной?..»

— Как мы... мм... собираемся спать? — спросила она. Итан застыл, настроение упало.

— Все равно. — «Коль скоро не со мной».

Она прошлепала к комоду и достала одеяло и подушку.

— Очень хорошо. Знаешь, я плохо сплю в одной постели с кем-нибудь, — заметила она, будто прочла его мысли.

Итан откинул голову.

— Значит, ты не хочешь делить со мной постель? — Все женщины из его прошлого из кожи вон лезли, чтобы спать с ним, а эту девчонку, похоже, такая перспектива ужасает.

— Этим отчасти объясняется мое желание спать в отдельном номере. Но меня вполне устроит и диван.

Подхватив ее на руки, Итан забросил ее на кровать, несмотря на отчаянные протесты с ее стороны. Он заставит ее спать с ним просто в наказание за то, что перечила. Если бы она не была легкой как перышко, его ране пришлось бы плохо, но ему было все равно.

— Сегодня ты будешь спать со мной в этой постели. — Сбросив полотенце, Итан присоединился к ней.

— Я не хочу спать с тобой! — Она поднялась на колени и довольно неуклюже двинулась к краю кровати. — Это мое пятое условие, Маккаррик.

Итан ухватился за край импровизированной ночной рубашки и оттащил ее назад. В ответ на выразительный взгляд он снова взял ее на руки и сунул под одеяло.

Она задергалась в попытке вырваться из его объятий и отодвинуться к краю кровати.

— Угомонись, и завтра я куплю тебе новую одежду, — пообещал он. Ему в любом

случае пришлось бы сделать это. Он не мог появиться на людях с ней, одетой убого по сравнению с ним. Деньги, естественно, были бы наиболее приемлемым решением, но будь он проклят, если хоть кому-нибудь признается в этом.

Мэдлин замерла, плечи напряжены.

— Но не... Маккаррик, не каждую же ночь?

В ее голосе звучал такой страх перед предложением делить с ним постель, что он разозлился.

— Каждую... отдельную... чертову ночь.

— Хочу, чтобы эта жертва не была вычеркнута из памяти, — проворчала она и, стукнув кулаком по подушке, подвинулась на самый край кровати.

Жертва? Хорошо, что она не такая прилипала, как другие. Итан был доволен. Еще бы.

Однако час спустя, когда она уже спала, он все лежал и смотрел на нее. В том, как она спала, он отметил два момента: во-первых, очень тихо и, во-вторых, калачиком, подтянув колени к груди, будто защищаясь от ударов.

Итан сознавал, что суровая жизнь, которую она вела, заставляла ее постоянно быть настороже, но сейчас его особенно интересовало то, что происходило с ней, после того как она покинула Англию. Он не знал, что она оказалась в горящем доме, хотя и видел старый шрам. Она, очевидно, была достаточно выносливой, хотя и производила впечатление такой хрупкой и уязвимой.

Поддавшись порыву, Итан слегка сжал в руке светлые блестящие пряди, подсыхавшие на подушке. Пробуя на ощупь шелковистые волосы, он задумался, в чем же заключается таинственная притягательность близости спящего человека?

Некоторым мужчинам, похоже, это действительно нравилось. Он вспомнил Хью, вернувшегося домой после дня, проведенного с Джейн, когда они были моложе. У него был сомнамбулический вид, даже более ярко выраженный, чем после обычных встреч с Джейн. Итан подумал, что Хью наконец-то поимел ее, но тот с негодованием отверг его догадку.

— Нет, я держал ее в объятиях, пока она спала. Более часа, — добавил Хью в совершенном восторге.

Теперь же Итану захотелось почувствовать заманчивое тепло тела Мэдлин. Не желая будить ее, он придвинулся ближе и вытянулся позади нее с намерением лишь на минутку прикоснуться к ней. Но она проснулась и напряглась. Что ж, раз в стене появился пролом... Он просунул руку под бок и притянул ее к себе.

Ему хотелось, чтобы она расслабилась. Прошли минуты, но она оставалась неподатливой. Итан тоже мог действовать наперекор и вынудил ее остаться в этом положении. Даже, сильнее прижал к себе, в результате чего ее шикарная попка оказалась вдавленной в его пах, а его лицо уткнулось ей в шею — прямо в гущу аромата волос. Неудивительно, что он моментально возбуждился. Другую руку он просунул под Мэдлин и обхватил ее грудь.

Итан мучился желанием оказаться внутри ее, так откуда у него снова возникло это сбивающее с толку чувство удовлетворенности? Будто он находился там, где полагалось?

На протяжении многих дней он доводил себя до изнеможения, поэтому вскоре тепло ее тела убаюкало его. Последней его мыслью было предположение, что, если эта маленькая ведьма отдохнет хоть чуть-чуть, спать с женщиной в одной постели может показаться не такой уж обузой, как ему представлялось.

Мэдди с вздохом подумала о том, что в настоящее время больше не встретишь мужчин с таким телосложением — как у гладиаторов, как у настоящих бойцов.

Наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, она изучала спящего Шотландца в приглушенном свете утреннего солнца. Он лежал на спине с закинутой за голову рукой, при этом одеяло лишь едва прикрывало его живот, оставляя на обозрение широкую грудь и мускулистый торс. Мэдди вспыхнула, увидев, как вздыбилось тяжелое одеяло от его утренней эрекции.

После полноценного отдыха, проспав всю ночь без кошмаров, она проснулась без привычного ощущения голода, в теплой мягкой постели. И, по всей видимости, оттого, что не нужно было заботиться о таких насущных потребностях, как пища, безопасность и кров, в ее теле возникла совершенно другая потребность, которую приходилось подавлять.

Она была возбуждена, а его чистый мужской запах и исходившее от его тела тепло только усугубляли ее состояние. Ей приходилось сдерживать себя, чтобы не поводить пальцами по его коже, по мере того как она восстанавливала в памяти сцены прошлой ночи, когда ее груди терлись о его неподатливый торс в ванне или когда она оказалась прижатой к его твердому телу в постели. Хотя Мэдди не собиралась спать так каждую ночь, она, как ни удивительно, чувствовала себя в полной безопасности. Он упирался вздыбленным стволом в ее зад, но не нарушил обещания и ни разу не попытался протолкнуть его дальше.

Мэдди никогда не думала о том, чтобы снова предпринять попытку получить наслаждение от соития, но сейчас начинала верить, что с ним могла бы все это вытерпеть. А если бы он мог делать это также замечательно, как целовал ее, ей это даже могло бы понравиться, стоит только привыкнуть к его размеру.

Это, конечно, не означало, что она собиралась отдаться ему до свадьбы. Нужно твердо стоять на своем, поскольку она знала слишком многих женщин, на которых обещали жениться только с тем, чтобы они вернулись в Марэ беременными и прозябали в нищете.

И все же, после того как они поженятся... какой окажется вторая попытка? Нельзя сказать, чтобы она ожидала чего-то от этого, но ей определенно было любопытно.

Честно говоря, все связанное с ним вызывало ее любопытство. Например, почему он так хорошо владеет пистолетом? И кто ранил его? Она подметила у него еще один давний шрам, похожий на пулевое ранение, и готова поспорить, что на спине тоже можно найти кое-что. Чем же он занимался, что могло быть сопряжено с такой опасностью?

А кто изрезал его лицо так изуверски, что остался глубокий, до самой кости, шрам?

Она уже успела понять, насколько сильно шрам нервировал его. Но, несмотря на то, что Мэдди всегда восхищали красивые мужчины, она, как, оказалось, могла вообще не обращать внимания на его шрам. Более того, она все еще находила лицо Маккаррика пленительным, с правильными и приятными чертами. У него были прямой, резко очерченный нос, плотные губы и массивная челюсть, затененная отросшей за ночь щетиной.

Хорошее в нем было настолько хорошим, что намного перевешивало плохое.

Возможно, в рафинированном мире Гросвенор-сквер, в котором он вращался, люди были безупречными, но Мэдди уже давно жила в совершенно другом мире. Она столько насмотрелась возвращавшихся с Крымской войны солдат с пустыми и подвернутыми рукавами или штанинами форменной одежды, что шрам Маккаррика в сравнении с ними

выглядел не так уж страшно.

В составленном в воображении Мэдди перечне качеств, необходимых для потенциального жениха, неповрежденная кожа не могла соперничать с такими достоинствами, как мужественность, сила и богатство, а этим Шотландец обладал в избытке.

Она мысленно перечислила достоинства Шотландца. Он богат и, похоже, не скуп. До неприличия искусный в поцелуях, он обладал самым роскошным телосложением, которое ей доводилось когда-либо видеть. Шотландец был свирепым, а отнюдь не добрым гигантом, что прекрасно устраивало Мэдди.

Его недостатки. Он был эгоистичен, упрям, груб, агрессивен и не заслуживает доверия.

Трудно ли будет управляться с Итаном Маккарриком? Безусловно. У нее не было сомнений насчет того, что придется прибегнуть ко всем известным ей уловкам по укрощению мужчин, а также мобилизовать все имеющиеся запасы терпения.

Но Мэдди справится — только бы распрощаться с долгами и тяготами нищенского существования. И тогда наступит новая жизнь с таинственным Шотландцем, который горячил ее кровь своей страстью и неистовством.

Не выдержав, Мэдди, наконец, поддалась искушению и провела подушечками пальцев вниз по его поднятой руке, увлеченно следя за тем, как при этом подрагивали мышцы на его боку. Осторожно погладила кожу вокруг его раны, ощущая безотчетную грусть из-за того, что кто-то пытался его убить. Отчего ее так беспокоила мысль об испытанной им боли? В конце концов, он для нее все еще был незнакомцем.

Мэдди мотнула головой, решив, что больше не будет лгать самой себе. Что-то в Шотландце с самого начала влекло ее, как ни к одному другому мужчине. Еще до того как она увидела его лицо и шрам, да и после этого. А прошлой ночью робкая, неуклюжая улыбка, с которой он шлепнул ее по задку, показала другую сторону Шотландца, что смягчило ее отношение к нему...

После неторопливого изучения его груди ее палец пополз вниз по твердому животу. Дойдя до курчавой поросли волос, расположенных ниже пупка, она начала осторожно поглаживать их ноготочками.

Он вдруг поднял колено. Ахнув, Мэдди повернула голову и наткнулась на его взгляд. Ей еще не приходилось видеть таких притягательных глаз — таких неистовых, с радужной оболочкой, черной как уголь, и с янтарными крапинками.

Хотя Шотландец вглядывался в ее лицо, она даже не пыталась как-то скрыть охватившее ее желание. У него на лбу возникли вертикальные морщинки, почти сводившие брови в одну линию, придавая лицу озадаченный вид. Казалось, он не знал, что предпринять в ответ.

Мэдди провела пальцами по его шраму, и выражение его лица изменилось, стало угрюмым.

— Почему ты спишь, свернувшись калачиком? — спросил Шотландец с утра еще более ворчливым тоном, чем обычно, и получил в ответ лишь отсутствующий взгляд. — Ночью я вынудил тебя заснуть, прижавшись вплотную, но потом, проснувшись, обнаружил, что ты спишь уже на другой стороне кровати, свернувшись калачиком, — добавил он таким тоном, будто обвинял ее в чем-то.

— Не знаю. Наверное, в таком положении теплее. В Париже бывает очень холодно зимой.

— Не могло быть теплее, чем тогда, когда ты спала вплотную ко мне.

— Я... ты прав. У меня просто возникает ощущение тесноты в присутствии кого-то еще в кровати. — Мэдди с трудом сдержала дрожь. Она отчетливо помнила те жуткие ночи после пожара в больнице, где ей пришлось делить койку с другими такими же неимущими девочками, которые ночами металась в беспамятстве и с завидным постоянством ударяли ее по изувеченной руке. Острая боль еще была так же свежа в памяти, как и тогда, когда ей было одиннадцать лет.

— У тебя не возникает чувства клаустрофобии?

Шотландец одарил ее тем взглядом, который, как ей казалось, он приберегал исключительно для нее, — смесь раздражения, злости и угрожающего блеска.

— Непохоже, чтобы ты снимала большую комнату, разве не так?

«Спокойствие, Мэдди». Сменив тему, она спросила:

— Значит, мы отъезжаем в Шотландию сегодня?

— Планировалось, что мы отправимся завтра вечером, но мы можем сделать это и позже, если не успеем купить тебе одежду на неделю.

— Ты действительно хочешь купить мне одежду?

— Я сказал, что сделаю это, или нет?

— Что ж, если ты выполняешь все свои обещания, то, значит, меня на самом деле ожидает замужество и сытая жизнь с тобой в Шотландии. — Сегодня начнется ее новая жизнь с этим таинственным человеком, и на этот раз она радовалась своей удаче. — Как мы доберемся туда?

— Отсюда поездом до Гавра, потом по морю.

— Ах, океанский порт. Как долго продлится морское путешествие?

— Пароходом до юго-западного побережья Шотландии — не более четырех дней.

— Пароход! Никогда не была на настоящем пароходе — только на снующих через Ла-Манш корытах.

— Пароход «Голубая лента» покажется вам роскошным, мисс Ван Роуэн. Там можно украсть много серебра. — Несмотря на его язвительный тон, Мэдди была настолько захвачена предстоящей поездкой, что не сдержала улыбку. — У меня есть небольшое поместье на побережье Ирландского моря. Мы остановимся там, на пару суток, прежде чем отправимся по железной дороге дальше на север, в мое родовое имение — Каррикклифф.

— Как выглядит Каррикклифф? Думаешь, мне там понравится? Люди твоего клана хорошие? Я им понравлюсь? Когда я не усталая и не голодная, то бываю, как правило, очень привлекательной.

— Это прекрасное имение с замком, расположенное в гористой местности, и, пожалуй, любому понравилось бы. Люди моего клана очень серьезные. Не думаю, что они будут знать, как с тобой вести себя.

— Иначе говоря, я им не понравлюсь.

— Не имеет значения, поскольку я бываю там редко. К тому же я им тоже не нравлюсь.

Она кивнула, приняв это как должное.

— Что? И ты так просто относишься к этому?

— Ну да, — ответила она. — О тебе не скажешь, что ты очень серьезный или импозантный, поэтому, по-моему, они не знают, как им вести себя с тобой, тоже.

Он посмотрел на нее так, будто у нее отросли две головы.

— Я серьезный и импозантный.

— Нет, это не так. На маскараде ты смешил меня. У тебя чертовски развитое чувство юмора, и это мне понравилось.

— Думаю, я лучше знаю себя, — отрезал он.

— Не буду спорить с тобой, Шотландец. Хотя теперь я вынуждена спросить: почему они все же не любят тебя?

— Поговорим об этом позже, после того как ты побудешь со мной несколько дней. Возможно, тогда ты догадаешься сама.

Она решила пока не развивать эту тему.

— А как насчет твоей семьи, она большая? Мне всегда хотелось иметь большую семью. Жаль, что у меня нет сводных братьев или сестер. Я знаю, что у тебя есть брат... — Мэдди помолчала. — Ты говорил, что он женился на Джейн, — значит, она станет и моей невесткой!

— Да, это так. У меня есть еще один брат, и он тоже недавно женился. Моя мать еще жива, но я не общаюсь с ней.

— О, а с братьями, у тебя какие отношения?

— Я готов сделать для них все, но не сказал бы, что мы близки, — ответил он, и в его тоне проскользнуло едва заметное сожаление. Учítывая, что он постоянно старался скрыть свои эмоции, эти нотки сожаления говорили о многом. — Хватит вопросов. Нам нужно многое сделать для подготовки к поездке.

Мэдди кивнула:

— Перед отъездом мне еще нужно упаковать кое-какие вещи.

— Не нужно ничего упаковывать. Я же сказал, что куплю тебе все новое. Тем более что твои тряпки не стоят таких усилий.

Она поджала губы. Если он собирался и впредь высмеивать ее бедность, то она не сказала ему, что могла не обращать внимания на его шрам. Можно будет использовать трещину в его броне до тех пор, пока не отпадет необходимость в этом.

— В любом случае, Маккаррик, мне нужно передать подругам кое-какие вещи, а также попрощаться с ними.

— Посмотрим, если будет время.

Мэдди раздражала его безапелляционная и деспотичная манера поведения с ней, но она уже приняла решение. Если проявить терпение, то со временем ей удастся приручить его. Нужно только прикусить язык до тех пор, пока не проявятся его слабые места. К тому же она не собиралась настаивать на своем, пока не убедится, что он ни за что не позволит ей повидаться с подругами.

— Знаешь, поскольку мы, похоже, собираемся покончить с этим, я думаю, тебе следует рассказать мне, как ты получил этот шрам. — Когда Мэдди снова прикоснулась к нему, ей показалось, что Шотландец сделал над собой усилие, чтобы не отдернуть голову.

Он ответил не сразу:

— Это была схватка на ножах.

Она изумленно посмотрела на него:

— Ты убил кого-то? Схватку прекратили? Ты победил?

— Сначала нет, — сказал он, усмехнувшись, — но, в конце концов — да.

— Предоставьте моей жене все, что ей может понадобиться, — заявил Итан модистке в самом модном ателье Парижа. — Ее чемоданы утеряны, так что придется начинать все

сначала. И нам понадобится кое-какая одежда уже сегодня — недельный комплект платьев.

Когда он вошел в это ателье с Мэдлин, несколько работавших девушек презрительно скривились при виде ее потертой обуви и поношенной одежды. Мэдлин постаралась придать лицу выражение безразличия, но он заметил, что она смущена, и это почему-то разозлило его: как они смеют?

— Я хочу, чтобы вы и ваши работницы поняли, что для нее не должно существовать таких понятий, как «слишком хорошо» или «слишком дорого». Это должно найти отражение в ее гардеробе и в вашем к ней отношении, — подчеркнул он, обращаясь к модистке.

Женщина с готовностью кивнула и резким хлопком ладоней заставила работниц броситься в заднюю примерочную, раскладывать одежду и ткани.

Мэдлин схватила его за руку и попыталась увести в сторону.

— Нет, Маккаррик, — быстрым шепотом запротестовала она, — полный гардероб? Не в этом же ателье — здесь это обойдется в целое состояние! Есть ведь дешевые магазины на улице Пэ.

Итан удивился:

— Насколько я помню, ты говорила, что у нас много общего. На твоём месте я бы постарался выпотрошить меня полностью.

— Я здесь не для того, чтобы нанести тебе короткий визит. Для меня очень важно, чтобы у тебя было всегда устойчивое финансовое положение.

— Чтобы ты больше не беспокоилась об этом, я скажу, сколько зарабатываю в год только на арендах.

Когда он сказал ей, она качнулась.

— Ты не лжешь? Не шутишь? — Итан отрицательно помотал головой. — О, в таком случае я буду транжирить без оглядки.

— Прекрасно. Теперь не смущайся, когда эти девушки будут пялиться на твою поношенную одежду, — покровительственным тоном сказал он. — Эти женщины не стоят твоего внимания.

Мэдлин изогнула бровь.

— Ты тоже не смущайся. Даже если они могут подумать, что у тебя большой... — она выдержала паузу, — шрам.

Стоило ему съязвить по поводу ее нищеты, как она напомнила ему о шраме. Итану казалось, что они разыгрывают какую-то партию.

— Тогда иди, развлекайся. Но теперь своими из всех платьев, ты сможешь называть на одно меньше.

— Значит, платьев, которые ты сможешь срывать с меня, будет на одно меньше.

Итан недовольно посмотрел на нее:

— У тебя на все есть ответ, да?

— Да. Но я специализируюсь на вопросах, — ответила она, отправляясь на осмотр шарфов.

Да, озадачила же она его. Итану начало казаться, что она чересчур умна. Нужно быть осторожнее, иначе эта игра обернется против него же.

Проснувшись этим утром, он почувствовал, что она наклонилась над ним, и притворился спящим, пока она не начала так чувственно и нежно ласкать его. Открыв глаза, обнаружил, что она смотрит на него.

Будь он проклят, если она не была возбуждена, у нее были торчащие соски и учащенное

дыхание. Он смаковал это видение. Не мог припомнить, когда в последний раз женщина испытывала к нему неподдельное желание.

В прошлом те немногие женщины, которых, по-видимому, возбуждал его шрам, в постельных играх предпочитали боль, а не удовольствие.

Итан всегда занимался жестким, до лязга зубов, сексом, предпочитал именно такой секс, но никогда не питал интереса к сдиранию с женщин кожи.

Мэдлин была красивой, и если находила его привлекательным, то, возможно, он вовсе не такой уж плохой, каким считал себя. Наверное, он с излишней строгостью относился к своему лицу, а крутой нрав мешал проявлению влечения к женщинам.

Итан знал, что вскоре возьмет Мэдлин измором, и, когда она уступит ему, а у него наступит пресыщение, он переключится на других женщин, склонных к жесткому сексу... Ему нравятся пышные женщины с тяжелыми подпрыгивающими грудями.

Даже думая об этом, он не мог оторвать глаз от Мэдлин. Приходилось признать, что она удивила его и продолжает удивлять своим необычным поведением. Он смотрел, как она поглаживает шелка, и его естество восставало вновь.

Итан прищурился. Казалось, будто у Мэдлин была страсть прикасаться к вещам, но здесь он обнаружил, что это всего лишь хитроумный прием прикрыть кражу. Ей нельзя было отказать в мастерстве, в необычайном мастерстве, и если бы он не был натренирован в распознавании мельчайших деталей, то ни за что не заметил бы, чем она занималась.

Итан направился к ней.

— Положи на место, — шепотом приказал он.

Она невинно взглянула на него простодушными синими глазами:

— О чем ты?

Он стиснул ее локоть, призывая к молчанию, и она, в конце концов, вытянула шелковый шарф из рукава блузки.

— Мэдлин, с мелкими кражами должно быть покончено.

— Так уж и мелкие?

— Господи, я поражаюсь: неужели ты хуже меня? — Итан ничего не имел против того, чтобы люди мучились, если отдали пальму первенства ему. В действительности ему это даже льстило. Но он не испытывал враждебных чувств к владелице ателье и не хотел, чтобы ей был нанесен ущерб.

— Ты ворует, играешь на деньги и разговариваешь на уличном жаргоне. Если мне выпала роль нашего блюстителя морали, то нам вместе гореть в аду, девочка.

Она подняла на него глаза, ее губы кривились в усмешке.

— Но мы, по крайней мере, будем вместе.

Итан знал, что она дразнит его, но все же ей удалось обезоружить его и злость начала проходить.

Когда модистка пригласила Мэдлин присоединиться к ней, чтобы просмотреть журналы мод, Итану предложили кофе и газету на английском языке. Он пытался читать, но его отвлекал голос Мэдлин, хотя говорила она негромко и по-французски. Ее вопросы и комментарии удивляли его, равно как и уверенность в себе в разговоре со старшей по возрасту модисткой.

— А если бы вы сделали эту ткань и рюш вот так, с бомбазином? — спрашивала она. — Почему это должно быть симметричным? Если это зеленый атлас и со скошенным подолом, то платье будет выглядеть совершенно по-новому и в то же время элегантно.

Женщина невнятно ответила что-то.

— Нет-нет, мадам, воротник должен быть жестким, высоко поднятым сзади и открытым здесь. И если выглядывает нижняя юбка, мы должны быть уверены, что она потрясающей красоты. Знаю какая — белый тюль на шикарном блестящем шелке!

Когда они закончили, и Мэдлин отправилась выбирать сумочки и перчатки, модистка подошла к Итану. Вид у нее был ошеломленный.

— У вашей жены вкус... — она смолкла, подыскивая слово, и Итан подумал, что она скажет «необычный» или «интересный» — бесподобный. У нее непостижимое ощущение тканей и цвета.

— Да, естественно, — согласился он, будто всегда знал это. — Удостоверьтесь, что высвобождено достаточно места для ее платьев... — Он замолчал, заметив, что Мэдлин с тревогой смотрит мимо него в выходящее на улицу окно ателье.

Он повернул голову, ожидая увидеть снаружи бандитов, однако обнаружил лишь хорошо одетого мужчину под руку с безвкусно одетой женщиной, которые, проходя мимо, замедлили шаг с явным намерением зайти в ателье.

Глаза Мэдлин были прикованы только к мужчине. Итан чувствовал что-то холодное в нем, что-то опасное, и это могло объяснить, почему Мэдлин побледнела.

Мэдди ринулась за ширму для переодевания и спряталась там. Она чувствовала на себе взгляд Маккаррика и понимала, что он, должно быть, озадачен ее поведением, но снаружи был Тумар, который, по-видимому, собирался войти внутрь.

Как обычно, едва они с Итаном вошли, Мэдди отметила расположение задней двери и сейчас начала потихоньку пробираться к ней. Но здесь Маккаррик сказал модистке:

— Мы хотим, чтобы вы обслуживали сегодня только нас.

— Но, месье...

— Закройте ателье. Я здесь за пару часов потрачу больше, чем вы заработаете за неделю. Если нам никто не будет мешать.

Мэдди выглянула из-за ширмы, чтобы попытаться взглянуть на Шотландца глазами этих женщин. Его осанка кричала о богатстве — это было очевидно. Одежда, хоть и без прикрас, но отличного покроя, была явно дорогой. Да, он выглядел богатым, но не только. Он также выглядел властным, а со своим шрамом — даже зловещим.

Мэдди совсем не удивилась, когда хозяйка ателье прошла к двери и, закрыв ее на засов, перевернула табличку той стороной, на которой было написано «Закррито».

— Шторы, — сказал Маккаррик. — В противном случае клиенты будут стучать.

— Да, месье, — поджав губы, согласилась хозяйка и жестом распорядилась, чтобы работница задернула занавеси.

Мэдди облегченно вздохнула и наградила Шотландца слабой благодарной улыбкой. Некоторое время он безучастно разглядывал ее глаза, губы, а затем, нахмурившись, подошел к ней:

— Почему мы избегаем встречи с тем мужчиной снаружи?

Похоже, он изучал ее, и она вдруг почувствовала, что ей трудно лгать ему, хотя с подобными затруднениями не сталкивалась много лет.

— Просто с этим человеком мне не хочется встречаться.

— Ты что-то украла у него?

— Нет, никогда! Просто... я должна ему немного денег.

— Это он посылал громил за тобой? — Мэдди кивнула. — Для чего ты брала у него займы?

— Платья. Мне нужны были платья для поездки в Лондон.

— Сколько ты ему должна? — Ей показалось, что он собирался похлопать по карманам и достать деньги. Чтобы выплатить долг Тумару? Она медлила с ответом. — Не соблаговолишь ли ответить мне, Мэдлин?

— Я даже толком не знаю, — призналась она. — Он повысил процентную ставку. Я не потяну столько.

— Значит, ты опоздала с выплатой?

— Нет, он раньше изменил условия сделки. Маккаррик прищурился:

— Неужели? Ты не нашла это странным?

— Конечно. Но мне некому было пожаловаться.

— Теперь можешь, девочка, — сказал он, поднимая пальцем ее подбородок. — Мы разберемся с этим делом до отъезда. Я не позволю тебе волноваться из-за этого.

Совсем как в Лондоне, он снова вел себя как герой и защитник. Снова, как в Лондоне,

она смотрела на него полными восхищения глазами, что заставляло его сердито хмуриться. Когда послышался деликатный кашель модистки, он угрюмо сказал:

— Иди уж.

Модистка повела Мэдди в примерочную. В просторном помещении были и чайный столик с серебряным сервизом, и винные стеллажи, чтобы угощать мать и сестер заказчицы, а также подруг, которые приходили консультироваться по поводу нового гардероба или бальных платьев к новому сезону. Мэдди почувствовала разочарование при мысли, что она будет одна.

Она разделась до сорочки, когда в примерочную вошел Маккаррик и уселся на диване, развалившись с убийственной грацией. Похоже, он не испытывал никакого смущения.

— Она может одеваться при мне, — сказал он обыденным тоном, разворачивая газету. — Нет ничего такого, чего я не видел раньше.

Хозяйка пожалала плечами, вне сомнений, ничуть не удивленная подобной ситуацией.

Случись это не в Париже, Мэдди запротестовала бы, но он только что спас ее от встречи с презренным кредитором. Как она могла отказать в чем-то Маккаррику?

Близкое знакомство только укрепило ее в намерении остаться с Шотландцем. Она пожертвовала бы многим, лишь бы никогда больше не встречаться с Тумаром, даже могла примерять одежду перед Маккарриком.

Но каждый раз, когда они стягивали с нее платье через голову, ее сорочка задиралась, открывая его взору зад, а также перед, отраженный в большом зеркале. Неловко было и то, что он хмуро смотрел на ее шрам и даже, похоже, заметил, как другие пялились на него.

В течение следующего часа она примеряла дневные и вечерние платья, юбки и блузки, накидки и перчатки. Были приглашены шляпник, принесший на показ свои образцы, и сапожник, предлагавший пару за парой разноцветные атласные туфельки и мягкие лайковые сапожки.

Мэдди уже отобрала достаточно одежды на несколько дней, но после того, как Маккаррик и модистка переговорили, выйдя на минутку, ей неожиданно был предложен дополнительный выбор нарядов, позаимствованный из гардероба, сшитого для другой клиентки.

На первый взгляд эта одежда выглядела ужасно, но затем Мэдди поняла, что под безвкусными элементами декора скрываются хорошо и умело скроенные платья из подобранных со вкусом тканей. Как обычно, некоторые богатые парижанки злоупотребляли украшениями — наверное, им хотелось повсюду демонстрировать свое богатство.

Чтобы эти наряды пришлись ей по вкусу, Мэдди просто указала швеям, что надо убрать с платья лишнюю бахрому, букетики шелковых цветов и меховые помпоны.

После того как она отобрала все, кроме нижнего белья, без единого замечания со стороны Маккаррика, ее раздели до чулок с подвязками для примерки нижнего белья.

Чувствуя на себе взгляд Шотландца, Мэдди вела себя скованно, как провинциалка. Она заставляла себя не прикрываться руками и облегченно вздыхала каждый раз, когда на нее надевали ночную сорочку.

Маккаррик держал в руках газету, но она знала, что он не читает. Он все время убирал ее от лица, а потом и вовсе отложил в сторону и наклонился вперед. Его веки отяжелели, но глаза блестели при взгляде на нее. Мэдди твердила себе, что она выдержит это разглядывание и даже больше за все то, что Маккаррик делает для нее. Даже будет примерять нижнее белье в его присутствии.

Шотландец не проявлял интереса к платьям, но зато весьма заинтересованно высказывал свое мнение в отношении белья.

— В красном. Я хочу увидеть ее в красном, — потребовал он хрипло.

Сглотнув комок, Мэдди влезла в отделанную кружевами темно-красную ночную рубашку с двумя длинными, до бедер, разрезами по бокам. Несмотря на присутствие других женщин, она начала реагировать на его внимание. Ее груди тяжелели каждый раз, когда Шотландец начинал ерзать на диване. Чашки из кружев ласкали ее соски, и она вспоминала, как подрагивали его мышцы под ее пальцами сегодня утром. Когда же она вспомнила, как он изучал ее тело ночью...

Ей пришлось прикусить щеку, чтобы подавить, готовый вырваться стон.

Итан никогда не думал, что ему так понравится совершать покупки для женщины.

Он покупал ей намного больше вещей, чем было необходимо, получая огромное удовольствие от процесса, и не мог остановиться. Наблюдая, как Мэдлин надевает и снимает порочные шелка, он перестал делать вид, что читает газету, и использовал ее только для того, чтобы скрыть свою мощную эрекцию.

До этого Мэдлин лишь нервно поглядывала на его отражение в зеркале, сейчас же подолгу смотрела на него, приоткрыв губы. У нее затвердели соски, участилось дыхание.

Боже, она... хотела его. Она видела его тело и даже трогала его шрам, и все же хотела его, вождедела.

Он едва не дрожал от удовольствия. Ее желание оказалось самым сильным возбудителем.

— Вон, — отрывисто приказал он женщинам.

— Месье?

— Сделайте перерыв в работе и покиньте ателье. Сейчас же. — Выражение его лица заставило их подчиниться и быстро убраться из помещения.

Когда за ними закрылась дверь, Мэдлин сглотнула комок, но ничего не сказала.

— Ты знаешь, чего я хочу, и ты не настолько глупа, чтобы задавать лишние вопросы. — Снимая на ходу сюртук, он подошел к ней. — Мне нравится это.

— Я не стану задавать вопросы, хотя интересно было бы знать, будешь ли ты утолять твою похоть каждый раз, когда тебе захочется.

— Да, с тобой буду. И утолять я собираюсь не только мою похоть. — Итан просунул руку в один из разрезов, и его палец скользнул ей между ног. Когда палец коснулся ее лона, из его груди вырвался резкий звук. Она была влажной в ожидании его, скользкой и сочной. — Похоже, ты больше нуждаешься в утолении, чем я.

В ответ она сомкнула ноги и, изогнувшись, освободилась от его руки.

— Раздвинь ноги для меня, — прорычал он.

— Тогда не смущай меня!

— Я только констатировал факт.

— Постарайся не делать этого, — процедила она сквозь зубы.

— Ты не можешь отказать мне как своему мужу.

— Ты еще не мой муж.

— А если бы был, ты отдалась бы мне в этой комнате?

— Да, если бы ты хотел именно этого. — Она удивила его, но высказалась предельно ясно.

— Я скоро им стану, Мэдлин, так какая разница? Я хочу войти в тебя, сейчас же.

Она решительно покачала головой:

— Только после свадьбы.

— Тогда, раз я еще не твой муж, может быть, мне не стоит покупать тебе новый гардероб? Это полагается делать для жен?

Она подобралась и скрестила руки на груди.

— Я не шлюха. Хочешь — покупай, хочешь — нет, но не надейся что-то получить взамен. И не путай мое влечение к тебе и тягу к самосохранению с безрассудством.

— А тебя тянет ко мне? Она выпятила нижнюю губу.

— Да. Но я все еще могу уйти.

— Ах, мой ангел. Боюсь, что слишком поздно...

Маккаррик обошел ее кругом, будто раздумывая, что потрогать или сделать, прежде всего.

— Ты уже знаешь, что нуждаешься во мне не только из-за денег или одежды, верно? — Похоже, он злился на нее, но Мэдди не могла понять, из-за чего. Наконец он остановился перед ней и, наклонившись, прильнул губами к шее. Поглаживая плечи, он стянул с нее лямки; его шершавые ладони приятно контрастировали с шелком. — Отвечай мне.

— Да, — признала Мэдди. Одевание с легким шелестом сползло на пол, оставив ее в одних чулках и подвязках.

Он медленно кивнул.

— Хорошая девочка. — Он наклонил голову к ее белым грудям. Она смотрела на их отражение в зеркале и переполнялась гордостью за то, с какой жадной этот мужчина целовал ее там. Его руки были огромными, ладони — мозолистыми, тем не менее, Мэдди была в восхищении от того, как Шотландец касался ими ее тела.

Ее сознание затуманилось, когда он взял в рот сосок и начал водить вокруг него языком. Он целовал оба соска до тех пор, пока они не превратились в твердые, набухшие комочки, после чего выпрямился и зашел ей за спину. Он поднял одну ее ногу и поставил на низкий табурет, раздвинув ее ноги перед зеркалом.

Мэдди отвела взгляд.

— Стой так. Я хочу видеть тебя, — сказал он. Потом он уговорил ее повернуть лицо к зеркалу и разглядывал ее отражение, собственнически задерживая взгляд на ее груди, животе и бедрах. Мало кто назвал бы его облик привлекательным, но в этот момент он был самым неотразимым из всех ранее виденных ею мужчин.

Когда Мэдди была уже готова просить, чтобы он поласкал ее, его рука скользнула меж ее бедер. Ей хотелось, чтобы он трогал ее, но она испуганно вздрогнула.

— Расслабься, я просто хочу поласкать тебя здесь, — сказал он, расставляя шире ее ноги. — Смотри, как я ласкаю тебя пальцем. Ты хочешь, чтобы я прекратил?

— Нет...

— Тогда скажи еще раз, что хочешь меня.

— Хочу... ты же знаешь, что хочу.

С торжествующим блеском в глазах Шотландец вдавил ее в зеркало, орудуя сзади пальцем в ее влаге. Ее разгоряченные соски прижались к прохладному стеклу, и она, забывшись, застонала.

Когда Итан медленно вставил в нее палец, он был поражен тем, как сильно его сжимают ее внутренние мышцы. Свободной рукой он за волосы оттянул ее голову назад, чтобы наблюдать в зеркале за ее реакцией. Как он умудрился посчитать ее опытной? Ее ответные действия были неконтролируемыми, неприкрашенными. Она была такой чувственной, и теперь он был волен, воспользоваться этим по своему усмотрению.

На ней было только его кольцо, болтавшееся на ленточке между грудями, а также подвязки и чулки. Красный шелк подвязок особо выделялся на белой коже бедер.

— Прелестно, — услышал он как бы со стороны свой голос. Кожа у нее была гладкой и мягкой, соски, как и губы, были темно-розовые.

Она шикнула, как только он попытался вставить в нее второй палец, и протянула руку

назад, к его запястью, чтобы оттолкнуть.

— Ш-ш, не буду. — Итан вынул его. И снова у него возникло то тягостное чувство, напомнившее, какую сильную боль он причинил ей в ту ночь. Тогда он не подготовил ее. Итан дал себе клятву, что, когда придет время обладать ею, он будет хоть целый час ласкать ее, пока она сама не попросит, чтобы он вошел в нее.

— Послушай, закинь руки назад, мне за шею. — Мэдлин колебалась. — Просто доверься мне.

Она робко обхватила его шею, и он начал теревить ее соски, легонько пощипывая кончики. Когда она застонала, он оставил в покое грудь и опустил руку на ее плоский живот и дальше, на ее лоно, но она сжалась.

— Доверься мне. Позволь довести тебя до оргазма.

Она ахнула, услышав это, но не стала противиться. Одной рукой Итан раздвинул складки ее лона, и указательным пальцем другой руки начал водить из стороны в сторону по набухшему бугорку.

— Тебе нравится это?

— О, мой Бог, да, — сказала она, тяжело дыша. Вскоре она дрожала и крепко стискивала его шею. Удерживая складки раскрытыми, он продолжал дразнить клитор, наблюдая за прибавлением влаги в виде блестящих капелек на ее плоти. Когда она задвигала бедрами в такт движениям его пальца, он думал, что кончит прямо в штаны.

Со сведенными в одну линию бровями, явно мучительно желая кончить, она встретила его взгляд в зеркале.

— Итан, — прошептала она, впервые произнеся его имя. Это прозвучало как молитва.

Он мгновенно понял, что она истомилась по этой страсти и наслаждению, но в данный момент ей хотелось не только этого. Страстное желание читалось в ее глазах, причем такое откровенное и неистовое, что он был просто потрясен. Потом ее веки сомкнулись, и это было хорошо, потому что Итан был шокирован.

— Дай волю своим эмоциям, — проскрежетал он ей в ухо, едва узнавая свой натянутый голос. — Сделай мне одолжение, кончи, Мэдлин.

Она сделала это с придушенным криком, и Итан понял, что она принадлежит ему.

Он с вождением смотрел на ее отражение и видел ее выгнутую спину и подрагивающие груди. Его охватил дикий восторг, когда она подалась назад, приседая на его палец, напрягшись и трепеща от соединения с ним.

— Вот оно, — пробормотал Итан. — Тебе нравится это. Он замедлил движение пальца, почувствовав, что ее тело стало расслабляться. Несмотря на то, что сам жутко хотел кончить, он решил доказать, что он не такой ужасный любовник, каким показался ей в первую их встречу. Он погрузил палец в ее влагу, разбрызгивая ее. Без предупреждения он снова взял самый высокий темп.

— Что?.. — выкрикнула она, извиваясь и пытаясь рукой освободиться от его пальца. Однако он обхватил ее талию и крепко прижал к себе. — О Боже, это уж слишком!

Но он безжалостно продолжал заводить ее, целовал ее шею и плечи, пока она не прекратила сопротивляться. Когда он начал посасывать мочку ее уха, она уже снова отвечала на движение его пальца.

— Ты и теперь считаешь меня отвратительным любовником?

— Нет.

— Предупреди, когда снова будешь готова...

— Сейчас, сейчас, — сказала она и тут же застонала. Ее сотряс оргазм, когда он снова вставил указательный палец свободной руки в ее лоно.

— Ода, Итан! Такое... хорошее... ощущение, — простонала она.

Он откинул голову назад и, в свою очередь, застонал, чувствуя, как сильно стиснут его палец во влажной горячей среде ее лона.

Даже после ее оргазма и, несмотря на то, что сам готов был вот-вот испытать его, он все же выдержал время, в то время как Мэдлин обмякла, прижавшись к нему. Итан хотел, чтобы она привыкла к этому ощущению, позволяла ему удовлетворять ее таким способом.

Ее безотчетная реакция настолько восхищала, что он даже подумал о том, что по отношению именно к ней можно было бы действовать так, как если бы он мог давать, не получая ничего взамен. Но поскольку у него все нестерпимо болело, ему было не до благотворительности.

Расстегнув штаны, Итан с вздохом облегчения высвободил его. Потом, взяв ее за бедра, он прижался своим стволom к ее заду, вдавив большие пальцы в ямочки над ягодицами. Итан стонал, вминаясь в ее округлости, прежде чем пристроиться между ними. Он был близок к оргазму, но ему хотелось, чтобы Мэдлин помогла ему.

— Возьми его, — выдохнул он. — Возьми его в руку.

Она сделала глубокий вдох, чтобы восстановить дыхание, потом кивнула. Протянув руку вниз, мягко провела подушечкой пальца по члену, но Итан схватил ее руку и попросил:

— Не дразни. Не сейчас. — Он перехватил ее взгляд в зеркале. — Я изнываю, ангелочек.

— Как я могу... что, собственно, я должна делать?

— То же, что ты делала тогда в экипаже.

Когда она обхватила своей мягкой ладонью основание его ствола и потянула кулачок вверх, волна наслаждения и восторга накатила на него. Как он, черт побери, ухитрялся так долго жить без этого?

— Сожми крепче, — приказал он, и она стиснула его. — Вот так. — Он пальцем потеревил ее сосок. — Хорошо, Мэдлин... это так хорошо.

Он тесно прижался к ней, накрыл ее груди ладонями. Из его груди вырывались стоны и грубые ругательства.

— Быстрее. — Она ускорила темп работы кулачка, и он старался двигать бедрами в такт. — Умная девочка, — проскрипел он где-то в районе ее влажной шеи, — ты делаешь все правильно.

В последний момент он надавил своей рукой, уводя ее руку вниз, и с криком излился прямо на ее подвязки, еще и еще.

Наконец иссякнув, он содрогнулся и придержал ее руку, изумленный той степенью удовольствия, которое получил. Он не мог припомнить ничего подобного, разве что ночь, когда обладал ею.

Итан все еще прижимал ее к себе и хотел бы оставаться в этом положении, пока они не смогут отдышаться. Она, вероятно, захочет отстраниться от него. Вместо этого она откинулась на него, и он смог свободно наблюдать ее разгоряченное, покрасневшее тело и то, как вздымались и опадали ее груди в такт с ее тяжелым дыханием.

Мэдлин перехватила его взгляд в зеркале.

— Я буду хорошей женой, если ты предоставишь мне шанс. Только, пожалуйста, больше не причиняй мне боль, Шотландец, — прошептала она с тяжелым придыханием.

— Не причиню, — пообещал Итан, еще крепче прижав ее к себе, и в тот короткий миг он, наверное, именно так и думал.

Поднявшись на цыпочки, Мэдлин поцеловала его в щеку, коснувшись губами шрама и не обратив на это внимания.

Итан никогда не удостоивался столь ласкового обхождения, поэтому не знал, как реагировать. Она, похоже, была довольна тем, что произошло, и, мурлыча что-то под нос, направилась в ванную, освежиться и переодеться в одно из отобранных платьев.

Когда Мэдлин вернулась в красивой новой одежде, с зачесанными наверх волосами, Итан неожиданно для себя предложил:

— Сходим на твой чердак. Если хочешь одарить чем-нибудь своих подруг, и можем захватить с собой пару бутылок шампанского.

— Правда? Для Беа и Коррин?

— Да. — Одним этим предложением он заработал сто очков. Выражение ее лица недвусмысленно говорило: «Обожаю». Итан оттянул воротник.

Обрадованная модистка использовала перерыв, чтобы подготовить их счет, в результате чего они сэкономили время при оплате. Он думал, Мэдлин упадет в обморок при виде суммы, которую ему пришлось выложить. Но отдал бы и в двадцать раз больше, если бы знал, что получит в награду.

Пока девушки заворачивали бутылки шампанского и укладывали их в небольшую корзинку, Итан объяснил модистке, что придет телеграммой указания, куда отправить остальную одежду Мэдлин после ее пошива. А то, что будет готово сегодня, он попросил переслать в его отель.

Когда они с Мэдлин вышли из ателье, и он предложил ей руку, она без колебаний взяла ее. Прохожие на улице открыто провожали их насмешливыми взглядами. Он понимал, что они задаются вопросом, что она делает рядом с ним. А ведь когда-то он был довольно красив и мог составить ей достойную пару. Сейчас же ему приходится тратить деньги на женщину, чтобы заслужить ее расположение.

Итан испытывал какое-то не совсем понятное чувство к ней, что-то вроде благодарности за то, что произошло между ними, но в данный момент это только раздражало его. Он был похож на голодного волка, которому перепал кусок, а он и рад. Он стиснул зубы, закипая. Никогда не думал, что докатится до этого.

И во всем виноваты ее родители.

Все делится на черное и белое. Он не был человеком, стесненным моральными рамками, а она была дочерью людей, виновных в его уродстве.

Разве можно было проявлять нерешительность или допускать какие-то иные мысли по поводу того, что он планировал?

Ни в коем случае. Все, что ему было нужно, это подмять ее под себя столько раз, сколько понадобится для того, чтобы потом вычеркнуть из своей жизни.

— Спасибо тебе за сегодняшний день, — сказала она, одарив его лучезарной улыбкой. Угодил ли он ей тем, что потратил состояние на ее наряды, или ей понравилось то, что произошло между ними? Хотя какое это имело значение?

— Рад был услужить, — ответил он, наверное, впервые в жизни.

В Марэ он помог ей выйти из экипажа. На улицах царили те же разруха и хаос, а Мэдлин посреди всего этого была подобна бриллианту в грязи.

— О, посмотри, вон Берта, — шепнула она Итану. — Та, что вчера толкнула меня в таверне. Пусть она увидит нас.

Он скрыл раздражение. Хотела ли Мэдлин, чтобы ее видели с ним, или стремилась показать только свои обновки? Он уже решил, было, что второй вариант реалистичнее, когда ощутил фамильярное похлопывание по заду.

— Мэдлин, — возмутился он, и она тотчас же подняла руку.

— Извини. Просто не смогла устоять перед соблазном. Странно, отчего ему это... польстило?

Когда они подошли к ее дому, Мэдлин повела его внутрь, к лестничному пролету.

— Держись за веревку, — сказал она, забрав у него корзинку и поспешив вперед, будто могла видеть в темноте.

Как только застонали доски верхней лестничной площадки, дверь Беа распахнулась и навстречу им выбежала почему-то Коррин.

— Люди Тумара приходили снова, — сказала она. — Тебе, Мэдди, нужно скорее уходить! Они избили Беа.

— Что? — воскликнула Мэдлин. — Беа? Коррин кивнула:

— Она не сказала им, куда ты пошла, а потом плюнула одному из них в лицо. С ней будет все в порядке, но сейчас лежит, приходит в себя.

Сообщение об угрозе вновь пробудило в Итане желание защитить Мэдлин.

— Пойди, посмотри, как там Беа, — сказал он ей. — Коррин расскажет мне подробности.

Мэдлин поспешила в комнату Беа и тихо прикрыла за собой дверь.

— Судя по всему, ты действительно собираешься отныне заботиться о Мэдди, — сказала Коррин.

Поколебавшись, Итан кивнул:

— Мэдлин приняла мое предложение. Коррин облегченно вздохнула.

— Но мне нужно выяснить кое-какие моменты из ее прошлого, а девочка не очень разговорчива. — Коррин сочувственно кивнула. — Как она обожгла руку?

— О, это произошло во время пожара в сорок седьмом. Ее дом вспыхнул как спичка, и она оказалась наверху, отрезанной огнем. Она едва не потеряла руку и вообще чуть не погибла.

Значит, ей было одиннадцать или двенадцать лет, когда пришлось покинуть свой дом и переехать за границу. А незадолго до того умер ее отец...

— Люди Тумара любят ломать руки, и это одна из причин, почему Мэдди так боится его, — продолжила рассказ Коррин. — Последние несколько недель она выглядела совсем потерянной. У меня просто сердце разрывалось.

Мысль о том, что она испытывала страх изо дня в день... Тумар, в сущности, уже мертвец...

— Почему Мэдлин не живет с матерью?

— Ну, она не любит распространяться об этом, — понизив голос, пояснила Коррин, — но ее мать... умерла.

— Ты шутишь, — не поверил Итан. Она кивнула, и вдруг у него заложило в ушах, он мог слышать только биение своего сердца. — Умерла.

«И все это время я потратил на ненависть к человеку, которого уже нет в живых...» Коррин всплеснула руками.

— Мэдди сиротствует уже много лет. Ее мать умерла, когда ей было всего четырнадцать.

Итан ущипнул себя за переносицу.

— Сирота.

Если и раньше Итан предполагал, что ему предстоит гореть в аду, то сейчас у него не оставалось на этот счет сомнений. Он горько засмеялся. Какая ирония судьбы.

Он лишил девственности нищую бродяжку, сироту.

— У нее были друзья в Англии, — сказал он. — Когда умерла мать, она могла обратиться к ним за помощью, и они с радостью помогли бы ей.

— Она уже прожила здесь некоторое время. Жизнь в Марэ превращает тебя в некотором смысле в... ничтожество, особенно если ты молод. Ей было стыдно. Она поехала в Англию охотиться за тем мужчиной только потому, что мы с Беа хотели растормошить ее. В конце концов, мы вытянули из нее обещание, что она хотя бы попытается что-то предпринять, прежде чем выйти замуж за Ледо.

— Ледо, граф? — спросил Итан. — Разве не ее мать устраивала этот брак?

— Да, много лет назад. Но после ее смерти Мэдди сбежала до свадьбы. Мы только недавно попытались повернуть эту авантюру с Ледо. Но все закончилось лишь тем, что Мэдди залезла в долги.

И оказалась беззащитной, попав в расставленные Тумаром сети.

Раньше Итан полагал, что Мэдлин должна была походить на свою мать, что они с Сильвией — одного поля ягоды. Оказалось же, что Сильвия мертва, а Мэдлин из-за Итана долгие годы терпела лишения, подвергаясь незаслуженной изощренной мести. Страдала не мать, а только она.

И Итан намеревался причинить ей еще большую боль.

Разве можно было сделать еще хуже? Он вспомнил выражение ее лица, когда она вставала с пола в таверне. Сколько раз за прошедшие десять лет ей приходилось испытывать унижение?

«Просто уйди».

«Даже я не настолько жесток, чтобы еще больше унижить ее».

Итан на мгновение прикрыл глаза, признаваясь самому себе, что приехал сюда, потому что хотел Мэдлин. Использование мести в качестве аргумента только помогало ему оправдаться перед собой за гнусное желание попользоваться такой невинной девушкой, как она.

«Если нет оснований, наказывать Мэдлин, то какие у тебя могут быть на нее права?»

Никаких прав. Никаких.

Итан не мог увезти ее, с тем, чтобы она потом страдала, и уж точно не смог бы жить с ней. Он уладит проблему с ростовщиком и уйдет из ее жизни. Черт, позже он может даже переслать ей немного денег.

Бросить ее здесь? После того как уже убедил, что возьмет с собой?

А какой у него выбор? Если он возьмет ее с собой, она наверняка станет для него обузой. Его профессия предполагала одинокий образ жизни, а он хотел вернуться к своей работе.

«Проклятие, я не хочу связываться с ней».

Помочь ей и уйти. Конечно.

— Подскажи, как найти Тумара.

— Ты не будешь лежать? — спросила Мэдди, когда Беа встала с кровати и оделась.

— Мэдди, если я буду отлеживаться после каждого синяка, — начала, будто наставляя ребенка, выговаривать поучительным тоном Беа, — то ничего больше не смогу сделать, не так ли? Давай усядемся на твоём балконе, и ты расскажешь мне обо всем, что произошло прошлой ночью.

Когда Беа открыла свою дверь, Маккаррик и Коррин, по-видимому, только что закончили беседу. Он скользнул холодным взглядом по лицу Беа и стиснул челюсти.

— Я скоро вернусь, — сказал он, обращаясь к Мэдди.

— Ты хочешь встретиться с Тумаром? — Итан коротко кивнул. — Можно, я пойду с тобой?

— Ни в коем случае. Останься здесь, выпей с подругами на прощание.

— Хорошо, — нехотя согласилась она после паузы. Мэдди была обескуражена сменой его настроения. Ей показалось, что он избегал встречаться с ней взглядом, перед тем как выйти из комнаты.

Подруги успели только договориться, что продадут дорогое шампанское, когда дверь снова открылась. Маккаррик вернулся.

Откупорить шампанское.

— Некоторые вещи предназначены для того, чтобы ими наслаждались в определенный момент, верно? — сказал он, бросив еще один быстрый взгляд на лицо Беа, затем повернулся к Мэдди: — Поэтому, чтобы вы не пошли продавать эти бутылки... — Он наполнил ее новую сумочку купюрами.

У Мэдди челюсть отвисла при виде пачки денег.

— Здесь четыреста франков! Ты что, хочешь, чтобы я купила себе пианино? Или кабриолет?

— Лодку! — закричала Беа, хлопая в ладоши.

Мэдди склонилась к ней и игриво толкнула плечом. Маккаррик даже не улыбнулся.

— Что ж, давайте разольем это! — сказала Коррин, доставая шербатые фарфоровые чашки из-под печки Мэдди.

Когда она протянула чашку Маккаррику, тот отмахнулся:

— Не пью.

— Нам больше достанется, — обрадовалась Беа. Даже после стычки с бандитами Беа считала этот день одним из самых лучших в жизни.

— До встречи, — сказал Маккаррик, коротко кивнув Мэдди.

— Пожалуйста, будь осторожен, Шотландец.

Когда за Маккарриком снова захлопнулась дверь, и они услышали, как он затопал вниз по лестнице, Беа обмахнула свое лицо и прошептала:

— Я влюблена. Мэдди, ты знаешь, что прошлой ночью он прислал нам омаров? Я не шучу. Красивые омары... — с вздохом добавила она.

Мэдди усмехнулась. Маккаррик оказался таким... удивительным, ибо открыл ей окно в новый день, в новое начинание. Она поспешила на балкон, чтобы посмотреть, как он уходит. Такой высокий, сильный, уверенный в себе. Точно такой, каким был, когда она в первый раз выделила его из толпы. Тогда он искал ее.

— Думаю, тебе достался не ограненный бриллиант, — сказала стоявшая позади нее Коррин.

Мэдди склонялась к той же мысли. В Лондоне он был первым мужчиной, который дрался за нее, и сейчас снова отправился на схватку.

— Очень мужественный, — добавила присоединившаяся к ним Беа.

И это тоже. Мэдди вспыхнула, вспомнив, как мастерски он удовлетворил ее в ателье... И — дважды. Она верила, что проведенным в одиночестве ночам, когда она в страстном томлении металась по постели, пришел конец.

— Что ж, Мэдди, девочка, — начала Коррин, хлопнув носом, — нам нужно выпить две бутылки шампанского и упаковать твои вещи до возвращения жениха.

Мэдди кивнула, затем приступила к дележу между подругами свалившихся с неба денег и ее купонов. Упаковав несколько дорогих для нее вещей, они сидели на балконе, потягивая шампанское, в ожидании прихода Маккаррика.

Она была потрясена, осознав, что, возможно, они в последний раз сидят так втроем.

— Если все пойдет хорошо, я пришлю вам еще денег, как только смогу. — На самом деле она задумала выслать деньги на дорогу, но не хотела обнадеживать, пока не убедится, что может полностью доверять ему.

— А если не все пойдет хорошо? — спросила Беа. Мэдди помолчала.

— Коррин, ты можешь придержать мою комнату на пару месяцев, просто на всякий случай?

— Естественно, — ответила Коррин. — Но я надеюсь, что у тебя с ним все получится, — добавила она. — Запомни, Мэдди, от волевого мужчины с помощью меда получишь больше, чем с помощью уксуса.

Мэдди отпила шампанского.

— А если у меня мед кончится?

«Что для нее хуже? — раздумывал Итан, возвращаясь в трущобы, после того как покончил с Тумаром. — Связаться с таким, как я, или оказаться брошенной?»

В душе Итан был законченным эгоистом. Ну, заберет он ее с собой, а каково ей придется, когда ему, в конце концов, надоест напускать на себя благородный флер?

Мужчина не может изменить свою натуру.

Но мысль о том, чтобы оставить ее, казалась настолько неприемлемой, что вызывала чуть ли не физическую боль.

Если не вытащить Мэдди из этой трущобы, то она в лучшем случае превратится во вторую Коррин, надрывающую жилы и преждевременно состарившуюся. Или станет как Беа, а то и того хуже. Потом у Мэдлин появится какой-нибудь мужчина, который будет задираить ее юбки в вонючем переулке, а его приятель будет стоять рядом в ожидании своей очереди.

У Итана непроизвольно сжались кулаки. Если бы все пошло по задуманному Тумаром сценарию, то ее падение было бы делом всего нескольких недель.

Итан сразу понял, что ему придется убить Тумара. Когда же тот сам сообщил, что намеревался сделать с Мэдлин, а именно: опробовать ее, перед тем как отправить зарабатывать, — Итан уже горел желанием убить. Он застрелил бы Тумара хладнокровно, но тот бросился на него.

Сломал руки громилам? Что ж, он сделал это исключительно из спортивного интереса.

Если Итан бросит Мэдлин, найдутся другие Тумары, желающие заманить такую девушку в свои гнусные сети, а перспектив на замужество у нее нет. Разве что чертов Куин.

Нельзя забывать об этом. Узнав, что Итан оставил Мэдлин, Куин тут же примчится в Париж спасти ее. Может быть, стоит предоставить ему этот шанс?

Но сама мысль о том, что Мэдлин может сойтись с Куином, оказалась слишком мучительной.

«Пошло все к черту, не предпринимай решительных шагов». Итан любил планировать свои действия. Теперь, когда первоначальный план потерпел крах, он обдумывал, как поступить в сложившейся ситуации. Налицо были следующие факты. Во-первых, самая желанная женщина из всех, кого он когда-либо встречал, выказывает ответное желание. Во-вторых, он несет ответственность за ее безрадостное прошлое и может сейчас избавить ее от дальнейших неприятностей. В-третьих, он поклялся, что не успокоится, пока снова не будет обладать ею, а если он принимает решение, то стремится выполнить его. В-четвертых, он мог вытащить ее отсюда — в конце концов, она была бы благодарна ему за это.

И все же когда добрался до ее дома, Итан еще пребывал в нерешительности. Потом увидел ее, бегущую навстречу ему с радостной улыбкой. Подбежав, Мэдлин осмотрела его, проверяя, не ранен ли он. Вскоре вышли и Коррин с Беа, чтобы проводить их и передать Мэдлин небольшую сумку.

— Напиши нам, — сказала Коррин, глядя на нее, и смахнула слезу.

— Непременно. — Обняв их обеих, Мэдлин шмыгнула носом. — Берегите друг друга.

Беа кивнула со слезами на глазах, и снова они долго прощались, потом он увел Мэдлин. Они поднимались на холм, и она не переставала, оборачиваясь, махать подругам, пока те не скрылись из виду.

Когда они стояли, поджидая экипаж, Итан сказал:

— Мэдлин, мне нужно поговорить с тобой. — Казалось, все вокруг таращатся на них. —

Я тут подумал...

— Понятно. — Непохоже было, чтобы она удивилась. Неужели она предвидела, что он разочарует ее?

Почему? Он ведь явно нравился ей. Он не очень-то нравился даже братьям — хотя они готовы были умереть за него, Итан был в этом уверен, — вызывал недоверие у Корта, постоянно расстраивал Хью.

Что почувствовал бы Хью, доведись ему узнать, что старший брат лишил девственности незащитную сироту, а потом бросил ее в Париже?

Слова, сказанные Хью перед прощанием в Лондоне, эхом прозвучали в голове Итана: «Что, если она та, единственная? Ирония будет заключаться в том, что ты наконец-то нашел ее и должен остаться с ней».

Но Итан заставил ее страдать. И чем дольше она оставалась с ним, тем больше была вероятность того, что он снова причинит ей боль. Просто такова была его натура — ну не мог он доставлять радость другим.

Возможно, ей нужно все же понять, каков он на самом деле.

— Что ты хочешь мне сказать? — спросила Мэдди, стараясь скрыть разочарование.

Она понимала, что все слишком хорошо складывалось, чтобы оказаться правдой, а сейчас, судя по виду Маккаррика, его угнетали какие-то мысли. Только чтобы не молчать, она спросила:

— Ты заплатил Гумару?

— Ты ничего ему не должна, — ответил он загадочно. Мэдлин нахмурилась:

— Ты... убил его?

— Да, я засадил пулю ему в череп. — Он глянул на нее, желая узнать, как она среагирует.

Мэдлин вздохнула. «Защитник вернулся из боя». Когда она ответила кивком, он, казалось, растерялся. Наверное, надеялся, что она убежит.

— Черт с ним, девочка. Почему ты на меня так смотришь? Меня это не беспокоит. И я просто сообщил тебе, что убил, к чертовой матери, человека сегодня днем.

Может, у Маккаррика и не было никаких задних мыслей? Может, он просто испытывает вину за содеянное?

— Надеюсь, из-за этого ты не чувствуешь себя виноватым. Марэ вздохнет свободнее без Тумара. Но нам нужно подумать о том, как вывезти тебя из города. Как ты думаешь, мы можем попасть на борт теплохода до его завтрашнего отхода?

Он замер, потом вскинул голову.

— Я никогда не постигну тебя. Потому что ты сумасшедшая.

Мэдди отмахнулась.

— Ты предлагал ему заплатить? — спросила она. Он ничего не ответил.

— Значит, ты предложил заплатить ему, а он отказался. Ему совсем не нужны были мои деньги. Он намеревался заставить меня работать, как Берту?

Глаза Маккаррика с яростным блеском в их черной глубине впились в нее.

— Да, после того как сам переспал бы с тобой, — сказал он срывающимся от негодования голосом.

— Понятно. — Она почувствовала накатившее отвращение. — Что ж, он не оставил тебе выбора. Если он отказался от твоих денег, а я покинула бы город, он отыгрался бы на Беа и Коррин. А что ты сделал с его людьми?

— Я переломал, их чертовы руки.

Непонятно, что он увидел в выражении ее лица, но взорвался:

— Не надо опять. Прекрати смотреть на меня так.

— Да, хорошо. Но нам действительно нужно выбираться отсюда, и побыстрее. — Мимо них проезжал экипаж, она свистнула, подзывая его, но он не остановился. Мэдди выругалась. Потом неожиданно округлила глаза. — О, Маккаррик, а как твоя рана? Твои швы не разошлись, а?

Он прошелся пятерней по волосам.

— Ты не... у тебя не все в порядке с головой, если это не волнует тебя. Ты ничего не хочешь знать, потому что тебе очень хочется вырваться из этого треклятого места.

— Я столько раз видела здесь смерть, что Тумар не заслуживает даже воспоминания.

— Тумар далеко не первый убитый мной.

— Я так и думала. Подозреваю, что ты занимаешься какими-то опасными, секретными делами.

— Да, и намерен продолжать, даже когда женюсь. Мэдди всматривалась в его лицо.

— Дело ведь не в том, что ты испытываешь вину, правда? Просто пытаешься отделаться от меня.

Он промолчал. «Черт, нет!»

У нее есть кольцо, деньги и одежда; с Тумаром разобрались. Перед ней опять забрезжило будущее. Почему бы ей, не отмахнуться от всего этого как от приятного визита, который подошел к завершению?

Потому что она хотела его. Ей не хватало его неумелых улыбок. Ей не хватало того, что

он подарил ей сегодня утром, — невообразимого удовольствия.

— Так и есть. — «Протестуй... скажи, что это не так!» Он по-прежнему молчал. — Тогда есть предложение. Сделай что-то действительно ужасное, чтобы отпугнуть меня. Сделай что-нибудь намного хуже убийства калечившего молодых женщин бандита, чтобы защитить меня и моих подруг. Послушай, я уже большая девочка, — сказала она с фальшивой бравадой. — Я пойму, если ты передумал, — соврала она, зная, что проплачет много дней, если он ее бросит. — И, очевидно, я сделала что-то...

— Нет, ты здесь ни при чем, — тут же страстно запротестовал он.

— Тогда почему ты так настойчиво преследовал меня прошлой ночью, а сейчас даже не можешь посмотреть мне в глаза? Ведь ничего не изменилось, кроме того, что ты лучше узнал меня. — Она не смогла сдержать слез.

Он провел рукой по своей шее.

— Проклятие! Девочка, послушай, все, что я узнал о тебе, мне понравилось. Возможно, я понял, что ты достойна лучшей партии, чем я.

— Что ты имеешь в виду?

Маккаррик проскрипел нехотя, будто вытягивая из себя слова клещами:

— Когда я уезжал, Куин думал, что ты, вероятно, оказалась... в компрометирующем положении.

— Что значит «в компрометирующем положении»?

— Он подозревал, что дела у тебя обстоят не так, как он думал. Куин намеревался... приехать и жениться на тебе, если я не сделаю этого, — добавил Маккаррик тише.

Мэдди приоткрыла рот. Этим и объясняется нерешительность Маккаррика? Неужели он считал, что Куин лучше? Куин хороший человек, и ей было бы лестно заполучить его в мужья, но ее никогда так не влекло к Куину, которого она знала всю жизнь, как к этому грубому едва знакомому горцу.

— Он как раз тот, кого ты добивалась, поэтому ты могла бы...

— Мне не нужен Куин. Мне нужен ты.

У него был такой ошарашенный вид, будто она стукнула его по голове. Маккаррик кашлянул в кулак, прежде чем смог заговорить:

— Ты что, не слышишь? Ты можешь выйти замуж за мужчину, за которым охотилась.

— За которым я охотилась до встречи с тобой. — Перед ними, наконец, остановился экипаж. — Я сказала тебе, Шотландец, чего хочу. Поэтому решай, как поступишь со мной. Но принятое сейчас решение должно быть окончательным.

Итан открыл дверцу экипажа, но задержался, стиснув ручку с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Мэдди набрала в грудь побольше воздуха.

— Ты не можешь уехать, а потом вернуться за мной через месяц, не можешь также бросить меня через несколько недель...

Раздраженно фыркнув, он схватил ее за талию и притянул к себе.

— Тогда полезай в экипаж, — сказал он со злостью, заталкивая ее внутрь.

Итан сидел, уставившись в потолок вагона и обдумывая важность предпринятого им шага.

Девчонка, по-видимому, решила приклеиться к нему намертво. Потому что полюбила. Он признался в убийстве, а она снова одарила его тем обожающим взглядом.

Иногда пребывание в ее обществе напоминало ему их с Хью вылазки на охоту. Его брат был прекрасным стрелком, настолько быстрым и метким, что даже Итану, которого не назовешь нерасторопным, стало казаться, что он теряет время, стараясь лучше прицелиться, и это его раздражало. Нечто подобное происходило и при общении с Мэдлин. Он все старался лучше взглядеться. Она всегда сбивала его с толку.

Если бы Итан не был таким осторожным, то мог бы привыкнуть к этим ее взглядам.

А когда она встретила его у дома, а потом с глазу на глаз сказала, что предпочитает его Куину? Ликование, которое он ощутил, было просто неописуемым.

— Хочу предупредить тебя, — сказала Мэдлин, — поезда имеют обыкновение действовать на меня, — она сладко зевнула, — усыпляюще.

Через пять минут после отправления ее тело обмякло и она уткнулась лбом в его плечо, но тут же встрепенулась. Так повторялось несколько раз, пока Итан не сказал:

— Спи. Я буду оберегать твой сон. Мэдлин кивнула.

— А можно мне прилечь здесь? — Она пожирала его грудь таким голодным взглядом, словно всю жизнь мечтала спать на ней.

— Я думал, ты любишь спать одна.

— Только в постели.

— Почему? — Не подумав о последствиях, Итан похлопал себя по груди, призывая Мэдлин лечь. Та с готовностью прильнула к нему, и его рука непроизвольно обняла ее. — Почему только в постели?

— Когда я сломала руку, то попала в больницу для неимущих. Там укладывали по четыре девочки на койку. — Ее голос звучат все тише. — Каждую ночь эти девочки метались в горячечном бреду и постоянно били меня по больной руке. Если бы пол не был очень холодным и грязным, я предпочла бы спать там. — Она замолчала, и он подтолкнул ее, призывая продолжить рассказ. — Пришлось провести там много дней, прежде чем меня выписали.

— Твоей матери тогда уже не было в живых? Мэдлин вздохнула:

— Коррин сказала тебе.

— Да. Не вини ее. Я, как ты знаешь, могу быть убедительным. Ну, отвечай же на вопрос.

— Нет, еще жива была.

— Почему же тебя поместили туда?

— Моя мать просто... забыла о моем существовании на некоторое время. Когда подыскивала нам новое место для жилья.

Итан прикрыл глаза. Да, он-то думал, что у нее должно быть много общего с Сильвией, а оказалось, что у нее больше общего с ним самим. Они оба пострадали из-за этой женщины.

— Почему ты не сказала мне, что твоя мать умерла?

— Слово «сирота» звучит так... жалко. А я не хотела, чтобы Клодия и Куин знали, как ужасно я живу... жила в Марэ. Я не знала, можно ли доверять тебе, не расскажешь ли ты

друзьям.

— Как умерла Сильвия? — Мэдлин отпрянула.

— Ты ее знал? — спросила она, нахмурившись.

— Никогда не встречал ее, — легко солгал Итан.

— Ты назвал ее по имени.

— Куин говорил мне, как звали твоих родителей, и Коррин назвала ее имя сегодня. —

Он положил ладонь на ее голову и притянул к себе.

— О, что ж, она умерла от холеры, когда мне было четырнадцать.

Смерть от холеры мучительна. Он не раз был очевидцем кончины несчастных жертв, когда организм полностью обезвоживался, от боли и спазмов разрывало мышцы, кровь в жилах густела, и все это время жертва находилась в сознании, ясно сознавая, что умирает.

Итан ощутил злорадное удовольствие, узнав, что Сильвия обрела свой конец подобным образом, но через мгновение всполошился:

— Ты не была... ты не была с ней, когда она умирала?

— Была. Но она очень быстро скончалась. В течение дня. Господи, ей пришлось пережить еще один ужасный момент.

— Ты не заразилась от нее? Холера — очень заразная болезнь, нужно знать, как предотвратить ее распространение.

Мэдлин напряглась.

— Послушай, Итан, я гораздо сильнее, чем кажусь.

— Конечно, девочка. — Мэдлин оказалась одной из самых сильных женщин, с которыми ему доводилось встречаться, хотя и выглядела как беззащитная нищенка. Она была также отважной и находчивой.

Итан мог часами любоваться ею.

Он взял ее с собой. И, да поможет им Бог, был этому рад.

* * *

Мэдди проснулась одна в просторной, роскошно обставленной каюте. Круг яркого солнечного света проник сквозь иллюминатор внутрь, свидетельствуя о наступлении позднего утра. Она вспомнила, что отключилась в поезде вчера ночью, и предположила, что на ее состоянии сказались напряжение последних нескольких недель. Наверное, Итан перенес ее на борт и уложил в постель.

Мэдди встала и огляделась. Провела пальцами по отделанной позолотой палисандровой мебели, потом по богатому стеганому одеялу.

Кровать и ванна были такими же большими, как в отеле. Фактически все в этой каюте было большим, будто кто-то поспорил с интерьерным дизайнером, что он не сможет спроектировать на судне такие просторные удобства. Итан явно предпочитал все лучшее.

Мэдлин захотелось найти Итана и осмотреть судно, поэтому она быстро умылась и надела облегающее шелковое темно-синее платье. Она едва успела распаковать, широкополую шляпу с приличествующей платью синей лентой, как он вернулся в каюту.

— Здорово, ты проснулась.

— С добрым утром, Шотландец, — откликнулась Мэдди с очаровательной улыбкой.

Он почему-то нахмурился:

— Похоже, ты хорошо отдохнула.

— А как же. Думаю, я проспала часов восемнадцать. — Она обвела рукой каюту: — Я могу привыкнуть к этому. Ты не шутил, когда сказал, что корабль будет роскошным.

Итан сел у прикрепленного к полу каюты стола и жестом пригласил ее сесть на постель.

— Коль скоро мы уже здесь, то я хочу поговорить с тобой кое о чем. О некоторых правилах.

— Что ж, давай. — Мэдлин села, сложив руки на коленях.

— Прежде всего, смотри, чтобы не было никакого воровства. И мы будем вести себя как супруги — это означает, что ты не будешь ни с кем флиртовать, как это делала в таверне, — раздраженно произнес он. — И повторяю: не вздумай воровать. Поняла? Мэдлин невинно заморгала.

— У меня такое ощущение, что ты не хочешь, чтобы я... воровала? — Затем, уже серьезнее, добавила: — Мне не нравилось брать не принадлежавшие мне вещи. Я делала это только из необходимости. Не будет необходимости, и воровать не буду. Все очень просто.

— А как насчет флирта?

— Ревнуешь, Шотландец?

— Еще чего. Если ты будешь демонстративно заигрывать с другими мужчинами, у людей появятся сомнения относительно нашего супружества.

— Это все правила? Соблюдать их будет нетрудно. Как долго мне говорить, что мы женаты?

— Неделю. Это наш медовый месяц.

— Должна ли я ласкаться к тебе на людях?

— Совсем нет. Я не хочу, чтобы ты везде сопровождала меня. Нам незачем постоянно быть вместе. — Она с удивлением смотрела на него. — Понимаешь, Мэдлин, я долгие годы прожил холостяком, причем одиночкой. Меня станет раздражать, если ты все время будешь рядом.

Хотя слова Итана задели ее, она беспечно постучала себя пальцем по виску:

— Держись подальше.

— На судне более ста пятидесяти пассажиров. Уверен, что, если захочешь, ты сможешь подружиться, с одной из замужних дам.

— Я не замужем.

— Они не знают этого. Тогда ты сможешь развлекаться весь день.

— Я постараюсь завести друзей и занять себя, чтобы не мозолить тебе глаза.

— Я хотел бы, чтобы ты возвращалась в каюту после захода солнца.

— Очень хорошо. Ты меня славно проинструктировал. — Мэдлин встала, поцеловала его в щеку и взяла свою сумочку.

— Значит, ты уходишь?

— Конечно, — ответила она жизнерадостно. — Чудесного тебе дня.

Мэдлин вышла, оставив сбитого с толку Итана в каюте. Неужели он ждал, что она станет отстаивать свое право находиться рядом с ним? Не могла же она заставить его захотеть проводить с ней больше времени. Это должно постепенно прийти само собой.

К тому же Мэдди хорошо понимала, каково быть обремененным кем-то, поэтому предпочла не навязываться. Мать была довольно надоедливой, и ее постоянные приставания выводили Мэдди из себя. Она ни за что не станет вести себя так же. Будет выдерживать дистанцию, находиться на расстоянии — вот как она поведет себя.

Выйдя на палубу, Мэдди обнаружила, что «Голубая лента» — самый красивый из ранее виденных ею кораблей. Это был элегантный пароход с полной парусной оснасткой. И никаких гребных колес выше ватерлинии. Мэдди решила спросить об этом Итана. Если бы не две трубы, она могла бы поклясться, что это парусное судно.

Хотя они должны были отправиться только вечером, во время высокого прилива, судно уже оказалось заполненным. Супружеские пары неспешно прогуливались по палубе, где уже были расставлены карточные столы со специальными держателями для карт, чтобы их не сдуло ветром. Няни гуляли с детьми между блестящими на солнце палубами.

Суэта помогла ей отвлечься от неприятных мыслей, и уж, коль скоро выпал свободный от забот день, она сполна насладится этим. Можно будет выпить чаю, полежать в шезлонге и порадоваться тому, что обувь не жмет. Вот это жизнь!

Налетел порыв ветра, хлестнул по плотной ткани ее платья. Ей нравился шуршащий звук материала. Быстро оглядев палубы, она убедилась в том, что ее платье самое лучшее.

Мэдди обратила внимание, на группу сидевших молодых дам, которые напомнили ей посетительниц кондитерской, хотя эти были богаче. Мэдди чуть выставила вперед подбородок, но только для того, чтобы можно было слегка наклонить голову, когда она с величественной осанкой будет проходить мимо них.

На всех были драгоценные украшения: жемчужные серьги, кольцо и алмазные броши. У Мэдди возникло ощущение, что у нее голые уши и шея. Но это не имело значения, поскольку она всегда могла в зависимости от ситуации придумать веский довод в оправдание отсутствия у нее драгоценностей в данный момент. «Смелость города берет». Или, как говорят французы, «смелость делает королев».

К тому времени, когда пароход вошел в порт, она убедила других замужних молодых женщин, что очень хотела бы носить все свои многочисленные драгоценные побрякушки, но привыкла слепо следовать моде, а в нынешнем году парижская мода диктует отказаться от ношения драгоценностей, если вы не на дворцовом приеме.

— Мэдлин, черт возьми, — кричал Итан, — я сказал, просыпайся!

Мэдди подпрыгнула в кровати, тараща спросонья глаза и тяжело дыша. У нее были мокрые щеки, простыни были скомканы. Молча уставилась в темноту, слезы все еще катились по ее щекам.

Итан зажег фонарь и с озабоченным лицом вернулся к кровати. Он неловко похлопал Мэдлин по плечу, потом убрал руку.

— Ну что ты? Тебе следует... ты должна прекратить плакать. Сейчас же. — Похоже, он растерялся при виде ее слез. — Почему тебе приснился кошмар? Потому что ты оказалась далеко от дома?

— Нет, они у меня часто бывают, — ответила она шепотом. Было так обидно. Они провели прекрасный вечер после ее возвращения в каюту. Поужинали, потом целовались, ласкали друг друга, и вот...

Мэдди не хотела, чтобы он знал, что ее мучают кошмары; по крайней мере пока не хотела. Она вспомнила, что вычитала когда-то у Гоуди в популярном дамском журнале «Гоудиз леди бук». В предисловии говорилось, что потенциальных женихов привлекают веселые, беззаботные женщины. «Невесты из счастливых семей создают счастливые семьи», — заявлял автор.

Итан теперь знает, насколько она не беззаботна.

— Хочешь рассказать, что тебе приснилось? — спросил он.

Даже если бы Мэдди хотела, она не готова была рассказать ему в подробностях о своем кошмаре. Или о мучившем ее страхе, что она будет такой же плохой матерью, как ее собственная. Когда она замотала головой в ответ, он, похоже, почувствовал облегчение. К его чести, он все же добавил:

— Тогда, может быть, завтра?

— Может быть, — ответила она, потом показала на фонарь. — Мы можем оставить свет?

Увидев, что он нахмурил брови, Мэдди быстро добавила:

— Если только не придется платить за масло.

— Если тебя только это беспокоит, мы все здесь зальем светом.

— Я всегда задавалась вопросом, зачем пребывать в темноте, если можно позволить себе обратное? — Она смахнула остатки слез со щек. — Тебе, Итан, снятся кошмары?

— Раньше снились, теперь нет.

— Правда? — удивилась Мэдди. Больше всего ее удивило то, что он признался в этом. — Как тебе удалось избавиться от них?

— Я позаботился о том, что доставляло мне хлопоты. — Она непонимающе посмотрела на него. — Я не оставляю зло без ответа. Кое-кто причинил мне боль... — Его лицо приняло такое жесткое выражение, что ее охватил озноб. — И я отплатил за это.

Напоминая себе, что нельзя мошенничать, Мэдди метала банк, собрав вокруг себя кружок игравших в «двадцать одно» молодых женщин. Они считали ее баснословно богатой, а стиль поведения авангардным, и поскольку она не носила украшений, они тоже перестали носить их.

Итан был поражен, узнав, что она подружилась не с одной дамой, а с целой чертовой дюжиной молодых женщин. Она проводила все дни со своими новыми знакомыми, не досаждая ему.

Так что он мог спокойно читать сельскохозяйственные журналы в душевной клубной комнате.

Уже на пятый день после обручения Мэдди начала скучать по Шотландцу. Но после того ночного кошмара он стал вести себя с ней еще холоднее, чем прежде. Мэдди часами играла в карты и кости, выслушивала рассказы женщин об их мужьях и детях и таким образом проводила все дни до захода солнца.

В их группе Мэдди больше всего нравилась Оуэна Декиндирен. Это была серьезная молодая уроженка Уэльса, вышедшая замуж за бельгийского бизнесмена. Хотя ей было всего двадцать лет, она уже имела двоих детей.

Задумавшись, Мэдди едва расслышала, как она сказала:

— Не всем выпало такое счастье, как Мэдлин с ее внимательным мужем.

Мэдди перестала мешать карты и нахмурилась:

— Что ты имеешь в виду?

— Сначала я думала, что твой муж руководит твоей игрой, как мой Невилл, — сказала Оуэна. — Но, клянусь, у меня сложилось такое мнение, что ему просто нравится смотреть на тебя.

— О да, — саркастическим тоном ответила Мэдди. — Он такой внимательный, что подходит разок в день.

— Нет-нет, — заметила другая женщина. — Это он подходит к вам только раз в день, но мы часто видим, как он задерживается здесь.

— У него такой хмурый вид, — усмехнулась Оуэна, — и... голодный. — Женщины прыснули, и их страусовые перья дрогнули.

Но почему он бывал рядом и не подходил? — подумала Мэдди, автоматически перемешивая карты. Почему он так отстраняется от нее?

Осознание причины поразило ее, и карты разлетелись среди партнеров.

«Итан уже запал на меня!»

Мэдди пробормотала извинения и быстро собрала карты со стола. Да, он влюбился. Именно поэтому он и проявляет такую отчужденность.

— Может быть, я буду сдавать, Мэдлин? — спросила удивленная Оуэна. — У тебя такой рассеянный вид.

— О да, пожалуйста, — ответила Мэдди, не в состоянии собраться с мыслями...

Мэдди считала, что достойна любви, несмотря на то, что ее не любила собственная мать, ею не увлекся Куин, да и Итан не всегда хорошо относился к ней.

Она вообще-то нравилась людям и легко заводила друзей. А если включала свой шарм, то была почти неотразима. Мэдди решила, что у Маккаррика нет шансов устоять, и бедняга, наверное, чувствовал, что его сердце поддается. Это и объясняет его нарастающую холодность.

Естественно, что в защиту пошатнувшегося реноме ему приходилось напускать на себя неприступный вид. Для холостяка в его возрасте решиться на женитьбу — это одно, но отдать свое сердце — совсем другое.

И Шотландец уже выказывал свою постепенно растущую привязанность. Каждую ночь они предавались ласкам, целовались, болтали и изучали тела друг друга. Он подсказывал,

какие ласки нравились ему, и старался выяснить, чего хотелось бы от него ей.

Маккаррик ласково водил носом по ее шее и грудям, нежно целовал в губы. Он говорил комплименты, доставлял ей удовольствие, а потом грубо приказывал засыпать, прижавшись к нему.

Когда они оставались одни в каюте, он беззастенчиво ходил нагишом, что делал бы любой мужчина с такой статью, а она лежала на животе, подперев ладонями подбородок, и дивилась. Наблюдая за движениями его обнаженного тела, она невольно вспоминала некоторые подсмотренные в Марэ сцены. Мэдди представляла его в этих сценах, и ее все больше разбирало любопытство.

Каждое утро она присоединялась к Маккаррику в ванной и начинала исследовать его, в то время как он безуспешно пытался сосредоточиться на бритье. Она водила пальцами по его спине, потом по груди и ниже, что всегда заканчивалось их перемещением в кровать.

Мэдди все больше привязывалась к нему. Каждый физический контакт с ним вызывал у нее желание повторять это снова и снова, и любовь к нему становилась все сильнее. Особенно с тех пор как он вновь стал проявлять столь импонировавшее ей чувство юмора. Мэдди умилялась каждый раз, когда он с неловкой усмешкой подначивал ее.

Сегодня во время завтрака Маккаррик оторвался от газеты и спросил:

— Ты мошенничаешь, когда играешь в карты на палубе?

— Зачем мне это? Выигрывать у пассажиров так же легко, как охотиться на коров.

— Зря смеешься, девочка, — заметил Маккаррик раскатистым басом. — Коровы бывают коварными животными.

Мэдди похлопала ресницами.

— Итан, ты стал бы рисковать своей жизнью, чтобы спасти меня от бешеной коровы?

— Да. — Он вновь взялся за газету. — Я расправился бы с этой жвачной тварью.

Мэдди смеялась, пока он не сложил газету и не скривил губы в своей неумелой ухмылке.

Она радостно вздохнула. Маккаррик, конечно, будет сопротивляться.

Но, в конце концов, все равно сдастся.

Именно тогда, во время игры в «двадцать одно», она решила, что обязательно влюбит в себя непокорного горца.

Когда Итан сказал, чтобы Мэдлин держалась в стороне от него, она его послушалась, и в этом была проблема.

Он предполагал, что она подружится с одной, может быть, с двумя женщинами, а не соберет вокруг себя целую толпу, которая будет ходить за ней по пятам и вторить ей во всем. Они даже перестали носить драгоценности, потому что она не носила их.

Мэдлин, безусловно, была очаровательной и общительной, но Итана тем не менее удивляла та легкость, с которой она заводила друзей. Поскольку он никогда не отличался таким умением, ему всегда казалось, что это очень сложное дело.

Мэдлин целыми днями играла в карты и сплетничала с подругами, не испытывая особых проблем от того, что не общалась с ним.

А это означало, что если он хотел видеть ее, то приходилось рыскать по всему судну. Итан стремился держаться в стороне и большую часть времени проводил в клубной каюте судна. Поскольку большинство пассажиров-мужчин были джентльменами без определенного рода занятий и землевладельцами, на судне в основном наличествовали периодические издания сельскохозяйственной направленности.

Итан не разбирался в этом. Он мог стрелять из гаубицы, поразить живую цель между глаз с расстояния восьмисот метров, был осведомлен о геополитической ситуации во всех европейских и азиатских странах, но новейшие технологии обработки глинистых почв были для него совершенно чуждыми.

Он решил, что, поскольку направляется в Карийон, одно из своих действующих поместий, можно, пока он будет там, ознакомиться с агротехникой. Поэтому он погрузился в чтение журналов, чтобы научиться чему-нибудь, а заодно отвлечься от мыслей о Мэдлин.

Но находиться в стороне от нее оказалось не так легко, особенно зная, что его ждет вечером. В тех редких случаях, когда он подходил к ней, ее лицо начинало светиться, что делало их встречи вдвойне приятными. Итан не мог припомнить, чтобы кто-то еще улыбался при встрече с ним, и ему всегда приходилось сдерживать себя от желания оглянуться.

Сегодня он не смог и часа продержаться один — отправился на ее поиски. Его устраивало даже скрытое наблюдение за ней издалека.

Так он и проводил дни, томясь и считая часы, оставшиеся до ночи, когда она будет принадлежать только ему.

Он, Итан Маккаррик, добивался внимания женщины.

И чувствовал, что почти перестал проявлять бдительность в отношении Мэдлин. Он поймал себя на мысли о том, что ему интересно, как она отнесется к Каррикклиффу, а также к его братьям и их женам, и это было, по меньшей мере, странно.

Мэдди и Джейн уже были знакомы. Это может вызвать осложнения, если он сделает что-нибудь такое, что заставит девушку страдать.

Не говорил ли Куин, что Итан уже не в состоянии ни с чем разобраться?

«Браво, Куин, прищучил. Но она выбрала меня, а не тебя».

Все наскучило. Он привык держаться особняком, но сейчас не был уверен, что это правильно. По крайней мере, в отношении ее. Несмотря на настойчивые выискивания в ней хотя бы чего-нибудь, что пришлось бы ему не по нраву, он все время убеждался в том, что она отлично подходит ему.

Каждую ночь они с Мэдлин давали волю своим страстям. Он испытывал огромное удовольствие от прикосновения ее рук. — К этому можно привыкнуть, если забыть об осторожности.

К рассвету у них каждый раз происходили баталии, когда он пытался заставить ее спать прижавшись к нему, вместо того чтобы свертываться калачиком.

Если еще неделю назад кто-то сказал бы Итану, что придется бороться, чтобы заставить женщину прильнуть к нему во сне, он рассмеялся бы.

Ему казалось, что стоит еще раз овладеть ею, и наваждение пройдет. Поэтому каждый раз, лаская ее, старался заходить все дальше. Дольше задерживал в ней пальцы, желая вызвать у нее жажду ощущения быть заполненной, влечение к нему, к его телу. С другой же стороны, получалось так, что и он все больше хотел ее.

Итан подозревал, что вызывает что-то большее в ней, но не знал толком, что именно.

И, тем не менее, в главном она оставалась непоколебимой. Он уже почти уверовал в то, что она не станет спать с ним до свадьбы. Если это так, то по прибытии Итану придется оставить Мэдлин на несколько недель, прежде чем она потребует, чтобы он вступил с ней в брак. Или она уедет.

Сейчас ни один из этих вариантов не был приемлемым.

Начал формироваться план. Другим женщинам нравилось его жесткое обращение.

Холодное и властное отношение помогало ему в прошлом залезать под юбки столько женщин, что он сбился со счета. Это могло сработать и с ней.

Той ночью, после того как они поужинали, приняли совместно ванну и обнаженными легли в кровать, Итан вновь и вновь пытался воплотить свой замысел в отношении Мэдди.

Потчевал Мэдди шампанским, но все равно вел себя сухо и холодно, что забавляло ее, поскольку она считала, что с его стороны это проявление отчаяния — последний рубеж обороны холостяка.

Она могла улучшить его настроение. Для нее это не представляло труда, поскольку идея соединить свою жизнь с ним все больше привлекала ее, особенно после такого дня, как сегодня. Она оставила недоеденным ужин, и для того, чтобы попить чаю, ей не пришлось затаскивать ведро воды через окно, к тому же сегодня вечером, после легких, дразнящих ласк в ванной, осталось невысказанное обещание грядущего восхитительного наслаждения.

— Итан, я заметила, что ты почему-то недоволен мной сегодня. Я сделала что-то оскорбившее тебя? — невинно спросила Мэдди.

«Кроме того, что намереваюсь разрушить возведенную тобой вокруг сердца стену».

— Я хочу обладать тобой, — ответил он. — Ты уже считаешься моей, и я хочу заявить на тебя свои права. Я имею в виду, что сегодня войду в тебя.

— Честно говоря, Шотландец, твои смены настроения настолько сбивают меня с толку, что я едва ухитрюсь подстраиваться. Возможно, это шампанское или я чересчур чувствительна, но ты обращаешься со мной очень странно.

Он вдавил ее плечи в матрац и навис над ней всем своим мощным телом. Но она нисколько не испугалась.

— Ложись на спину, девка. Она фыркнула:

— Ты назвал меня девкой? Что ж, ты слишком долго общался с ними. Иногда я забываю, насколько ты стар. Сколько тебе все же? Тридцать семь? Тридцать восемь?

— Мне тридцать три. — Будучи в полном замешательстве, он отпустил ее. — И я... ты находишь меня слишком старым для тебя?

— Совсем нет, Итан, — честно ответила Мэдди.

— Тогда признайся, что не хочешь спать со мной из-за моего шрама. До получения его у меня никогда не было проблем с обольщением женщин.

Она рассмеялась, схватившись за живот и катаясь по постели.

— Ты напрашиваешься на комплимент?

— С ума сошла? Прекрати, к черту, смеяться. Далеко не сразу, но она успокоилась.

— Извини, я просто не могла предполагать, что ты такой тщеславный.

— Я не напрашивался на комплимент.

— В таком случае как ты объяснишь свое только что высказанное предположение, когда точно знаешь, почему я не сплю с тобой, и знаешь, что это не имеет никакого отношения к твоей внешности? Поэтому, чтобы утолить твое непомерное тщеславие...

— Ведьма проклятая, я не...

Казалось, слова застряли у него в глотке. Он свел брови с совершенно растерянным видом.

— Я собиралась сказать тебе еще в то утро в Париже, но ты начал издеваться над моей бедностью и я не стала рассказывать об обнаруженной щели в твоей броне.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он отвел взгляд.

— А шрам?

— Мне жаль, что тебя ранили, не знаю, в какой схватке. — Мэдди провела подушечками пальцев по шраму, и он прикрыл глаза. — Но эта отметина свидетельствует о том, что ты сильный человек, закаленный в перипетиях нелегкой жизни.

Маккаррик почесал шею.

— Я не понимаю тебя.

— Все это проверка, так ведь? Ты хочешь убедиться, насколько сильно я к тебе привязалась, смирюсь ли с твоей угрюмостью и смогу ли жить в браке с тобой.

— Что ж, если тебе так хочется думать. А единственный способ доказать это — позволить мне обладать тобой сейчас.

— Шотландец, это нечестно.

— Ты не хочешь убедить меня?

Мэдди прикусила губу, гадая, как он отреагирует на ее попытку сделать то, что она неоднократно представляла себе, и что всегда вызывало у нее живейшее любопытство.

— Мне интересно знать, — она прильнула губами к его груди, — есть ли еще какой-то способ доказать мою любовь к тебе. — Последовал еще один поцелуй, но уже ниже. Он весь напрягся и ощутил пульсацию своего члена. — Способ, который представлялся мне в воображении.

— Ты не можешь говорить об этом. — Маккаррик потряс головой, потом выдохнул с присвистом, ощутив горячее дыхание Мэдди, когда она повела губами по дорожке волос вниз от его пупка. Он схватил в ладони ее лицо. — Ты красивая девочка, ты... — Он содрогнулся и обхватил ее ногами. — Ты думала... ты думала об этом?

— Угу, — пробормотала она, целуя твердые шашечки его пресса. — Когда я смотрю, как ты бреешься.

— Не надо меня так дразнить. — Его лицо исказилось, словно от боли. — Ты представить себе не можешь, как мне хочется этого.

— Мне всегда было любопытно попробовать это. — Мэдди медленно провела щекой по его члену, и он широко раскинул колени.

— Отбрось волосы, я хочу видеть, как ты возьмешь меня.

Мэдди отбросила волосы набок и, склонившись, обдала его горячим дыханием.

Маккаррик закатил глаза.

Его реакция придала ей смелости. Ему это было нужно, он изнывал по подобным ласкам, которые она могла с радостью предоставить ему. Когда она облизнула его член, а потом слегка прикусила, она поняла, что ей тоже этого очень хотелось. Очарованная новыми впечатлениями, Мэдди дразнила и ласкала его в надежде доставить максимум удовольствия.

— О Боже, именно так, — прохрипел он. — А теперь возьми его в рот.

Мэдди не торопилась делать это, а потом, похоже, вообще решила не следовать его приказаниям, почувствовав, что вполне владеет ситуацией. Она снова и снова слизывала с него влагу, в то время как он выгибал спину в совершенном изнеможении.

— Как долго я не испытывал этого, — с трудом выдохнул Маккаррик. — Задержись здесь. — Он прижал вниз ее голову.

Но Мэдди отпрянула.

— В свой первый раз я хочу посмаковать это.

— Прощу тебя, — прорычал он.

— А что, если я скажу «нет»? — Мэдди поджала губы и подула на него, отчего он вздрогнул и вздыбил бедра. — Похоже, у меня все козыри на руках.

Маккаррик тут же схватил ее за талию и опрокинул на спину. Мэдди заверещала, но он развернул ее, чтобы отплатить той же монетой, и, крепко держа за запястья, угрожающе навис над ее лицом.

— Маленьким девочкам лучше не играть с таким мужчиной, как я. — Он раздвинул коленом ее ноги и устроился между ними. Мэдди ахнула, ощущая не только полную свою беспомощность, но и весьма сильное возбуждение. — Особенно в постели.

* * *

Итан пристроил плечи под ее коленями таким образом, что ее ноги оказались у него на спине.

Затем он начал просто водить губами по шелковисто-блестящей внутренней части ее бедер. Она тяжело задышала, ее грудь стала вздыматься и опадать с нарастающей частотой. Итан неторопливо коснулся влажными губами ее живота, медленно повел их вниз от пупка.

— Раздвинь ноги.

Мэдлин сделала это, открыв его взору, интимные части своего тела, и его член отозвался бешеной пульсацией, выражая готовность быть погребенным внутри ее.

Хотя сначала Итан намеревался только подразнить ее, как она дразнила его перед этим, но не смог устоять перед ее обольстительными прелестями и припал открытым ртом к ее лону. Коснулся языком и нашел его восхитительно скользким.

Итан застонал и стиснул пальцами ее нежные бедра. Мэдлин вскрикнула и дернулась назад от его рта. Но он начал усердно работать языком, и она в полном отрешении прижала пятки к его спине.

Потом он как-то заставил себя оторваться от нее.

Мэдлин подняла голову и, открыв глаза, растерянно приподняла брови.

— Еще, — выдохнула она.

Мэдди с таким вожделением смотрела на него, что Итан едва не поддался.

— Теперь тебе понятно, как я себя чувствовал?

— Да, да. — Она пыталась высвободить руки и извивалась всем телом с широко раздвинутыми ногами. Он чувствовал, что не сможет долго смотреть на это безучастно. — Итан, я не буду больше дразнить тебя, обещаю.

— Хорошо, Мэдди. — Раздвинув ее ноги еще шире, он глубже проник в нее языком, чтобы в полной мере насладиться тем восхитительным соком, который уже пробовал ранее.

— О, мой Бог, — простонала она, и у него сбилось дыхание. Итан начал тереться бедрами о кровать.

Он раздвинул ее складки и прижался губами и языком к центру возбуждения.

— Да, — вскрикнула Мэдлин, выгнув спину и прижав бедра к его лицу. — Ах, Итан...

У нее начался затяжной оргазм, на протяжении которого она снова и снова между стонами произносила его имя. Ему казалось, что это сон. Редко кому из мужчин доводилось испытывать такое удовольствие. Когда он высосал ее до изнеможения, у нее дрожали обвисшие на его плечах ноги.

Итан отпустил ее руки и поднялся, было, намереваясь занять ее место, но она

прижалась к его груди и, уткнувшись лицом в шею, прошептала:

— Мне очень нравится все, что ты делаешь со мной. — Сердце Итана наполнилось гордостью, нижняя же часть тела страдала от пульсировавшей мощной реакции.

Затем Мэдлин начала покрывать его тело поцелуями, опуская голову все ниже, при этом ее волосы приятно щекотали его разгоряченную чувствительную кожу. Итан вскрикнул, когда ее мягкие горячие губки сомкнулись вокруг него. Влажные, жаждущие, сосущие...

— Вот так, хорошая моя девочка. Глубже — еще лучше, — прохрипел он, теряя голову и еле сдерживаясь, чтобы не придержать ее затылок и не всадить член ей в глотку по самое основание. Она с жадностью, со стонами обсасывала его ствол. Итану казалось, что он не участвует в этом действе, а смотрит со стороны, как она занимается любовью с его членом. Мэдлин с обожанием облизывала его и покрывала нежными поцелуями.

Ощущение было потрясающим. Она обрабатывала его плоть нежно, тем не менее, безудержно, завораживая его. Но когда она подвела его к порогу оргазма, он, почувствовав, что вот-вот потеряет над собой контроль, с исполненным отчаяния стоном отстранился от нее.

— Итан? — с изумлением спросила она, когда он поднял ее и прижал к своей груди. — Я делаю что-то не так?

— Нет-нет, я просто не хочу делать ничего такого... что могло бы смутить тебя. — Злясь на себя, чувствуя, что его член близок к извержению, он обнял ее за шею и поцеловал.

Продолжая целовать ее, Итан работал рукой над своим стволом.

— Мне особенно нравится то, — пробормотал он в ее губы, — что тебе нравится, как я это делаю. — Опустив свободную ладонь на ее ягодицы, он ускорил работу занятой членом руки. — Хочешь посмотреть, как я это делаю?

Распахнув глаза, Мэдлин кивнула, и он убрал руку с ее ягодиц, чтобы она могла посмотреть на яростную работу его кулака.

Ее наблюдение за ним еще больше возбудило его. Он кончил мощнейшей струей. С криком Итан прогнулся назад, направив струю на свой торс. Она с открытым ртом наблюдала за ним.

Когда он, наконец, кончил, они легли, тяжело дыша. Чувствуя невероятное удовлетворение, он долгие минуты держал ее в объятиях, поглаживая ее волосы. Итан был уверен, что ей понравилось, делать ему минет, и это еще раз доказывало, что они прекрасно подходят друг другу.

Наконец он заставил себя встать и пойти помыться, но, когда вернулся, Мэдлин встретила его встревоженным возгласом:

— Ой, Итан! У тебя рана кровоточит.

Он взглянул на грудь и передернул плечами.

— Подойди сюда, пожалуйста. — Она встала на колени и поманила его к себе. — Давай я посмотрю, что с ней. — Итан вернулся на кровать, и она осмотрела рану. — Слава Богу, швы не разошлись. Но рана кровоточит сильнее, чем я ожидала.

Когда Мэдлин встала и направилась за мокрым полотенцем, Итан повернул голову, чтобы посмотреть на ее упругую задницу.

— Не думал, что ты способна ухаживать за кем-то, — рассеянно промолвил он.

— За таким мужчиной, как ты, можно и поухаживать, — ответила она, возвращаясь с полотенцем.

— Как я?

Она забралась к нему на кровать.

— Да, Шотландец, ты та темная лошадка, на которую я собираюсь поставить. — Она с нежностью убрала прядь с его лба и перехватила взгляд. — И тебя ждет самый лучший уход и ласки.

— А как насчет того, чтобы обслужить кобылку? Есть одна такая, которую мне хочется.

— Я уверена, что она хочет быть покрытой сильным жеребцом, но сначала ей нужно получить более надежные гарантии на будущее.

— Сумасшедшая, нахальная девчонка, — восхищенно пробормотал Итан.

Она усмехнулась в ответ, и он вдруг понял, как женщины могут сводить с ума мужчин.

Поздней ночью налетел шквал и началась качка.

— Расскажи, как ты оказалась в Марэ, — попросил Итан, вероятно, для того, чтобы отвлечь мысли Мэдди от шторма. Он сидел, прислонившись к спинке кровати, а она прильнула к его груди.

— А что тебе рассказывал Куин? — спросила, в свою очередь, Мэдди, откинувшись назад, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Что твой отец погиб на дуэли и кредиторы захватили ваш дом. Будучи француженкой, мать увезла тебя в Париж.

Она пожала плечами:

— Примерно так и было.

— Нет уж. Я хочу знать все подробности.

— Чтобы лучше знать, чем потом меня доставать? — спросила она.

— Нет, мне просто интересно все знать о тебе.

— Я расскажу, но сначала ты должен рассказать что-нибудь из того, о чем мне неизвестно.

Итан нахмурился:

— И что же это?

— Что-нибудь из твоего прошлого, любую непостижимую тайну.

Он, казалось, надолго задумался и не спешил с ответом.

— Я считал, что на меня наслано проклятие. Мэдди округлила глаза.

— Правда?

— Да. Моей семье несколько веков назад была передана книга с предсказаниями на поколения вперед, и все они сбылись. Было также сказано обо мне и моих братьях.

Она недоверчиво посмотрела на него:

— Ты что, издеваешься надо мной? Никогда не подумала бы, что ты настолько суеверен.

— Конечно, суеверен. Ведь я настоящий шотландец.

— В любом случае это не выглядит такой уж большой тайной. Я даже нахожу очаровательным то, что такому сильному человеку, как ты, во многом осуществляющему контроль над своей судьбой, присущи такие иррациональные взгляды.

— Очаровательным? — процедил Итан. — У тебя же, надо полагать, никаких иррациональных взглядов нет?

— Есть, и много. Но ведь я не контролирую свою судьбу. Оба замолчали.

Вскинув руку, Мэдди коснулась его плеча.

— Итан, я не имела в виду, что поехала с тобой поневоле. Это был мой собственный выбор. И я рада, что поступила так.

Итан немного расслабился.

— Теперь тебе рассказывать.

— Такой рассказ не предназначен для званых вечеров, — сказала она. — И я не хочу, чтобы у тебя изменилось мнение обо мне.

— Что ты хочешь этим сказать?

— «Невесты из счастливых семей создают счастливые семьи». Так сказано у Гоуди, а это неоспоримый источник.

— Это не повлияет на мое отношение к тебе. Давай рассказывай.

— Тебе как, подробно все рассказывать, или удовлетворишься беглым пересказом? — спросили Мэдди.

— Расскажи мне все.

Сделав глубокий вдох, она приступила к рассказу:

— Что ж, вопреки всеобщему мнению моя жизнь развалилась не в день смерти моего отца. Это произошло в одну из ночей за шесть месяцев до дуэли. — В ночь, полную тайн и ярости, происхождение которых Мэдди так и не смогла понять. — Знаешь, Итан, все было как во сне. — Снаружи, рядом с судном, полыхнула молния, за которой последовал раскат грома. Мэдди вздрогнула. — Я легла спать с ощущением покоя и безопасности, а проснулась в другой жизни, в чужом мире, полном незнакомцев. Это трудно объяснить.

Он погладил ее руку своей большой шершавой ладонью.

— Попробуй.

— На протяжении нескольких лет я пыталась свести воедино то, что произошло той ночью. Первое, что мне бросилось в глаза после пробуждения, было нервное поведение слуг. Они бросали на меня оценивающие взгляды, будто пытались выяснить, что мне известно о ночном происшествии. Впоследствии я узнала, что двое самых доверенных слуг нашей семьи были уволены: мужчина — правая рука моего отца, а также служанка и наперсница матери. — Мэдди умолкла, изучая выражение его лица. — Ты что, будешь насмеяться над всем, что я собираюсь рассказать тебе?

— Нет, не собираюсь ни над чем насмеяться. Она с шумом выдохнула и призналась:

— Думаю, отец... застал мать в постели с другим мужчиной.

— Почему ты пришла к такому выводу? — сдержанно спросил Итан.

— Потому что я обнаружила, что той ночью мой обычно мягкий отец бил мать. — Мэдди хорошо помнила синяк под глазом матери и презрение, сквозившее в глазах отца, если его взгляд случайно попадал на мать, хотя он старался вообще не смотреть в сторону прежде любимой жены.

— Это не означает...

— В этот вечер он неожиданно рано вернулся из деловой поездки. И честно говоря, зная мать, я была бы очень удивлена, если бы у нее не было регулярных адюльтеров в процессе их брака. Слабая, эгоистичная женщина, она была намного моложе отца.

— Понятно. — Итан был, натянут как струна. Вглядываясь в его лицо, она гадала, вызвано ли это отвращением к тому, что она еще собиралась сказать, или страхом.

— В любом случае в тот день, рассеянно глядя меня по голове, отец сказал: «Мэдди, девочка моя, твой папа совершил кое-какие ошибки». Потом он бесцельно побрел куда-то. Таким он никогда прежде не был. Мне казалось, что я совсем не знала своих родителей.

— Что же произошло после той ночи?

Она отметила плотно стиснутые челюсти Итана и сказала:

— Даже не знаю, стоит ли говорить.

— Мэдлин, я хочу услышать.

— Но это не... — Она запнулась, наткнувшись на его тяжелый взгляд, и прошептала: — Отлично.

Итан знал, что последовало за этим. Он был дирижером тех событий, а сейчас тихим, потухшим голосом она поведала о последствиях:

— Через полгода после той ночи отец погиб, и к нам нагрянули кредиторы. Мы с

матерью вернулись с похорон отца, а нас, несмотря на жуткую непогоду, не пустили в Айвли-Холл — так назывался дом моего детства. Я была так напугана. Особенно по той причине, что моя мать была совершенно не способной заботиться обо мне. Помню, как однажды спросила ее насчет того, собираемся ли мы предпринять что-то по скорейшему поиску жилья. Вместо того чтобы ответить: мол, конечно, в ближайшие же дни мы обретем счастливое гнездышко, — мать прошептала: «Я знаю столько же, сколько и ты, Мэдлин. Так что скажи, что ты думаешь обо всем этом?»

Место проживания...

Пока Мэдлин рассказывала о тяжелых испытаниях, выпавших надолго одиннадцатилетней Девочки, лишившейся в одночасье всего привычного, Итан ощущал влагу ее слез на своей груди. Он понял, как мучительно было для девочки-подростка расстаться с вещами, без которых, как ей казалось, она не могла жить, — с куклами, платьями, любимыми домашними животными... Насколько пугающим и омерзительным показался ей Марэ, когда она впервые увидела этот район.

И Итан выяснил, что знаний Мэдлин было почти достаточно, чтобы связать концы с концами. Она была очень смысленным и, судя по всему, наблюдательным ребенком. Уже тогда она заподозрила присутствие чужого мужчины в доме.

Сколько времени ей понадобится на то, чтобы догадаться, что этим мужчиной был Итан?

Когда Мэдлин, наконец, заснула, свернувшись калачиком и сжимая подвешенное на ленте кольцо, он взглянул на нее и не смог удержаться от поглаживания шелковистых волос.

Сегодня он узнал еще больше о ее мужестве и неукротимой силе духа. Эти черты ее характера только сильнее акцентировали присущие Итану недостатки.

Сознавать это было больно и неприятно.

По мнению большинства, злодеи никогда не пытались стать лучше и даже не желали прилагать к этому никаких усилий, поскольку не знали, что для этого следовало бы предпринять. Меньшая часть обывателей полагала, что все зависит от прошлого и будущее не имеет к этому никакого отношения.

Десять лет назад, будучи старше, чем Мэдлин сейчас, из жалости к себе Итан пьянствовал, проявлял жестокость и был за это наказан. Мэдлин же не делала ничего подобного, лишь проявляла силу характера и волю, но также была наказана за ошибки своих родителей.

Причем наказана Итаном. Он часто представлял себе, с чего начал бы свое объяснение с ней: «В один из вечеров я напился и решил... ну... переспать с Сильвией — твоей матерью. Она заявила твоему отцу, что подверглась насилию, тот же, будучи слабовольным и доверчивым рогоносцем, натравил на меня своих прихвостней для выполнения грязного замысла. Браймер исполосовал половину моего лица, за что позже я прирезал его. Затем я обанкротил твоего отца, чем, несомненно, подтолкнул к самоубийственной дуэли. Я завладел вашим домом и капиталом, вышвырнув вас с матерью на улицу».

Если Мэдлин к этому моменту не убежит с визгом, он мог бы продолжить следующим образом: «Затем Сильвия увезла тебя, одиннадцатилетнюю, в ад, и я знал об этом. Я позволил этому случиться, хотя мог пощадить тебя в силу твоего нежного возраста. И, если всего этого недостаточно, могу добавить, что это я приложил руку к расторжению вашего с графом обручения и специально приехал в Париж, чтобы с помощью обмана использовать тебя».

«Что, если она та, единственная?» — спросил его Хью. Итан издал горький смешок.

Хью не понимал, что «единственная» она или нет, несущественно. Не имело также значения, достоверным или недостоверным было проклятие. Итану никогда не заполучить Мэдлин, поскольку уже был причинен вред и, в конечном счете, она возненавидит его.

И придет конец невиданному наслаждению с ней. Возобладает чертов здравый смысл.

Как всегда, жребий Итана был уже брошен.

— И это малая усадьба? — Высунув голову в окошко экипажа, Мэдди смотрела на обращенную к морю усадьбу, к которой они приближались.

— Да. Она называется Карийон по звучанию подбора церковных колоколов в деревне, — ответил Маккаррик. Экипаж ехал по выложенной гравием дорожке. — И должен отметить, что эта усадьба и меньше, и уединеннее, чем другие принадлежащие мне поместья. Сглотнув, она кивнула:

— Конечно.

Представительный дом был выстроен, подобно обычным замкам, из тесаного природного камня, но эти каменные блоки были гладкими, темно-кремового цвета. Вдоль дороги, по которой они проезжали, тянулись террасы садов — огороженных или диких, с заросшими травой тропками и ручьями с кристально чистой водой.

— Как красиво, — рассеянно проговорила Мэдди, но слово «красиво» не совсем полно характеризовало это место. Увидев прогуливавшегося по зеленой лужайке павлина, она поняла, что Карийон — сказочное место. — Это ведь... павлин.

— Их привезла сюда моя несколько эксцентричная бабушка. Они были ручными, но сейчас немного одичали.

— А это что? Пальма?

— Да. Теплые воды Ирландского моря смягчают местный климат. Здесь редко выпадает снег и почти не бывает заморозков.

И это место будет частично принадлежать ей?

— Не думаю, что мне доводилось видеть более роскошный дом.

— Управляющий совсем запустил хозяйство.

— Откуда ты знаешь?

— В это время года на полях, мимо которых мы проезжали, должны быть стога сена, а также посеяны озимые культуры. Ничего этого нет. К тому же видно, что на стенах дома и конюшни облупилась краска, да и ограда повсеместно нуждается в починке. Не работают фонтаны, а поскольку я телеграфировал, что вскоре прибуду, похоже, они просто сломаны. Я не привык содержать свое имущество в таком состоянии.

— Мне это состояние не кажется таким уж плачевным, — сказала Мэдди в попытке улучшить его настроение.

Маккаррик уставился в окно:

— Тебе не могло казаться иначе.

— Что это должно означать?

— Разве не все выглядит роскошным в сравнении с Марэ? Хотя Мэдди думала о том же, ей надоели его издевки. С тех пор как они вошли в порт, он снова стал холодным, холоднее, чем когда-либо. «Только мед, никакого уксуса», — напомнила она себе.

Тем не менее, ее терпение истощалось.

— А я думала, что хотя бы день пройдет без напоминания о том, где ты меня подобрал.

— Я просто уточнил факт, — сказал он, но перепалку пришлось отложить, поскольку кучер подкатил экипаж к фронтому здания. — Лёгок на помине, — процедил Итан. Снаружи их поджидали мужчина средних лет и женщина. — Управляющий Сайлас.

Маккаррик помог Мэдди выйти из экипажа.

— Мэдлин, это Сорча — экономка Карийона, — сказал он, игнорируя мужчину. — Сорча, это моя жена, леди Кавана.

Мэдди понимала, почему ему приходилось представлять ее своей женой, но эта ложь покорила ее. Сорча робко улыбнулась и приветствовала ее поклоном.

— Покажи леди Кавана наши комнаты и проследи, чтобы у нее было все, что ей нужно.

Затем он обратился к Мэдди:

— Увидимся за ужином.

Сорча снова поклонилась и направилась в сопровождении Мэдди к парадной двери. Внутри был выложенный мрамором вестибюль, переходивший в комнату с высоченным потолком. Деревянные лестницы, изящно выгнутые подковой, были застелены коврами.

Вслед за Сорчей Мэдди поднялась на широкую площадку второго этажа. Бросив быстрый взгляд вверх перил, она увидела внизу Итана. С громким топотом он пересекал комнату в другом направлении, а за ним семенил явно перепуганный Сайлас.

Снова посмотрев вверх, она увидела, что Сорча уже открыла тяжелую дверь хозяйских апартаментов и поспешила войти внутрь. Присоединившись к ней, Мэдди обнаружила, что обе спальни апартаментов были отделаны резными панелями, при этом ее комната оказалась окрашенной в светлые тона, а комната Итана выдержана в более темных. Все полы были застелены ворсистыми коврами, потолки же казались недостижимыми.

Стоя в дверном проеме, соединявшем комнаты, она переводила взгляд со своей элегантной кровати под балдахином на его огромную, размером с обычную комнату, кровать. Поскольку это уже не каюта на двоих, интересно, как Итан предпочтет спать в этих апартаментах?

— Это очень здорово, — сказала Мэдди, обращаясь к Сорче. Это можно было сказать о самой усадьбе, что же касается интерьера, то он был несколько консервативным. Некоторые комнаты, мимо которых они проходили, выглядели... мрачными, однообразными. Стоило поработать над тем, чтобы придать больше уюта этим строго убранным помещениям.

Осознав, что вскоре она сможет изменить здесь все на правах хозяйки, Мэдди решила спросить у Итана, смогут ли они вернуться сюда и заняться переделкой, после того как все устроится.

— Здорово, да, — робко ответила Сорча, — но вы еще не видели, какой отсюда открывается вид. — Она во всю ширь раздвинула шторы, открыв доступ к застекленному эркеру с дверью посередине, который занимал едва ли не всю стену.

Открыв дверь, Сорча пригласила Мэдди выйти наружу. Когда она вышла на мраморный балкон, у нее перехватило дыхание.

Море... оно было прямо здесь. Блестевшая на солнце водная лазурь на мили простиралась вдаль.

Дом располагался на нависшей над морем скале, опиравшейся на песчаный берег. Под домом находилась мраморная терраса, огражденная такими же, как и балкон, перилами. С этой стороны дома отовсюду открывался вид на берег и Ирландское море.

— Боже, — прошептала Мэдди. Если ее так впечатлил Карийон после холмов и садов, то, увидев море, она просто влюбилась в него.

Тем не менее, ее восхищение сдерживало нараставшее беспокойство. Мысль о том, что она станет хозяйкой усадьбы, казалась чем-то из области фантастики.

«Смелость города берет», — напомнила она себе. Да, но это смешно.

— Ты выяснил, почему Сайлас небрежно выполнял свои обязанности? — спросила

Мэдлин Итана после прошедшего в скованной атмосфере совместного ужина. Не пригласив ее, он направился в свой кабинет, но она все равно последовала за ним.

— Да. Постоянные запои, — ответил Итан, усаживаясь за внушительный стол из красного дерева. — Усадьба сильно запущена. И теперь меня беспокоит состояние других моих поместий. Вдруг еще где-то сидят нерадивые управляющие.

Итан выглядел сильно озабоченным, и Мэдлин, зайдя сзади, начала разминать его плечи.

— Уверена, что ты легко сможешь подыскать подходящую кандидатуру. По-моему, Карийон привлекателен для любого управляющего.

— Пожалуй.

— Ты можешь дать объявление в газете и навести соответствующие справки по этому поводу.

— Что ты имеешь в виду? — Она ощутила, как напряглось его тело под ее пальцами. — Мы останемся здесь, пока не решим эту проблему.

Мэдлин заставила себя задать вопрос ровным тоном:

— И на какой срок ты предполагаешь задержаться здесь?

— Я должен найти замену управляющему, затем ввести его в курс дела, ознакомить с объемом предстоящих работ.

Она отняла руки от его плеч и перешла к другой стороне стола.

— Как долго мы пробудем здесь?

— Неделю, может быть, две. У Мэдди опустились руки.

— Я не могу оставаться здесь с тобой так долго незамужней.

Он попытался отмахнуться:

— Я уже сказал всем, что мы женаты.

— Мы могли бы обвенчаться в деревне, о которой мне говорила Сорча, а потом остаться здесь на любой нужный срок.

— Бог мой, неужели тебя заботит только это? Из-за Сайласа проживающие в моей усадьбе люди провели три полных лишения зимы, и на эту зиму у них нет запасов сена и овощей.

— Не понимаю. Что же он делал?

— Ничего не делал. Когда луга затапливались, он не отводил воду, не заказывал семена в нужное время в течение года. И еще дюжина примеров его халатности.

— Но почему никто не написал тебе, не предупредил?

— Они ни черта не умеют — ни читать, ни писать. И это не входит в сферу их ответственности. Это мое дело. — Итан ущипнул себя за переносицу, и устало вздохнул. — Мэдлин, для того чтобы найти выход из сложившейся ситуации, мне придется много разъезжать все эти дни. Надеюсь, ты сможешь занять себя чем-нибудь.

— Конечно, — разочарованно ответила она. — Я привыкла видеться с тобой только по ночам. — Она встала и направилась к выходу, но в дверях обернулась. — Я останусь, Шотландец, для виду только на десять дней.

— Как это понимать? Как угрозу?

— Нет, просто заявление о намерениях. Возможно, это эгоистично, но мне нужна страховка.

Итан, прищурившись, посмотрел на нее:

— Ты не доверяешь мне?

Она кивнула, чем явно удивила его.

— Ты прав. Пока не доверяю.

— Так что же должен сделать такой человек, как я, что бы заслужить твое доверие?

— Если честно, то не знаю. Думаю, для этого просто понадобится какое-то время.

— Ты имеешь в виду эти десять дней? Это все время, что предоставила мне мисс Ван Роуэн.

Корабль казался совсем другим миром. Сейчас Итан находился в своих владениях, представляя Мэдлин своим людям как жену. И эта ложь совсем не беспокоила его, судя по тому, с какой легкостью слова слетали с его языка.

Стоявшие перед Итаном проблемы, связанные с необходимостью замены управляющего, были достаточно серьезными, но в то же время он использовал ситуацию исключительно в собственных целях. Ведь он мог дать объявление или навести справки и, конечно же, жениться на Мэдлин прямо здесь.

Итан всегда придерживался собственных решений, сам составлял и реализовывал планы. Теперь же он чувствовал, что утрачивает контроль — поводья выскальзывали из рук.

Он решил сохранить несколько поместий, принадлежавших его семье на протяжении поколений, поскольку при правильном уходе они самоокупались или даже приносили прибыль. Думал, что нанял хороших управляющих для работы в свое отсутствие.

В результате пострадали арендаторы и работники, Итана охватывало растущее беспокойство в отношении других владений. Когда он вернется в Сеть, у него не будет времени на ведение хозяйства.

Промах.

Итан решил умерить свой гнев в отношении единственной дочери Ван Роуэнов. Теперь с каждым днем он желал ее все больше. Еще промах.

Жестокий, эгоистичный Итан не желал меняться. Тем не менее, сейчас он думал, прежде всего, о Мэдлин. Промах.

Ему уже пришлось сдерживать себя в постели, ее поцелуи могли свести его с ума.

«По-моему, я хочу ее... для себя». Черт побери! Если мужчина на десять лет вверг женщину в ад, ему не стоит мечтать о будущей счастливой семейной жизни с ней.

Итан всегда слишком остро чувствовал подобные вещи. И если он позволит себе проявить больше чувств к ней, а потом потеряет ее, то никогда уже не наладит свою жизнь.

Он поймал себя на том, что разглядывает столик для напитков, на котором стояла бутылка виски. Неужели последует еще один промах?

— Нет-нет, Итан, — бормотала Мэдди, поддавая ногой камешки в окрестностях Карийона. — Я не хочу сидеть затворницей, буду выходить на люди. — В течение последних трех дней именно этим она и занималась.

Во время первой своей вылазки она набрела на оранжерею со стенами из глазурованного стекла и куполообразной стеклянной крышей. Мэдди обрадовалась возможности собрать здесь плоды цитрусов, но обнаружила, что оранжерея не функционирует, и в ней осталась всего пара неухоженных апельсиновых деревьев. Большая печь с отведенным под пол разветвленным трубопроводом была, по-видимому, предназначена для подогрева помещения паром, но сейчас выглядела вышедшей из строя.

На следующий день она наткнулась на лестницу, выводившую на «вдовью дорожку» — огражденную площадку над домом, откуда жены моряков высматривали возвращающиеся домой суда. Мэдди подумала, поднималась ли туда хоть одна женщина, чтобы посмотреть в противоположную от моря сторону?

Мэдди старалась ежедневно совершать длительные прогулки, но здесь не с кем было общаться. Добрая Сорча в отношениях с хозяйкой дома старалась сохранять соответствующую дистанцию. Мэдди ощущала мучительное одиночество и отчаянно тосковала по Беа и Коррин.

Если ей в течение дня доводилось встречаться с Итаном, он держался неприветливо и отделялся отрывистыми фразами, но когда приходил к ней ночью... его тело говорило совершенно другим языком.

Пока они ласкали друг друга, он тыкался носом в ее шею и бормотал, как здорово она удовлетворяет его. Если она целовала или ласкала его так, как ему нравилось, он непременно извещал ее об этом. Подобные ласки приносили такое удовлетворение, что она начала подумывать, как хорошо было бы отдаться ему, и часто воображала, что он почувствует, оказавшись снова внутри ее. С каждым разом ей все труднее было отказывать ему в доведении процесса ласк до логического конца, хотя по необъяснимой причине Итан все меньше и меньше давил на нее в этом отношении.

После того как они кончали, он брал в ладони ее лицо и целовал так нежно, что ей хотелось плакать. Каждую ночь он обнимал ее, прижимая к себе, и она засыпала так, привыкая к его присутствию в постели.

Ночью Мэдди была обожаемой, под надежной защитой, но наступал день, а с ним — полное одиночество.

Разница в его поведении была настолько велика, что сводила ее с ума. Неужели он так вел себя с ней из-за переживаний о своих владениях? С ее решимостью держаться от него подальше днем, у него не было повода обвинить ее в том, что она путается под ногами.

Мэдди знала, что некоторые стороны ее биографии могут показаться совсем не привлекательными потенциальному мужу, тем более богатому могущественному лорду. Она необразованна, бесприданница и, скажем прямо, бывшая воровка. Зная все это, Итан не оставлял мыслей о женитьбе.

Но может быть, то, что она поведала ему неприглядные подробности семейной истории, оказалось решающим фактором, склонившим чашу весов не в ее пользу...

Из окна кабинета Итан наблюдал за попытками Мэдли с помощью хлебных крошек

подманить павлина. Когда он, развернув хвост веером, последовал за ней, ее смех огласил лужайку.

Итану захотелось оказаться там, внизу, вместе с ней.

После недельного пребывания здесь он начинал понимать, что вместе они или нет — не имеет значения. В любом случае он постоянно думал о ней. Потерял аппетит, лишился сна. Каждый день приближал к неминуемой болезненной развязке, и это раздражало его.

Итан никогда не предполагал, что будет настолько хотеть ее.

Ее веселая улыбка и жизнерадостный смех — это все, что нужно такому бездушному ублюдку, как он. Он страстно желал ее.

Было еще нечто большее в ней, существенно большее: единение, удовлетворение страсти, — он даже толком не знал что. Это не поддавалось объяснению. Иногда ему казалось, что она уже стала его частью — всегда была. Чем сильнее крепло в нем чувство к ней, тем отчетливее он осознавал, что расставание с Мэдлин погубит его.

«Что, если я оставлю ее при себе?» — вновь и вновь спрашивал он себя.

Иногда Итан задавался вопросом, что произойдет, если уйти из Сети и начать новую жизнь, — ведь это желание всегда таилось где-то в глубине души.

Жениться, заняться поместьем, заботиться об арендаторах и работниках. Здесь он почувствовал, что ему нравится вплотную заниматься своими земельными владениями. Действительно, похоже, такая работа — как раз по нему.

Хотя в последний раз, когда его посещали подобные мысли, все обернулось трагедией.

Женитьба на Саре Макриди планировалась им из чувства долга перед титулом. Сейчас же Итан понял, что хотел бы вести такую жизнь, если бы частью сделки была Мэдлин.

Но если Итан останется с ней, то причинит ей еще большую боль. Это неизбежно. Обман раскроется, это опустошит ее душу.

Частично оправдаться перед Мэдди он мог бы, рассказав ей правду о ее родителях — они не были такими, какими она их себе представляла. Может быть, стоило сказать, что ее отец, о котором она говорила с такой любовью, был известным рогоносцем; мать же — не просто испорченной и эгоистичной, как считала Мэдлин, а отъявленной мерзавкой.

Нужно ли Мэдлин знать, что ее родители ответственны за то, как двадцатитрехлетний молодой человек был подвешен в конюшне, и подвергнут пыткам?

Не могло быть другого такого союза, который был бы столь явно обречен, как их с Мэдлин. Их дети были бы внуками Ван Роуэнов, внуками Сильвии.

Обреченные...

Черт возьми, он решил, что не женится на ней, и ни за что не отступится от своего решения. На каком этапе он упустил из виду все, что планировал? Первым его побуждением было оставить ее. Дать ей денег, обеспечить ее счастье и отдать один из своих домов — или даже, пропади они пропадом, все дома. Какие проблемы с этим планом? Он уже слишком прикипел к ней, чтобы добровольно расстаться. Итан попал в ловушку.

Он навлек на Мэдлин несчастье, и она неосознанно отплачивает ему, причем тысячекратно, тем, что она такая. Каждый раз, когда Итан видел ее неумную страсть ко всяким деликатесам, и каждую ночь, когда она просыпалась с мокрыми от слез щеками после очередного кошмара, у него ныло в груди.

Чем больше он привязывался к девушке, тем больше ему приходилось бороться с ощущением удушающей безысходности. Чувство сожаления терзало его, а поскольку ранее ему никогда не доводилось бороться с подобными эмоциями, он не знал, что предпринять.

Итана возмущало изводившее его чувство вины; он негодовал и по ее поводу за то, что в ней было воплощено все то, что, он мечтал видеть в жене.

Хотя уже несколько лет он не брал в рот ни капли спиртного, сейчас вдруг склонился над столиком с напитками и трясущимися руками налил себе виски.

— Промах, — глядя в бокал, пробормотал Итан.

* * *

Последние две ночи Итан не приходил к Мэдди, словно желая избавиться ее от своего присутствия. Он все время пил, хотя не признавался в этом.

Мэдди определенно видела достаточно пьяниц, валявшихся на ступенях крыльца в Марэ.

Если их с Итаном пути пересекались днем, он рывкал на нее. Порой она готова была поклясться, что он жалеет о том, что она здесь, в Карийоне. Иногда Мэдди замечала, что он наблюдает за ней из окна своего кабинета, когда насупившись, а когда с пугающей злостью.

Поэтому каждый день она взбиралась на «вдовью дорожку». В ясную погоду она могла видеть даже ирландский берег. Размышляя над сложившейся ситуацией, она могла часами смотреть на море, наблюдая идущие в Ирландию паромы.

Ей, наконец, пришлось признать, что поведение Итана не имеет ничего общего с напряжением от работы. Либо он считал, что она вытерпит любое обращение ради замужества, либо выискивал способ прогнать ее.

В этот вечер Мэдди вернулась на закате и обнаружила его сидящим в кабинете и тупо глядящим на зажатый в ладони хрустальный стакан с виски. У нее екнуло сердце, когда она увидела, что он уже изрядно набрался.

Она без приглашения вошла и села в его кресло за столом.

— Как прошел день, Итан? — Он лишь пожал плечами. — Чем ты занимался?

— Работал. — Ты пьешь.

— Ты наблюдательна.

Она могла быть терпеливой.

— Есть ли какой-нибудь сдвиг в деле найма нового управляющего?

— Нет.

— Я могу что-то сделать, как-то помочь тебе? Ведь у меня много свободного времени, — добавила она, стараясь не горячиться.

— Нет, ничего.

— Осталось всего четыре дня до отъезда. Наконец Итан повернулся к ней.

— Ты думаешь, я ни черта не знаю об этом? Как будто ты позволила бы мне забыть.

Мэддин до всего есть дело.

— Мы находимся здесь уже...

— А я еще не покончил с делами! Как можно спокойнее она заметила:

— Наверное, ты сделал бы больше, если бы меньше пил. Лицо Итана приняло угрожающее выражение, застывший шрам резко проявился на загорелой коже.

— Ангелочек, ты ведь не хочешь начинать это со мной, только не сегодня.

— Что я сделала тебе, Итан? Может быть, я обидела тебя или чем-то не угодила?

— Да, это называется половым актом. «Хватит миндальничать».

— Половой акт будет только после бракосочетания. Ведь именно так мы и договаривались! Ты прекрасно знал это с самого начала.

— Нет, тогда я не знал, что ты продержишься до конца, иначе ни за что не согласился бы на такую глупость.

— Ты можешь быть таким отвратительным, Шотландец. Любишь напоминать, что мне не следует выходить за тебя замуж. — И, как она начала подозревать, делал он это намеренно. Мэдди знала мужчин.

Этот выискивает способ выйти из игры.

— Я лучший из всех, кого ты могла бы заполучить. — Он поднял стакан. — Никогда не забывай об этом.

Ахнув, она отшатнулась, как от пощечины. Он был... прав.

— Понятно. Боюсь, что все это начинает мне надоедать.

Он издал безрадостный смешок:

— Да, именно это я и говорил.

— Надоедать мне, Итан.

Мэдди выдохлась.

Опыт Беа научил ее, что независимо от степени ее привлекательности или усилий, направленных на удовлетворение партнера, мужчины порой не способны оценить, каким сокровищем они обладают. Маккаррик никогда не распускал руки в отличие от любовника Беа, но все же мог причинять боль.

Прошлой ночью она бодрствовала почти до рассвета, размышляя над возможными вариантами своих действий. Она слышала, как Итан практически все это время мерил шагами соседнюю комнату.

Перед тем как заснуть, Мэдди пришла к неожиданному заключению: она не согласна с тем, что Маккаррик — лучший для нее выбор.

Проснувшись, она начала паковать свой багаж.

Сейчас Мэдди понимала, что приняла предложение Маккаррика, будучи забитой невзгодами, голодной и запуганной Тумаром. Конечно же, в этом состоянии Шотландец показался ей небесным посланником.

Сейчас она решила, что ни за что не станет его узаконенной рабой. У нее были другие возможности. В худшем случае подаренное им кольцо поможет ей продержаться на плаву несколько лет.

Спустившись утром вниз, Итан увидел ее сумки.

— Ты покидаешь меня?

— Ты наблюдателен, — ответила она его же словами, произнесенными накануне. Мэдди была шокирована тем, что он уже с утра пьян.

Итан прислонился к стене и скрестил на груди руки.

— А как ты думаешь выбираться отсюда?

— Скорее всего, почтовой каретой. Я много гуляла по округе и заметила, что карета приходит через день ровно в пять.

Она с удовлетворением отметила, как с его лица сползла самодовольная ухмылка.

— Ты глупышка: собираешься отказаться от брака и богатства из-за своей нетерпеливости. Я говорил тебе, что еще не покончил здесь с делами.

Мэдди с жалостью посмотрела на него:

— А я покончила, Итан. Слишком часто и слишком долго меня вынуждали мириться с неблагоприятными обстоятельствами. Думаешь, я не могу распознать такое же загнанное состояние у другого, ощущение, что ты в ловушке? Ты не хочешь жениться на мне. Ты дал мне понять это, и достаточно четко. Я просто облегчаю тебе задачу.

— Нет, не облегчаешь. Это не что иное, как дополнительный нажим. Шантаж. Учти, я плохо переношу нажимы.

— Я заявляю вполне серьезно.

— Ты говорила, что пробудешь здесь десять дней. Осталось три.

— Не надо играть со мной, Итан. Ты мог обвенчаться со мной в ближайшем городке, а свадьбу отпраздновать в своем графстве. Ты мог многое сделать по-другому. Все, чего я хотела, это приличное обращение со стороны преданного мужа. Так мало требовалось, чтобы я полюбила тебя.

— Полюбила меня. Теперь это так называется? — Итан хмыкнул. — Значит, все, что от

меня требуется, — это уделять тебе чуточку доброты и не вынимать член из штанов?

Мэдди не потрудилась даже скрыть отвращение в ответ на эту пьяную тираду.

— Думаешь, без меня тебе будет лучше, когда ты вернешься в трущобы? — спросил Итан.

— Я собираюсь навестить Клодию...

— Ты имеешь в виду — Куина. — Он прищурился. — Что ж, как я уже говорил, твой драгоценный Куин проявил готовность предложить тебе руку и сердце. Особенно, после того как я сказал ему, что лишил тебя девственности в ночь после маскарада.

Мэдди задохнулась.

— Ты рассказал ему об этом? — «О Боже, как унижительно». — Ну, ты настоящий мерзавец! Этим ты только облегчил мой выбор. И спасибо, что напомнил о Куине как об одном из вариантов. Я обязательно спрошу, не утратил ли он еще интерес к этому вопросу.

Стиснув зубы, Итан таращился на нее.

— С тебя станется, — процедил он. — Ты сегодня же бросилась бы ему на шею.

— Я была бы дурой, если бы поступила иначе. Он добр и порядочен, и я знаю, что если бы он обещал жениться на мне, то сделал бы это!

Значит, Мэдлин действительно покидает его? От этой мысли закружилась голова.

Когда она успела залезть к нему в душу? Когда мысль о жизни без нее стала невыносимой? Итан ощущал физическую боль, представляя ее вместе с Куином. Эти двое составили бы отличную пару. Не то, что Мэдлин с ним.

Этому нужно положить конец.

Она победила. Женись он на ней или нет — все равно она выиграла.

— Раз ты такая эгоистичная или настолько нетерпеливая, то, что я могу поделаться? — Итан попытался донести до нее клокотавшую в нем ярость.

Мэдлин побледнела.

К черту это. Он отлично знал, как отделаться от привязанности к ней.

Он мог бы упрятать Мэдлин куда-нибудь подальше и переключиться на других женщин, чтобы удовлетворять вернувшееся желание. Коль скоро его охватывало желание, значит, он определенно вылечился.

Почему это раньше не пришло ему в голову? Он истратил бы весь запас своих сил на опытную искушенную женщину. Потом можно было бы порвать с Мэдлин, что он и планировал с самого начала. Вернуться к работе, к подходящему для него делу, требующему одиночества.

Решившись, он сказал:

— Ты с такой готовностью бросаешь меня, что я поступлю так же. — Он с грохотом вышел, оставив ее с открытым ртом, и поскакал в деревню.

Прибыв в гостиницу на набережной, Итан направился в расположенную внизу таверну. Он вошел в бар с расправленными плечами, высоко поднятой головой, с уверенностью человека, которого удовлетворяла такая красавица, как Мэдлин, желавшая выйти за него замуж. Или это было раньше. А сейчас она уезжала. Впрочем, не имело значения. В любом случае с ней покончено. Пора положить этому конец.

Итан уселся в кабинке, отметив, что сегодня заведение заполнено почти до отказа. Все эти несчастные ублюдки, должно быть, сбегают сюда от жен. Нет, такая жизнь не для него.

Пусть уезжает. Так продолжаться не может. На протяжении последних трех дней Итан пытался держаться на расстоянии, но все заканчивалось тем, что он начинал шагать по

комнате и пить, потому что не мог спать без нее.

Внутри острой занозой затаилась вина за причиненную ей боль.

«Возьми другую женщину и забудь ее. Просто из здравого смысла...»

Он заметил привлекательную женщину — темноволосую барменшу, смерившую его заинтересованным взглядом и рассмотревшую его лицо. На ней была горжетка, как на Мэдлин в ту ночь в Париже, хотя она и не выглядела столь привлекательно.

Но у этой женщины был пышный бюст, что всегда нравилось Итану. Он потерялся бы лицом о ее груди. На корабле он терся о маленькие груди Мэдлин, и она ужасно заводилась. Он водил покрытым щетиной подбородком по ее соскам. Царапал, а потом сосал. Она таяла и кончала даже прежде, чем он успевал заглянуть между ее ног.

Он ощутил тягучую боль и прилив крови к паху. Женщина заметила его эрекцию и ошибочно приняла это за реакцию на нее. Она затаила дыхание, только груди все равно вздымались. Нет, его возбуждение не имеет к ней отношения, хотя не все ли равно? Если для того чтобы оттрахать ее, нужно пофантазировать насчет *Мэдди*, то так тому и быть.

Свобода. Другого не дано.

После двух порций виски ему на глаза попала девчонка с пухлыми губками. Кажется, ей понравилось то, что она увидела.

После еще трех порций виски и до осознания того, что произошло, Итан входил в комнату наверху с темноволосой, грудастой трактирщицей. Качнувшись, он повернулся, чтобы закрыть дверь, и... сюрприз! Ее пухлогубая подружка решила присоединиться к ним.

Совсем как в былые времена. Итан знал, что лицо его расплылось в порочной ухмылке. Мужчине не изменить свою натуру.

Шли часы, а Мэдди сидела на «вдовой дорожке» в ожидании почтовой кареты. Глотая слезы, она в последний раз смотрела на паромы, курсировавшие между берегами.

Маккаррик не вернулся.

Чего она ждала? Чтобы Итан на коленях просил предоставить ему еще один шанс? Или хотя бы проявил вежливость и проводил ее в путь? Мэдди сердито вытерла слезы.

Она уже потеряла его. Да, он отвратительно вел себя с ней днем, но те ночи с ним, полные чувственности, удовольствия и нежности... она никогда не испытывала такой близости ни к кому другому.

Может, стоило продолжить борьбу, дать ему больше времени?

Мэдди печально покачала головой. Она знала, что любовь нельзя навязать силой. Она не могла заставить его скучать по ней. Она сделала все возможное, чтобы он захотел ее.

И все же пришло сожаление.

«Что лучше: остаться с ним или уехать и жить без него?»

Мэдди сглотнула подступивший к горлу комок. Она подвела черту под надеждами, связанными с Шотландцем, хотя, может быть, и поторопилась.

Еще одна слеза скатилась по щеке. Особенно если учесть, что она опрометчиво влюбилась.

Трактирщица попыталась поцеловать Итана в губы, но он, увернувшись, поцеловал ее в шею. Провел губами по ленте горжетки, как делал это с Мэдди в первую ночь их встречи в Париже, когда у него еще и в мыслях не было, что она будет значить для него.

Женщина была неплоха на вкус, но это был не тот вкус. От нее хорошо пахло, но и запах был не тот.

«Представь себе аромат Мэдлин. Представь вкус ее гладкой кожи».

Как только трактирщица расстегнула его рубашку, ее пухлогубая подружка поцеловала его в грудь. Затем они в четыре руки стащили с него рубашку и начали поочередно целовать его торс, опускаясь до пупка. Он знал, что должно последовать за этим. Мэдлин нравилось брать его в рот, причем делала она это как-то одновременно и страстно, и с любовью.

Одна из женщин начала расстегивать его ремень.

«...нужно так мало, чтобы я влюбилась в тебя», — сказала Мэдлин. Пределом ее мечтаний был преданный муж, который хорошо обращался бы с ней, а она в ответ полюбила бы его.

Полюбила. Его?

Если бы она любила его, то могла бы простить за то, что он сделал с ней в прошлом.

Ей пришлось бы. Потому что тогда он не знал ее, и у него не было намерения причинять ей вред. Но сейчас... если он сделает это...

Не следует ли ему хотя бы попытаться влюбить ее в себя, прежде чем отказаться от всего? Разве не от нее он узнал, что нужно бороться за то, что ты хотел бы получить?

— Стоп, — рыкнул Итан, но девицы не послушались и начали стягивать с него штаны.

«Ну и пусть...» Здесь он мог поймать женщину, даже двух, и что? Не делать этого? Что, черт возьми, с ним происходит? Он мечтал об этом дне, когда, наконец, сможет снова стать мужчиной. Он поклялся, что пресытится сегодня. Лучше бы Мэдлин дала ему то, что он хотел. И уж конечно, ей не следовало давить на него, бубнить о женитьбе. Итан плохо реагирует на такое давление...

Мэдлин полюбила бы его.

Мозг, словно ударом молнии, пронзила ясность.

«О Господи, это же Мэдди. Это она». Она единственная для него. Всегда будет.

— Стоп! — заревел Итан, отцепляя от себя их пальцы и отталкивая руки.

Он вскочил с постели, споткнулся и едва не упал. В Мэдди заключено все его будущее, а он ведет себя по-прежнему как десять лет назад, когда считал, что у него нет будущего. Был слабым, пьющим, податливым... А она в том же возрасте зубами и ногтями билась за лучшую жизнь. Он мог драться за нее, мог измениться, причем основательно, как говорил его брат.

Но Итан едва не совершил нечто настолько идиотское, настолько непоправимое, что мог потерять свою любовь навсегда. Его передернуло.

— Что это с тобой? — недоуменно спросила трактирщица.

Вспомнив ту ночь много лет назад, когда он жестоко повел себя с Сильвией и как был наказан за это, он сказал:

— Извините, дамы, но я женат и валяю дурака. — Откровенного дурака. Он застегнул ремень и рубашку и сунул под мышку сюртук.

— Нельзя сказать, чтобы женатые мужчины отказывались от встреч с другими женщинами, — заметила пухлогубая.

— Я отказываюсь.

Женщины переглянулись и вздохнули.

— Твоей жене очень повезло с таким мужем, — сказала барменша.

— Наоборот, — заверил он их, перед тем как выйти из комнаты и сбежать вниз по лестнице.

Вообще-то Итан нередко возмущался, и это чувство было ему хорошо знакомо. Однако ему никогда не приходилось испытывать такое бешенство при мысли о том, что Мэдди уходит от него. Ах, черт... Ему понадобилась любовь одной женщины, и он страстно желал, домогался ее. И, похоже, вот-вот потеряет ее.

«Завалиться с парой кабацких шлюх. Тоже мне, великолепный Итан. О чем ты думал, черт тебя побери?»

Который час? Половина четвертого. Карета приходит в пять. Если скакать во весь опор, то он успеет вернуться в Карийон вовремя. Но если он вернется к ней лишь с надоевшими обещаниями и с пустыми руками, она все равно может уехать. Он мог бы доскакать до деревенской конторы и попытаться получить специальное разрешение на брак, но рисковал не успеть к ее отъезду.

К сожалению, ее поведение всегда казалось ему непредсказуемым. Если Мэдди уедет до его возвращения, то может решиться окончательно, порвать с ним. Проклятие! Наверное, уже поздно предпринимать что-либо, после того как он вел себя в последние дни, но в любом случае нужно попытаться. Он принял решение и помчался в контору. На него продолжали накатывать сомнения по поводу тайн прошлых лет, но Итан отбрасывал их прочь. «Верни ее! — Эта мысль подстегивала его. — Сделай все, чтобы она стала твоей».

С остальным он разберется после того, как убедится, что она не покинет его сегодня.

Он ворвался в контору более возбужденный, чем когда-либо. Деревенский служащий, естественно, перепугался при виде распространявшего запах виски, небритого рослого горца со шрамом, грохнувшего кулаком по столу. Итан смутно слышал, как служащий объяснял, что оформление специального разрешения займет несколько дней, и ответил, что это же чертова Шотландия — страна брачных лазеек. Потом добавил, что готов взамен построить в деревне новую церковь.

Церковь — до чего же подобающее покаяние. Через сорок пять минут Итан выбежал из здания со специальным разрешением на брак в руке. Он запрыгнул в седло и, пригнувшись к шее коня, помчался в Карийон.

Однажды отец сказал Итану, что мужчина может распознать женщину, с которой хочет связать судьбу, потому что она делает его слабым. Пока он не заявит права на нее, и тогда она сделает его сильным.

Мэдди просто ждала его.

Итан напрягся, заметив на холме приближающуюся к Карийону почтовую карету, и еще прищипнул коня. Не намного опередив карету, он доскакал до дороги для экипажей и слез с коня. Болела рана.

Он увидел Мэдди, стоявшую в конце дороги с сумками у ног. Она выглядела как настоящая леди в лайковых перчатках и шляпе с доходившей до щек черной прозрачной вуалью, но в то же время казалась холодной как лед. У него не возникало сомнений, что не перехвати он ее, она уехала бы, даже не оглянувшись.

Итан так хотел быть с Мэдди, хотел провести с ней остаток жизни. Еще вчера она приняла бы такого мерзавца, как он. А сейчас?

Сдвинув брови и тяжело дыша, он вытянул вперед руку с разрешением на брак:

— Выйдешь за меня, девочка? Мэдди подняла голову.

«Черт! Как всегда, недоверчива». А почему бы и нет? Он никогда не предпринимал ни малейших попыток, чтобы она чувствовала себя защищенной. Она настаивала на браке не из эгоистических побуждений, а исходя из здравого смысла.

— Завтра утром, в десять часов. Если ты согласишься, Мэдди, я буду хорошо обращаться с тобой, — убежденно, с чувством сказал Итан. Потому что он именно это и имел в виду. — Я был чертовым дураком, когда обращался так с тобой.

— Почему ты был таким жестоким? — спросила она без эмоций. — Ты ведь сам приехал за мной в Париж, помнишь?

Он подошел ближе.

— И это было, черт возьми, лучшее решение в моей жизни. — Итан увидел приближавшуюся карету и сглотнул комок. — Мэдди, я знаю, что вел себя как мерзавец. Я говорил, что тебе лучше меня не найти, но это совсем не так. Я это знаю лучше, чем кто бы то ни было. — Он провел растопыренными пальцами по волосам. — Я никогда в жизни не думал, что кто-то разделит со мной мое имя. И мое имя, и я сам немного... запятнаны. Наверное, ты поступишь правильно, если прямо сейчас уедешь от меня независимо от того, насколько сильно я хочу, чтобы ты осталась. Итан подошел еще ближе и встал перед ней.

— Мэдди, я не знаю, хорошо ли у меня это получится — быть твоим мужем, но я хочу им быть. Я хочу воспользоваться своим титулом и хозяйствовать в земельных владениях. Но только в том случае, если ты согласишься стать моей супругой, стать миледи. Если ты только найдешь в себе силы простить меня...

— Ты хочешь сказать, что бросишь свою опасную профессию? — спросила она, все еще не поворачиваясь к нему.

— Если это поможет мне удержать тебя, то да, с радостью.

— Ты так долго отсутствовал только из-за разрешения на брак?

Итан смутился и покраснел.

— Мне пришлось пообещать, что я построю в деревне новую церковь, для того чтобы получить его, — уклончиво ответил он.

— Что изменилось за то время, что прошло с утра?

— У меня открылись глаза, и я, в конце концов, увидел, кто находится непосредственно передо мной. — Она, наконец, посмотрела ему в глаза. — Скажи, что выйдешь за меня замуж.

Мэдди молчала, и ему показалось, что прошла вечность, прежде чем она прошептала:

— Очень хорошо.

Итан смотрел на нее в шоке, от напряжения у него подгибались ноги.

— Ты имеешь в виду... ты будешь... моей... утром? Она кивнула.

— Но не заставь меня, потом пожалеть об этом, Итан.

— Не пожалеешь. — Дрожащими руками он привлек Мэдди к своей груди и зарылся лицом в ее волосы. «Вот какой запах мне нравится». — Я вел себя как идиот.

Какого черта он думал, когда рисковал всем этим? У него было такое чувство, будто он увернулся от пули, а, учитывая, что в него несколько раз попадали, это ощущение дорогого стоило.

Если бы Мэдди узнала, где он был, это расстроило бы ее. Она посмотрела бы на него, и ее большие синие глаза наполнились бы слезами, а он разорвал бы свою грудь и вырвал бы окровавленное сердце, лишь бы она не плакала.

Итан сильнее сжимал ее в объятиях. Рядом остановилась карета, но он махнул им рукой и крикнул:

— Она остается. — Карета покатила дальше, а Итан снова с улыбкой повернулся к Мэдди, но она продолжала прижимать голову к его груди, не желая отрываться от него.

— Я скучала по тебе, Итан. — У нее был такой сладострастный голос, что он задрожал от моментально вспыхнувшего влечения к ней. Всего три дня он не прикасался к ней, не ощущал вкуса ее тела, но казалось, что прошла вечность.

Итан наклонился, чтобы поцеловать Мэдди, намереваясь лишь слегка коснуться ее губами. Но, как всегда бывало у них, простой поцелуй обернулся взрывом страстей. Удерживая ее одной рукой за талию, он снова и снова впивался в ее губы, сжимая другой рукой ягодицы.

Когда она застонала, он поставил ее на ноги. Тряхнув головой, Итан чуть отстранился.

— Кто-то может увидеть, — проворчал он и таким образом впервые проявил заботу о ней, не желая, чтобы о его жене подумали плохо.

— Сегодня рыночный день. Все уехали в город.

Так вот почему в таверне было столько народу. Боже, неужели кто-то видел его? Дойдет ли слух до нее?

— Ты не соскучился по мне? — спросила она вкрадчиво и робко, с явным намеком на ласки.

— Не могу дождаться, когда мы поженимся.

— Не могли бы мы... делать так же, как раньше? В те прошлые ночи?

Мысль о том, что Мэдди отвечает страстью на его страсть, захлестнула его.

— Как скажешь, — выпалил Итан, привлекая ее в свои объятия. — Как ты захочешь. — Он не переставал целовать ее, даже когда они вошли в дом и поднимались вверх по лестнице. Он едва не споткнулся на верхней площадке, когда она сжала ладонями его лицо и проникла своим маленьким язычком в его рот.

Как только он ногой захлопнул за собой дверь спальни, они начали между исступленными поцелуями срывать друг с друга одежду. Раздев ее до белья, Итан стянул с себя рубашку.

Мэдди двумя руками пыталась расстегнуть его ремень.

— Боже, я хочу... — Она смолкла, недоуменно глядя на него. — Итан, почему у тебя следы губной помады под пупком?

О, черт возьми.

— Причем двух оттенков. Будь все проклято.

— Я... Это не... — И он был близок к тому, чтобы преподнести ей фантастическую ложь, однако впервые в жизни и тогда, когда это было нужнее всего, не смог.

Не смог даже тогда, когда у нее повлажнели глаза, задрожали губы, и она прошептала:

— Итан?

Взгляд, которым она наградила его, перед тем как убежать в свою комнату, подсказал, что его окровавленное сердце слишком черно, чтобы предлагать ей.

— Я ничего не делал! — снова завопил он под дверью Мэдди.

Настроение у Мэдди то падало до крайней черты, то поднималось на самый пик, сейчас же снова было у нижней крайней отметки. Когда она увидела Итана, скакавшего в Карийон наперегонки с почтовой каретой, у нее учащенно заколотилось сердце. Затем, когда он стоял на дороге, сжимая в руке разрешение на брак, она сдалась. Но сейчас...

— Оставь меня!

После всех сердечных травм и пережитых трагических событий эта, по ее мнению, была самой болезненной. Почему она продолжала верить ему, хотя он не давал ни единого повода для этого?

— Черт побери, я действительно ходил в таверну и снял там комнату. Признаю это, но я ничего не делал. Я сказал им, чтобы прекратили!

— Так было две женщины? — воскликнула она, почувствовав вдруг позыв к рвоте. Она сама видела доказательство этого, но не хотела верить, что он был не с одной, а с двумя женщинами.

— Подожди, подожди, это звучит хуже, чем было...

— Ты повел двух женщин наверх, в отдельную спальню, или, возможно, их было не две, а больше?

— Но ничего же не было!

— Конечно, нет! Ты остановил их, когда они целовали тебя ниже пупка. Большинство мужчин поступают благоразумно и проявляют отменную рассудительность, когда рот женщины находится непосредственно над его пахом. Особенно если пьяны!

— Я не смог. Ради Бога, я отведу тебя в таверну, и ты сама сможешь спросить у них, — взмолился Итан.

Мэдди верила, что Итан все-таки остановился, но это не имело значения.

— Еще не прошло и двух недель с тех пор, как мы вместе. А ты уже возгордился тем, что сохранил верность? Что же будет, если мы проживем вместе годы?

— Тебе не кажется, что ты несколько забегаешь вперед?

— О-о-о, да ты хорош! Лучше бы никогда не встречала тебя. Я идиотка! Сколько раз можно убеждаться в том, что ты отвратителен!

И теперь ей придется дожидаться почтовой кареты целых два дня.

— Ладно. Поступай, как хочешь.

Мэдди лежала, поджав к груди колени, и тихо плакала, не имея понятия, сколько прошло часов. Она слышала, как он шагал по своей комнате, прежде чем улечься в кровать.

«Как он может спать после всего?..»

Она слышала его раздраженное бормотание на гэльском, потом снова раздались шаги.

— К чертям все это, — пробормотал Итан. — Я не могу спать без тебя — выкрикнул он, оказавшись перед ее дверью.

— Привыкай.

— Даже если бы что-то и было, хотя не было ничего, мы ведь, черт возьми, еще с тобой не женаты.

«Противный».

— И ты только что доказал, что никогда не поженимся.

На следующую ночь Итан, сам себе, удивляясь, снова расхаживал возле закрытой двери в комнату Мэдди и просил впустить его.

Она приворожила его. Ах, как же он скучал по ее объятиям! А она прошлой ночью несколько часов проплакала, чтобы заставить его помучиться. Он был уверен в этом.

Мэдди не могла видеть его, но если его замечание в их перепалке оказывалось грубым, он съеживался за дверью. В схватках он дрался, чтобы пустить кровь, и ему трудно было отказаться от этой привычки, хотя, причиняя ей сейчас боль, он сам страдал.

Итану нестерпимо хотелось к ней, но то, как она посмотрела на него, захлопывая перед носом дверь, сдерживало его.

Тем не менее, сейчас...

— Хватит, Мэдди. Ты уже достаточно наказала меня. Я имею право спать с тобой.

— Ты утратил все права, увлекшись другой женщиной. Хотя извини, двумя женщинами.

— У меня не было влечения к ним.

— Конечно же, нет, — не без сарказма согласилась она.

— Я все время думал о тебе, о прикосновении к тебе.

— У тебя что, стыда нет? — закричала Мэдди. — Ты кретин!

— Открой эту проклятую дверь.

— Ни за что.

— Открой, или я высажу ее! Ты уже видела, как я это делаю.

— Ты не посмеешь.

Итан с силой пнул дверь, почти прогнув ее. Отклонился, чтобы ударить еще раз, и выбросил вперед ногу. Но эта маленькая ведьма... открыла дверь.

Он влетел в комнату, едва удержавшись на ногах.

Задрав подбородок, довольно потирая руки, Мэдди обошла его, чтобы выпроводить из комнаты.

— Ах, черт возьми, у меня на ране разошлись швы, девочка.

— Что? — вскрикнула она, бросаясь к нему. — Дай посмотрю!

— Ах-ха! — Итан ухватил Мэдди за талию и, присев, усадил к себе на колени. — Ты все еще тревожишься обо мне!

— Невероятно! Ты жестокий и извращенный...

— Значит, ты станешь женой жестокого и извращенного типа.

— Черта с два стану. — Мэдди сжала кулачки, собираясь ударить его в грудь.

— Будет чертовски больно, если ты сделаешь это, но если это поможет тебе выслушать меня, то я предоставляю тебе свободу действий.

Опустив кулаки, Мэдди попыталась освободиться, но он крепко держал ее, и ей от отчаяния оставалось только скрипеть зубами.

— Я отпущу тебя, если ты выслушаешь меня. Всего пять минут.

— Ни в коем случае, — ответила она, но Итан, не слушая, поднялся со свистящим придыханием и повел ее к кровати.

— Стоит ли снова говорить, что я ничего не сделал? Мэдди присела на край кровати, скрестив руки на груди.

— Даже если бы я поверила тебе, это не значит, что я могу закрыть глаза на твои намерения. Ты явно намеревался переспать с другой женщиной... с женщинами!

— Да, у меня были явные намерения переспать с таким количеством женщин, с каким удалось бы, — признал он, от чего она ахнула. — Меня не назовешь порядочным человеком,

Мэдди. — Итан начал рассказывать по комнате. — Все, кто меня знает, считают откровенным негодяем самого низкого пошиба. Даже мои братья.

«Братья? Как можно...» Мэдди встряхнулась. Она согласна с ними!

— Когда я был моложе, я каждую ночь проводил с новой женщиной. Если она была замужней, то это было даже лучше. Но если сложить вместе все приятные ощущения, что я испытал за те годы, то они не составят и малой доли того, что я чувствую с тобой. — Итан посмотрел на нее, пытаясь понять, какое впечатление произвели на нее его слова. — Потому что я хочу... большего от тебя. И осознание этого до умопомрачения напугало меня.

— Почему?

Итан пригладил пальцами волосы.

— Потому что неизвестно, как ты отреагируешь, если обнаружишь нечто непереносимое для тебя в моем прошлом: уйдешь от меня? Что тогда будет со мной? Я буду все равно, что мертв.

Мэдди приоткрыла рот.

— Ты слишком красива и умна. И когда, наконец, перестанешь бояться, сотрутся твои воспоминания о голоде и опасности, ты согласишься на меня и задашься вопросом: на кой черт вышла за меня замуж?

Итан выглядел таким... измученным, что она не могла ничего сказать.

— То, что я чувствую по отношению к тебе, похоже на болезнь. Женщина, ты привязала меня крепкими узлами. Я уже не понимаю, что происходит, и не могу думать ни о чем, кроме как о тебе.

Итан взял стул и сел напротив Мэдди, уперев локти в колени.

— Когда я замечаю что-то интересное, то, прежде всего, думаю, понравилось ли бы это тебе. Когда ем то, что мне нравится, хочется, чтобы ты попробовала это. И все время задаюсь вопросом, что во мне не так, почему я такой. Это просто... неправильно. Я никогда в жизни не хотел ставить желания другого человека выше собственных. Мэдди затрясла головой:

— Но это не объясняет того, что ты сделал... или почему.

— Мэдди, у меня долгое время не было женщины еще до встречи с тобой. Я... не имел женщин в течение трех лет. Это было ужасно. И я дал себе обет, что, если вернусь в нормальное состояние, постараюсь пресытиться. Потом, с тобой, все встало на свои места, и я подумал... подумал, что, переспав с другой, можно будет... Боже, я не знаю, ослабить, что ли, те чувства, какие я испытываю к тебе, или загасить их, но все, что я делал, только доказало, что я не могу даже представить себя ни с кем другим, кроме тебя.

Он казался настолько искренне смущенным, даже испуганным, что гнев ее смягчился. Шотландец влюбился в нее.

Наконец-то.

И Мэдди было неловко признать это, но то, что он вовремя остановился в таверне, впечатлило ее. В тех странных, эксцентричных и безнравственных сценах, какие ей доводилось наблюдать в Марэ, ей никогда не приводилось видеть мужчину, добровольно прерывавшего процесс до его завершения. И все же...

— Как бы ты отнесся к противоположной ситуации? Если бы двое мужчин целовали мое тело?

Итан побледнел и сжал кулаки.

— Смертельно.

— Что заставило тебя остановиться? С женщинами?

— Ты сказала, что могла бы... полюбить меня, если бы я был верным, — пробормотал он, затем отвел взгляд. — Я хочу... думаю, я хочу, чтобы любила.

Она подняла пальцы к вискам, чтобы унять боль.

— А Куин? Итан нахмурился:

— Что Куин?

— Какие мотивы побудили тебя рассказать Куину о наших близких отношениях?

— А, это. Не хотел, чтобы он поехал за тобой. Я сказал ему, что ты моя, а он все говорил, что нужно кое-что обсудить.

Мэдди не могла даже представить себе подобный разговор.

— Ты сожалеешь об этом, Итан?

— Ты ведь знаешь, что я не верю в извинения. И в результате я сохранил верность. — Он встретился с ней взглядом. — Но ты права, Мэдди, я сожалею о том, что причинил тебе боль.

Он хотел прощения. Он хотел... ее. Страстно.

Хотя разве этого достаточно? Она не могла и дальше делать это при угрозе обманчивого достижения счастья, которое потом будет вырвано у нее из рук.

— Мне нужно обдумать все это, — сказала Мэдди.

— Да, конечно. — Итан поднялся, однако, заметив, что она осталась на месте, насутился. — Но не могла бы ты думать об этом рядом со мной, в моей постели?

Она сердито посмотрела на него.

— Я ничего тебе не сделаю, — попытался он заверить ее.

— Еще вчера тебя целовали две женщины. Предоставь мне немного свободного пространства, чтобы не задохнуться, Итан.

На рассвете Итан услышал крики Мэдди, которой вновь, после долгого перерыва, приснился кошмар.

Он подбежал к ней и, обняв, принялся успокаивать.

— Ш-ш-ш... ш-ш-ш, любовь моя. Все прошло. — Он погладил ее по спине, как ей нравилось. — Вот так, девочка. Все прошло. — Никаких неуклюжих похлопываний: он научился ловко успокаивать ее.

К тому времени как подсохли слезы, она расслабленно лежала в объятиях у него на коленях, а он касался губами ее волос.

— Позволь мне быть всегда рядом. Давай утром поженимся.

После долгих колебаний Мэдди спросила:

— Но как я могу доверять тебе?

— Просто дай мне еще один шанс. Ты не пожалеешь об этом.

В конце концов, она едва заметно кивнула:

— Если только поклянешься, что будешь хранить мне верность.

Итан взял в ладони ее лицо и взгляделся в блестящие глаза. — Мэдди, клянусь, я буду хранить тебе верность.

— Но, Итан, я не выдержу очередного краха моих надежд. Уверю тебя, я терплю подобное в последний раз. Так что, пожалуйста, больше не причиняй мне боль.

— Не буду, любовь моя, клянусь. — Давая клятву, он знал, что будет стараться ограждать ее от болезненных переживаний.

Тем не менее, Итан боялся, что, несмотря на его сегодняшние благие намерения, прошлые, неблагоприятные поступки все равно представят его в невыгодном свете, и он будет

выглядеть лжецом. Правда была разрушительной и могла только причинить ей еще больше боли.

А это означало, что она никогда не должна узнать всей правды.

«О Господи, что я делаю?» — подумала Мэдди в разгар свадебной церемонии. Действительно ли ей хотелось этого? Если нет, для побега оставалось не более двух минут, а затем они с Итаном произнесут клятвы брачующихся.

«Не ты ли сама настаивала на этом, Мэдди?» Да, но это было до того, что произошло в последние два дня. Сейчас она не была так уверена в нем, как ранее.

Церемонией, казавшейся ей призрачной, руководил мистер Барнаби — добродушный пожилой шотландец, говоривший с заметным, хотя и не с таким сильным, как у Итана, акцентом. Мэдди неясно различала произносимые мистером Барнаби слова:

— Я уполномочен, начальником службы регистрации актов гражданского состояния совершать торжественные гражданские брачные церемонии в соответствии с законодательством Шотландии. Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы я мог скрепить брачный союз Итана Росса Маккаррика с Мэдлиной Изабель Ван Роуэн...

Несмотря на роившиеся в голове противоречивые мысли, Мэдди сохраняла бесстрастное выражение на лице. Стоявший рядом Итан был напряжен и, словно ястреб, следил за каждым ее движением, вероятно, подсознательно чувствуя, что она может сбежать.

Когда она проснулась сегодня утром, одолевавшая в течение двух последних дней тоска покинула ее, но пришла самая настоящая паника.

Но отчего? Итан искренне сожалел о своем поступке, беда миновала их, и он так чудесно вел себя прошлой ночью: гладил ее по голове, пока она не уснула. В конце концов, она собирается стать такой же женой, как те молодые женщины из булочной.

«Делает ли она что-то такое, что могло бы усугубить ее уязвимость?»

Мэдди не хватало свежего воздуха, ей хотелось выйти из закрытого помещения, отдышаться. У нее взмокли ладони, сжимавшие маленький букетик, а корсет натирал кожу. Она с раздражением вытянула губы трубочкой, чтобы подуть на прилипавшую к лицу короткую кремовую вуаль. Похоже, у нее была еще и паранойя, поскольку она могла поклясться, что Итан вздрогнул, когда Барнаби произнес ее имя.

Перед тем как Итан должен был произнести клятву, Мэдди украдкой посмотрела на него. Он стоял, выпрямившись, испытывая гордость и удовлетворение от того, что находится здесь, с ней. Потом она заметила, как он с-трудом сглотнул комок. Он тоже нервничал, но стоял рядом, готовый вверить ей свою жизнь.

Люди, естественно, проявляли волнение в процессе их свадебной церемонии. Все шло так, как и должно было идти.

Начав произносить клятву, Итан смотрел на нее, и Мэдди была потрясена страстным желанием, которое излучали его глаза.

— Я, Итан Маккаррик, даю обет любить, чествовать и почитать тебя, Мэдлину Ван Роуэн, обещаю в радости и печали оставаться верным, честным и преданным мужем, и сегодня я даю тебе это обещание на всю мою оставшуюся жизнь.

«О, Итан». И в этот момент впервые за все утро Мэдди перевела дух. К ней пришла умиротворенность, и она успокоилась. У Мэдди вдруг возникло чувство, что она всю жизнь стремилась к этому моменту, к этому мужчине — гордому и властному горцу, который пожирал ее пылким взглядом и только ради нее смягчал осторожные прикосновения.

«Посмотрите на нее...» — подумал Итан, в то время как Мэдди произносила свою

клятву. Почему он своевременно не употребил всю свою власть, чтобы назвать ее своей?

В ее ярких синих глазах сквозил ум, подбородок был гордо выставлен вперед. Нервозность Мэдди сегодня утром была почти осязаемой, но она все равно смогла пройти эту свадебную церемонию. «Отважная девочка, решившая рискнуть, связав свою судьбу со мной».

Кто из мужчин не солгал бы, не украл или не убил ради нее?

После того как они оба произнесли свои клятвы, Итан пообещал про себя, что немедленно подчистит хвосты и заметет ведущие к нему следы.

— Вследствие сделанных вами, стоя передо мной, обязывающих заявлений, — начал регистратор, — данной мне властью я объявляю вас, Итан Росс Маккаррик, и вас, Мэдлин Изабель Ван Роуэн, мужем и женой.

«Какое облегчение». Рука Итана нащупала ладонь Мэдди.

— Шотландец, мы оба раздеты и лежим в кровати, — заметила Мэдди, вскоре после того как они вернулись в Карийон. — Что это за причина побудила тебя медлить на полпути? — Он зацеловал ее до потери сознания, пока они раздевали друг друга, но потом вдруг остановился. Итан посмотрел на нее:

— Я наслаждаюсь вкусом. Не каждый же день мужчина женится, тем более что пришлось так долго ждать.

— Ты думаешь, меня стоило ждать?

— Ты и была той, кого я ждал. Если бы я не встретил тебя, я не женился бы. А тебе уже никуда от меня не деться.

Мэдди приложила ладонь к его груди и явственно ощутила стук его сердца.

— Ты опять нервничаешь?

— Да. Когда я делал это в последний раз, у меня явно не очень хорошо получилось.

Мэдди усмехнулась:

— Уверена, у тебя получится на этот раз.

Он с плутовской улыбкой наклонил голову и чуть прикусил ее грудь.

— Тогда, Мэдди Маккаррик, давай окончательно оформим этот брак.

Когда она протянула к нему руки, чтобы привлечь к себе. Итан провел тыльной стороной пальцев по ее животу.

— Как приятно, — сказал он. — Ты тоже нервничаешь?

— Правду?

— Правду.

— Я немного напугана, Итан.

— Я буду действовать не спеша. Тебе не будет больно. Мэдди покачала бедрами.

— Мне уже больно.

— Видит Бог, мне тоже. — Он нежно приложил ладонь к ее лону и со стоном погрузил палец внутрь. — Ангелочек, тебе нужно расслабиться.

— Я не могу, — с несчастным видом прошептала она. — Может быть, нам следует подождать еще? Что-то я боюсь.

Итан прильнул к ее шее.

— Мэдди, позже ты не будешь подготовлена больше, чем сейчас. Чем дольше мы будем ждать, тем сильнее тебя будут донимать предрассудки. Теперь я понял это.

— Но ты вел себя так ужасно в первый раз. В моем кошмаре, как только я поддаюсь, ты

с самодовольной жестокой ухмылкой говоришь отвратительные вещи. А потом...

— А потом?

— Потом ты покидаешь меня.

— Мэдди, девочка, теперь ты со мной и никуда не уйдешь от меня, — сказал Итан и, чтобы поднять ее настроение, добавил: — Но лучше тебе постараться, чтобы не оставалось сомнений.

Она ахнула, а он повернул ее на бок и шлепнул по заднице, чем вызвал ее громкий смех.

— Ты бесстыдник! — задыхаясь, проговорила Мэдди, возбужденно блестя глазами.

— Да, но именно это тебе и нравится во мне. — «Ага, она не отрицает это». — Доверься мне, и я тебя не подведу.

После этого, когда, казалось, прошла вечность, она кивнула, и Итан понял, что они на самом деле близки. Другими словами, они близки к тому, что он впервые после женитьбы будет обладать своей женой. И уж он постарается сделать так, чтобы ей было хорошо.

Мэдди прикусила губу.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы я сделала. Зная, какие мучения его ожидают, он сказал:

— Я хочу, чтобы ты была сверху. — Она нахмурилась. — Ты сможешь двигаться так медленно, как захочешь.

Он перевернулся на спину, и Мэдди легла сверху.

— Итан? — нервно прошептала она.

Протянув руку, он ввел сначала один, а потом два пальца в ее лоно и застонал, когда она сладострастно выгнула спину. Он начал двигать пальцами вперед и назад, и она шире раздвинула ноги, впуская его вглубь.

— Вот так.

Когда Итан попытался вставить внутрь третий палец, она со стоном прильнула ртом к его губам.

— Я сейчас уберу пальцы, и тебе понадобится там что-то взамен. — Мэдди захныкала, когда он убрал их. — Возьми мой ствол, — он схватил ее руку, — и вставь его сама, как только почувствуешь, что готова.

Положив свою руку на ее, Итан показал Мэдди, как она должна действовать. Она уже была готова принять его. От удовольствия Итан заскрежетал зубами. Потом убрал руку, предоставив ей свободу действий.

Когда она медленными круговыми движениями терлась об него, он едва сдерживался. Итан начал потеть от напряжения, и ее груди терлись о его скользкую грудь, пока она извивалась на нем.

Пытка, самая настоящая. Она не сознавала, как мучает его.

— Вставь его внутрь, Мэдди, — взмолился он. — С ним я постараюсь, чтобы ты получила удовлетворение. — Сколько это еще будет продолжаться, прежде чем он опрокинет ее на спину и не овладеет ею? Потом он осознал, что сможет терпеть это столько, сколько нужно. Столько, сколько ей нужно.

Она впустила его внутрь.

— Вот так, девочка, — вырвалось из горла Итана. Он широко раздвинул колени, предоставив ей возможность свободнее двигаться сверху. И так, ему не нужно даже особо помогать ей. Закинув руки назад, он ухватился за спинку кровати.

— Ну и женушка у меня. — Он содрогнулся от удовольствия. — Ах, Господи... настолько глубоко, насколько сможешь...

Мэдди была уверена, что больше вместить его не сможет. Но, увидев, как он, испытывая дикое напряжение, исказившее черты его лица, отчаянно пытается сдержаться, решила попытаться помочь ему.

— Итан, я не знаю, что нужно делать. — Одно дело было видеть других в разных позах, и совершенно другое — пытаться самой. Мэдди испытывала неуверенность и неловкость.

— Поднимись, а потом опускайся, стараясь вобрать его глубже, — подсказал он хриплым, прерывистым голосом.

— Покажи как.

— Если я коснусь тебя, то утрачу контроль над собой. — Его руки стискивали спинку кровати, мышцы рук бугрились от напряжения. Дыхание было неровным, мышцы груди подрагивали. — Жутко хочется войти в тебя на всю длину... — Их взгляды скрестились. — Вгони его поглубже в себя.

— Не входит. Я доверяю тебе. Покажи мне, пожалуйста. — Мэдди сама услышала панические нотки в своем голосе.

— Послушай, девочка. Тебе это должно понравиться, — попытался он подбодрить ее тоном, не соответствовавшим сковывавшей его тело напряженности.

Мэдди потянулась к его рукам и поразилась тому, как они дрожали, когда она положила их на свой зад. Итан застонал и, по-видимому, непроизвольно качнулся к ней бедрами. Растопырив пальцы и обхватив ягодицы, он приподнял ее вверх, а потом опустил вниз.

Ее захлестнула волна наслаждения.

— О! Какое... прекрасное ощущение.

Еще раз вверх и вниз, потом замерла. Мэдди ожидала боль, но ее не было. Ощущение растягивавшихся внутри мышц приводило ее в восторг, чувство наполненности представлялось единственно необходимым. Итан был прав — ей было нужно это.

— Умру, но сделаю так, чтобы ты испытала наслаждение первой, — хрипло промолвил он. — Двигайся, шире раздвигая колени.

Она последовала его совету, и он втиснулся глубже, причем боли она не ощутила. Наоборот, было приятно.

— Итан, мне так хорошо там, внутри, — удивленно прошептала она.

Дернувшись под ней, он только хмыкнул в ответ.

Мэдди приподнялась, потом наклонилась и, вцепившись руками в его плечи, постаралась вобрать в себя, его на максимально возможную длину.

Волнистые блестящие локоны обрамляли ее лицо, в синих глазах не было и тени страха — только полное доверие. Она была так прекрасна, что внушала благоговение.

Перехватив ее взгляд, Итан пробормотал ей клятву на гэльском языке — зарок на всю жизнь, который должен был навсегда связать их. Хотя Мэдди не понимала слов, она уловила смысл. Сжав его щеки ладонями, она наклонилась и нежно поцеловала его.

Затем она приподнялась и снова заерзала на нем.

— Итан, я хочу вобрать больше твоей плоти. — Заведя руку назад, она провела ногтями по внутренней стороне его бедер и взяла в ладонь мошонку. Итан закатил глаза от удовольствия, сознавая, что она чувствует, как его член пульсирует внутри ее. Мэдди поощряюще улыбнулась ему.

— Я хочу полностью вставить его в тебя. — Согнув ноги, он упер колени ей в спину и накрыл ладонями ее прелестные груди. Придерживая ее коленями, он снова и снова теребил пальцами ее торчащие соски. Поскольку она продолжала беспомощно елозить на его стволе, Итан, вдавив пятки в матрац, начал осторожно помогать ей движением бедер вверх и вниз. Мэдди вскрикнула и откинула назад голову, при этом ее волосы каскадом легли на его колени.

Заставив себя замедлить их взрывоопасное соитие, Итан сбавил скорость. Она робко задвигала бедрами, как бы прислушиваясь к ощущениям. Когда его пальцы, которыми он ласкал ее, сместились к ее влажным складкам, она задергалась, двигаясь, все быстрее и быстрее. В стремлении достичь оргазма Мэдди старательно трудилась, сопровождая стонами частые хлопки своих бедер о его тело.

Она поразила Итана своей трудоспособностью.

— Ах, ты моя умная девочка, — довольно прокричал он. Его член лишь наполовину входил в нее, и он знал, что она могла бы принять изрядную его часть, но... «ей должно быть хорошо... лучше, чем в первый раз».

Тем не менее, он не знал, сколько еще сможет продержаться, получая такое наслаждение.

— Давай кончай, — скомандовал он, учащая темп. Когда Мэдди сделала это, мощь ее сокращений вызвала оргазм и у Итана, и он выплеснул в нее семя, обдавая теплом ее внутри. Еще и еще. Нескончаемый поток семени.

Обмякнув, она повалилась на него, прижалась к груди. Их сердца гулко и часто стучали в унисон. Даже после оргазма он не утратил эрекцию и продолжал вонзаться в нее.

Не желая прекращать процесс, он, не вынимая члена, уложил ее на спину.

— Можно, я возьму тебя еще раз? — Почему-то сейчас у него возникло еще большее желание, чем до этого.

Она взглянула на него без недовольства и даже без явного желания. Ему каким-то образом удалось влюбить в себя эту женщину.

— Я твоя, Итан... делай со мной все, что захочешь.

Его, словно кнутом, обожгло желание взять ее неистово, оставить навсегда неизгладимое впечатление. Похоже, влечение брало верх над разумом.

— Не хотелось бы причинить тебе боль. Но... мне нужно это... мне нужен более жесткий секс.

Она сместила бедра ближе к нему.

— Все, что ты пожелаешь.

Мэдди захотелось взять назад свои слова, когда она увидела, как потемнели и зажглись страстью его глаза. Итан приподнял ее голову.

— Я никогда не дам тебе уйти, — пробормотал он и, наклонившись, прильнул ртом к ее губам. — Никогда... — Он терял над собой контроль. Мэдди чувствовала это. Его массивное тело нависало над ней, гладкие мышцы верхней части тела от жилистой шеи до талии были напряжены.

Он прижал одно ее колено к ее же груди и, прижав эту ногу торсом, обхватил рукой, чтобы, держась за нее, было удобнее совершать толчки. Другую руку Итан положил на низ ее живота, чтобы большим пальцем ласкать ее, заставляя извиваться от наслаждения.

Каждый раз, наваливаясь на нее, он налегал на ногу, широко раскрывая ее вход. Похоже, ему нравилось тереться грудью о ее ногу.

Но вот его ритм неимоверно ускорился. Каждый раз, когда Мэдди казалось, что глубже уже не проникнуть, он с большей силой вонзался в нее, вынуждая ее вскрикивать от удивления и наслаждения.

Это было даже лучше, чем являлось ей в мечтах, когда она представляла себе секс с ним. Её завораживал его дикий взгляд и ощущение эластичности его кожи, когда она проводила по ней ногтями или ладонями. Его рот был приоткрыт, и из него вырывалось прерывистое дыхание.

Такое можно было ждать и в тысячу раз дольше....

Ухватив ее за согнутые колени, он снова и снова вонзался в нее, пока она в изнеможении не откинула голову на подушку. Она наслаждалась моментом и хотела, чтобы это продолжалось вечно. Но с учетом упорного натиска со стороны его плоти она не могла выиграть.

Как только Мэдди почувствовала, что близка к завершению еще раз, Итан с придыханием заявил:

— Хочу прочувствовать, как ты взлетаешь.

И она «взлетела», выкрикивая его имя, и тогда из его груди вырвался отчаянный, гортанный рык. Их взгляды встретились, когда он излил в нее свое семя.

— Моя, — прохрипел он и рухнул на нее.

Итан хрипло дышал, уткнувшись ей в шею и крепко обнимая. Он был потрясен тем, что произошло между ними. «Никогда не думал». Мэдди водила ногтями по его влажной спине.

— Ох, Шотландец, ты полностью реабилитировал себя, — благоговейно прошептала она. Итан лишь сильнее стиснул ее в объятиях и подумал, сможет ли разжать руки, чтобы отпустить ее?

«Вот в чем все дело».

Раньше он был слишком невежественным и пренебрегал тем, что можно было постичь только в результате самоотдачи.

Итан понимал, что весь его прошлый опыт — ничто по сравнению с тем, что дала ему Мэдди. Все равно как будто всю жизнь ел, не будучи голодным, или никогда не пробовал лакомого кусочка.

Сейчас же испытывал жуткий голод. И лакомился.

И ему совсем не хотелось возвращаться в прошлое.

«Если подобный нам человек меняется, то это серьезно...»

Лежа в кровати, обняв спящую Мэдди, Итан подумал, что Хью был прав. Снаружи царила промозглая зимняя ночь, шел холодный дождь, но им было тепло в кровати напротив пылающего камина.

Что характерно, Итан не чувствовал в себе особых изменений. С другой стороны, он никогда не отличался тактом или обходительностью. Просто ему было легко с Мэдди.

Когда Итан был с ней, он чувствовал себя супругом. Возможно, даже... может быть, даже хорошим супругом.

После регистрации брака Мэдди поинтересовалась, можно ли отложить отъезд в горы до весны. Объяснила это тем, что ей понравилось в Карийоне и она хотела бы остаться здесь на зиму. Довольно простое объяснение.

За последние два месяца пребывания здесь Мэдди наполнила его жизнь волнением и радостью. Итан никак не мог понять, как ей удалось сохранить эти черты, несмотря на многолетние тяжелые испытания, через которые ей довелось пройти, но был рад, что она не утратила жизнелюбия. Похоже, она действительно сбросила оболочку, и ее редко посещали ночные кошмары.

Каждую ночь Мэдди спала в объятиях Итана и часто, вытягиваясь всем телом, засыпала на нем, что ему особенно нравилось, поскольку, удерживая ее в этом положении, он мог без труда входить в нее.

Каждый раз, когда ему приходилось уходить днем по делам поместья, при его возвращении она всегда с сияющим лицом выбегала навстречу и, раскрыв объятия, бросалась ему на грудь.

— Я скучала по тебе, — бормотала она ему в шею, едва он подхватывал ее, даже если отсутствовал всего несколько часов.

— Мэдди, знаешь, каково это видеть, как ты бежишь ко мне? — сказал он ей на прошлой неделе.

Она откинула назад голову и насмешливо усмехнулась:

— Знаешь, каково это, когда не можешь дождаться, пока ты дойдешь до дверей?

Итана всегда считали угрюмым и неприветливым. Так отчего же он бегал по дому, преследуя визжащую и хохочущую жену?

Вообще их дом был наполнен смехом. Конечно, благодаря Мэдди. Она подружилась со всеми соседями. Приглашения от них поступали, чуть ли не каждый день.

Мэдди служила как бы мостиком между ним и другими людьми. Он стал оценивать людей, представляя себе, что он такой же, как она, общительный и любитель повеселиться. Итан не сомневался, что когда привезет Мэдди в свой клан, то и там она окажет благотворное влияние на отношение к нему.

Особенно ей нравилась одна вдова, которую звали Агнес Халли, которая жила ниже по побережью с целым выводком озорных детишек. Мэдди нравилось играть с детьми: запускать змеев, подбирать и приручать бездомных животных, дразнить самого злобного павлина, а потом убегать от него. Наблюдая за ней, Итан испытывал угрызения совести за то, что у нее рано закончилось детство.

Иногда он сомневался в целесообразности своего решения скрыть от Мэдди правду о

прошлом и мучился желанием во всем признаться. Но она была слишком счастлива и ежедневно сообщала ему об этом. Стоило ли нарушать это состояние счастливого неведения?

Иногда Итан поддавался обману и забывал, что всему этому мог прийти конец. Забывая об этом, он чувствовал себя счастливее, чем когда бы то ни было. С ним уже случалось нечто подобное. За неделю до своей смерти отец пообещал Итану, что в день его четырнадцатилетия, то есть ровно через две недели, возьмет его с собой на охоту на Гебридские острова.

Отец умер, но Итан, даже после того как увидел тело, ухитрялся забывать об этом. В течение последующих нескольких дней каждое утро просыпался, вскакивая с постели с улыбкой на лице, потому что путешествие с отцом якобы приближалось еще на один день. Потом вдруг вспоминал, что произошло, и испытывал стыд за то, что поддавался счастливым грезам в трагических обстоятельствах.

Сейчас же, уставившись в потолок, прижимал к себе Мэдди. Он постарался, чтобы она не смогла узнать правду о прошлом. Хотя все те, кто как-то был замешан в том деле, либо давно покинули Англию, либо умерли. Итан предпринял дополнительные меры предосторожности, уволив управляющего именем Айвли, который, как и следовало ожидать, не был инициативным или особо трудолюбивым. Затем дал инструкции своему поверенному, в соответствии с которыми тот должен был переписать имение на Мэдди, сделав при этом все возможное, чтобы скрыть цепочку владельцев. И только после того как новый документ был получен, нанял нового управляющего — не очень опытного, но, по сведениям, исключительно преданного и работающего молодого человека.

В любом случае никто из тех, кто, так или иначе, был связан с его прошлым, не знал, где находились они с Мэдди. Вообще об этом знали очень немногие. Знала Коррин, но только потому, что Мэдди посылала им с Беа деньги. Он сам настоял на этом. Если бы не Коррин, которая всегда проявляла заботу о ней, Мэдди могла бы... погибнуть. Коррин и Беа стали ее семьей, и Итан готов был поддерживать их так же, как если бы они были кровными родственниками его жены.

Теперь, когда Мэдди стала его женой, он принялся всячески баловать ее, чтобы хоть как-то загладить вину за прошлое. Постоянно покупал деликатесы и потчевал ее, так что с каждым днем она становилась еще краше, прибавляя в весе в нужных местах. Мэдди засияла, когда, наконец, ее кольцо плотно село на палец.

Перестав отмахиваться от мысли, что из-за него жена голодала в трущобах, Итан взъярился на себя и мучительно, как наказание, переносил эту обращенную на себя ярость. Еще он пришел к выводу, что должен удвоить усилия по задабриванию жены.

— Знаешь, чего мне недостает? — заявила Мэдди несколько недель назад. — Лошади, которая у меня была в Айвли, — прекрасной гнедой с бархатными глазами. Готова поклясться, что она любила меня так же, как и я ее.

Естественно, Итан купил ей гнедую кобылу, потому что он, подобно всем другим мерзавцам, потерявшим от любви голову, готов был сразиться с драконами, лишь бы заслужить хотя бы намёк на улыбку со стороны любимой. Теперь Итан ежедневно совершал с ней прогулки на лошадях.

В той же конюшне, где он приобрел кобылу, ему приглянулся рослый мерин, и он купил его для себя. Мерин с самого начала решительно невлюбил Итана. Как всегда, животные либо любили, либо ненавидели его, хотя Мэдди открыто заявляла, что, по ее мнению, его

ненавидели все животные, кроме кошек. Правда, чтобы не обидеть его, добавляла, что, мол, признание кошачьих — это самый важный фактор.

При каждом удобном случае мерин норовил сбросить его, лягнуть или, прижав к дереву, выкинуть из седла, что вызывало безудержный смех у Мэдди, которой приходилось цепляться за гриву своей кобылы, чтобы не свалиться. Она обычно смеялась до тех пор, пока ему не удавалось изобразить ухмылку.

Хотя Итан сознавал, что слишком баловал Мэдди подарками, остановиться он не мог. У нее должно быть столько предметов одежды и драгоценностей, чтобы она могла выбрать на любой случай.

Когда он пару недель назад купил ей жемчужное кольцо, Мэдди сказала:

— Итан, это уже... слишком. — Улыбка ее при этом была тусклой.

— Мне казалось, что ты хотела иметь богатого мужа, а так поступают все богатые мужья.

— Я хотела иметь мужем человека с деньгами не для приобретения драгоценностей и прочих внешних атрибутов богатства. Я хотела лишь обрести безопасность и стабильность для себя и детей, которых надеюсь иметь.

Дети. «Что, если я не могу иметь детей?» — снова возвращался к этому вопросу Итан, сидя в напряжении рядом с Мэдди.

Он так долго верил в это чертово проклятие, что начал всерьез тревожиться по поводу отсутствия беременности у Мэдлин. И Итана несколько беспокоило то, что у него уже несколько месяцев не получается то, что Корт ухитрился сделать за три недели.

Нельзя сказать, что раньше он надеялся иметь потомство, это не так, но почему-то у него появилось ощущение, что с Мэдлин у него обязательно будут дети. В мозгу мелькала даже мысль, что это предопределено.

Он осторожно переложил спящую Мэдди на спину. Откинув с нее одеяло, принялся изучать обнаженное тело. Итан погладил ее плоский живот и представил себе, как он увеличился бы, какой был бы тугой и полный, если бы был зачат ребенок. Тем не менее, он все еще надеялся на это.

Итан ощутил сильную эрекцию, как только представил себе Мэдлин в таком виде. Это было так примитивно, так возбуждающе, что он почувствовал себя в высшей степени собственником, причем, несомненно, вождем.

Идея заронить в нее семя, потом оберегать ее, поддерживать в ней радостное настроение, заботиться о ней, пока она вынашивает плод, целиком завладела им.

Мэдди проснулась и ахнула, когда он, разведя в стороны ее руки, вошел в нее. Она стонала, в то время как он все жестче и жестче вонзался в нее и, наконец, с исступлением кончил.

Во время прогулки к морскому побережью ясным весенним утром за Мэдди увязался черный котенок.

Недавно Итан принес его домой из деревни, и она назвала его Маленьким Ша-Нуаром.

Расстелив одеяло, Мэдди села и начала водить пальцами по песку, заигрывая с котенком, пока тот не стал бросаться на руку. Но вскоре у котенка пропал интерес к охоте, и он стал ласкаться, выражая свою привязанность. Поглаживая его ушки, Мэдди рассеянно смотрела на волны и размышляла о месяцах, прожитых в статусе жены Итана.

Преобразование Итана из грубого, скрытного и агрессивного горца в ласкового и заботливого супруга было легким и безболезненным.

В представлении Мэдди. В действительности же все проходило совершенно по-другому.

Итан проявлял казавшуюся ей нелепой чрезмерную опеку.

— Ты не можешь одна ходить к морю, — заявлял он. — А тем более в деревню.

— Забыл, где я выросла? Полагаю, я в силах справиться с любыми неожиданностями, которые могут поджидать меня в «опасной» прибрежной деревне. Или ты думаешь, что мне нужна защита от морских гребешков? Или водорослей? А, ракушки! Всегда эти чертовы ракушки!

— Можешь смеяться, любовь моя, но, меня этим не проймешь. Тебя должна сопровождать Сорча.

Иногда Итан бывал угрюмым и мог часами смотреть на море. Мэдди готова была отдать все, лишь бы узнать, о чем он думал. Он был ярым собственником, предпочитавшим безраздельно владеть ее вниманием.

— Какие еще гости? — допытывался он не далее как сегодня утром. — Мы же принимали гостей всего две недели назад. Тебе не нравится проводить время со мной?

И он был жутко ревнивым... Как-то они отправились на пару дней в Ирландию, и на пароме один американский толстосум начал флиртовать с ней. Мэдди успокаивала себя тем, что со временем синяки у него сойдут. К тому же впредь янки, вероятно, никогда больше не посмотрит в сторону жены какого-нибудь горца во избежание очередных побоев.

Мэдди обнаружила, что Итан был намного суевернее, чем она думала. К примеру, он был убежден, что их союз был предсказан провидцем клана еще пятьсот лет назад.

Мэдди ничего не знала о доходах Итана и выговаривала ему за мотовство. В дом раз за разом приходили посылки. Он купил ей лошадь, бриллианты, сапфиры, изумруды и столько одежды, что не сносить за всю жизнь. В деревне не осталось товаров, которые он не купил бы ей. Когда она ненароком обмолвилась, что неплохо бы восстановить оранжерею, через неделю в поместье были доставлены запасные части для печи и саженцы цитрусовых деревьев.

Мэдди оставалось только гадать, не дарил ли он все это затем, чтобы вознаградить за жизнь в нищете? Не мог же Итан знать, что каждый подарок напоминал ей, как многого она была лишена.

Мэдди узнала от Итана, что жена его самого младшего брата была тоже богатой и что в ней даже текла испанская королевская кровь. Она остро переживала тот факт, что оба брата Итана женились на богатых наследницах, в то время как ему досталась нахальная девчонка из трущоб. Она боялась встречи с семьей Итана и, непонятно почему, чувствовала, что его

это пугало так же, как и ее.

У нее появилось желание показать Итану Айвли-Холл — дом ее детства, — чтобы он понял, что и она воспитывалась в богатстве, и ее детство было в известной мере благополучным, так что не нужно стараться осчастливить ее обильными подарками.

Неподалеку от Айвли, правда, не по пути, но не более часа езды на поезде, у Итана было поместье, состояние которого в течение лета он собирался проверить. Мэдди решила написать владельцу и попросить разрешения заехать.

Итан наверняка согласится отвезти ее туда. Хотя, едва подумав об этом, она тут же засомневалась. Мэдди заметила, что он почему-то напрягался каждый раз, когда она упоминала Айвли. Она не думала, что он делал это осознанно, но, стоило ей заговорить о своем бывшем доме, как его поведение, хоть и едва заметно, менялось. Правда, то же самое происходило и тогда, когда она вспоминала своих родителей.

Итан заявлял, что никогда не встречался с ее родителями и никогда не был в Айвли, но иногда она спрашивала себя, а не лгал ли он?

Он неоднократно удивлял Мэдди тем, что называл ее мать по имени. А однажды, когда она призналась, что боится, что окажется такой же плохой матерью, как Сильвия, Итан ошеломил ее тем, что стал с пеной у рта доказывать обратное.

— Откуда в тебе такая убежденность? — спросила Мэдди. — Ты уверен, что никогда не встречал мою мать?

— Уверен. Просто все предельно ясно. Она вела себя жестоко по отношению к тебе, а в тебе нет ни капли жестокости, поэтому ты не можешь быть такой, как она, — доходчиво пояснил Итан.

Но если в их браке и были какие-то отдельные неясности, светлых моментов было гораздо больше.

Итан сказал Мэдди, что считает Коррин и Беа ее родней, и посоветовал вызвать их. Он часто предлагал нанять Коррин в качестве управляющей, поскольку никак не мог подыскать человека, которому можно было бы доверять. А работу для Беа?

— Компаньонкой? — предположил Итан. — Или, может быть, она будет ухаживать за домашними животными? Ты ведь постоянно подбираешь всех бездомных тварей.

Хотя Мэдди умоляла подруг приехать в Англию, те не спешили, ссылаясь на поговорку «от плохого к худшему». Но она надеялась взять их измором, в каждом письме яркими красками описывая Карийон. Тем временем, к ее удовольствию, Итан предложил послать им неожиданно большую сумму денег.

Он день от дня смеялся все больше, демонстрируя странное чувство юмора. Как-то утром, когда Мэдди занималась посадкой саженцев, Итан вошел в оранжерею.

— Что это? — спросил он с каменным выражением лица. — Я не понимаю цели такой физической зарядки. — Мэдди нахмурилась, затем посмотрела на котенка, который, вытаращив глаза, мертвой хваткой вцепился зубами и когтями в штанину Итана. Ее разобрал безудержный смех, и она смеялась, пока не выступили слезы. — Прицепился как репей, — пробормотал Итан и вышел вместе с котенком.

Отрадно было еще и то, что неистовое занятие любовью с ним каждый раз захватывало дух. Тем не менее, его влечение к ней носило оттенок той же назойливости, с какой он делал подарки.

Во время их совместной прогулки верхом на этой неделе закапал дождь. Окрестности затянуло легкой весенней дымкой, и Итан провел ее к дубу, стоявшему у журчащего ручья.

Там он прижал Мэдди к дереву и начал целовать во влажную шею.

У нее перехватило дыхание.

— Итан, здесь?

В ответ он медленно задрал вверх юбки, затем, рванув, расширил прорезь в ее панталонах, вызвав у нее дрожь от предвкушения предстоящего наслаждения. Море ощущений нахлынуло на нее, когда он через блузку начал сосать ее груди. Она все больше теряла голову, ощущая сосками тепло его рта, а также игру его мышц под своими ладонями. Освежающий, дразнящий аромат его тела смешивался с запахом покрытых лишайником скал и благоуханием вереска.

Обхватив одной рукой ягодицы, а другой прижимая ее голову к своей груди, Итан приподнял Мэдди и скользнул внутрь ее. Когда она застонала, его толчки стали более жесткими и яростными. Как только она достигла вершины, он последовал за ней, свистящим шепотом приговаривая: — Вот так, получи...

Мэдди понимала, что Итан не сознавал, что произнес это вслух. Отчаянная нужда, звучащая в его словах и часто проявлявшаяся в действиях, тревожила ее...

Именно в моменты, подобные этому, когда его поведение не поддавалось объяснению, и она чувствовала, что между ними все еще имелись тайны, недомолвки и даже ложь, у нее появлялось плохое предчувствие.

Мэдди говорила себе, что мрачное предчувствие возникло у нее только оттого, что в последний раз, когда она была так счастлива, судьба подвергла ее сокрушительному удару. Она была совсем не подготовлена к жизни в Марэ. Была такой напуганной, такой... беспомощной.

Мэдди снова и снова подбадривала себя, изучая науку выживания. Вспоминая прошлое, она никак не могла понять, как ей это удалось.

«От плохого к худшему». Она ничего не могла с этим поделать: начала откладывать полученные от Итана деньги «на булавки».

Итан обнаружил Мэдди с черным котенком в одном из ее любимых мест — в оранжерее, у теплой стеклянной стены. Он действительно нравился этому маленькому зверьку, что только лишний раз подтверждало состоятельность теории Мэдди об отношениях между Итаном и кошачьими.

Он привычно поприветствовал Мэдди поцелуем в шею.

— Я получил послание от брата, — сообщил Итан.

— Что-то случилось?

— Не знаю. — Шифрованное письмо пришло от Хью, и содержание его могло касаться как дел Сети, так и семейных дел. — Догадываюсь только, что оно важное. Он хочет, чтобы я немедленно приехал в Лондон. Сколько времени тебе нужно на сборы?

— Насколько долгой будет поездка?

— Полагаю, дня три-четыре.

— Тогда, может быть, я останусь здесь? Тебе, насколько я понимаю, придется спешить.

— Почему? Что-то не так?

— Нет-нет, просто я неважно себя чувствую, — ответила она.

Итан взял ее за подбородок и внимательно взгляделся в лицо:

— Неудивительно, ведь ты так много времени проводишь в этом холодном помещении.

Благодаря стеклянным стенам помещение прогревалось под солнцем, но по утрам внутри было сыро и зябко. Ему никак не удавалось отремонтировать печь. Итан хотел нанять механика, но Мэдди считала, что он все может сделать сам. И он, будь оно, все проклято, каждую свободную минуту проводил, ползая под разбрызгивавшим топливо котлом.

— Итан, я здесь очень комфортно себя чувствую.

— Ты ведь не думаешь, что я покину тебя больную?

— Я не больна. В последнее время ты был очень требовательным и постоянно будил меня по ночам. Если бы ты остался, я хотела бы, чтобы ты продолжал действовать в том же духе. — Мэдди усмехнулась, но улыбка получилась вымученной. — Агнес с детьми могла бы пожить у нас эти несколько дней. Будет весело. Мы будем лакомиться конфетами, разгадывать шарады и крушить твой дом подобно варварам, которым отдали на разграбление город.

— Наш дом, — поправил ее Итан. — Не забывай, что половина всего, что ты будешь ломать, принадлежит тебе.

Хотя Итану не нравилась идея расставания с Мэдди, он знал, что она не горит желанием встречаться с членами его семьи. Да и он пока еще не был к этому готов. Хью мог посвятить во все Джейн. Итан сомневался в этом, но не мог рисковать тем, что Мэдди узнает правду не от него, а от кого-то другого. Может быть разрушено все, что доставляло им столько наслаждения. Но с другой стороны, ему очень не хотелось, и оставлять ее на эти несколько дней.

Кроме того, ему нужно было встретиться с глазу на глаз с Эдвардом Уэйлендом и официально заявить об отставке.

— Что ж, хорошо, — согласился Итан. — Но только Агнес с детьми непременно должны быть с тобой. Через четыре дня я либо приеду сам, либо пришлю кого-нибудь для сопровождения тебя в Лондон.

Этим же утром, сразу после проводов Итана, вылившихся в поцелуи, затянувшиеся настолько, что он едва не опоздал на поезд, Мэдди с Сорчей немедленно начали печь лепешки. Для шестерых детей требовалось много выпечки. Агнес с выводком не должна была появиться раньше середины дня, поэтому Мэдди, угорев у плиты, смогла позволить себе подняться наверх, чтобы передохнуть.

Несмотря на то, что Мэдди уже начала скучать по Итану, она была рада, что не поехала с ним. Во-первых, сама мысль о встрече с членами его семьи вызывала у нее тошноту. Во-вторых, она хотела кое о чем расспросить Агнес. Ведь у вдовы шестеро детей.

Если кто-то и мог подсказать Мэдди, беременна ли она, то это, конечно же, Агнес.

Сидя за своим новым секретером, Мэдди взяла пачку последних писем. Вчера она была слишком занята и не успела просмотреть недельную почту. Она усмехнулась про себя, вспомнив ненасытность Итана.

Перебирая конверты, Мэдди обнаружила несколько приглашений, письмо от Коррин и еще одно — от Оуэны Декиндирен, ее знакомой по кружку на палубе «Голубой ленты». Она нахмурилась, наткнувшись на толстое послание с неизвестным ей именем отправителя. Вскрыв конверт, Мэдди прочла обратный адрес. Письмо было из Айвли! Она быстро пробежала глазами по строчкам.

Всего две недели назад она отправила письмо с просьбой о разрешении посетить Айвли, пояснив цель визита. Ответ управляющего не заставил себя долго ждать. В начале послания он признался, что его наняли совсем недавно, и он испытывает некоторую неловкость, поэтому просил извинить его за это...

«Вы, леди Кавана, — хозяйка Айвли-Холла».

Как это? Мэдди округлила глаза. Итан выкупил для нее Айвли?

— Ну что за человек! — раздраженно воскликнула она, но не сдержала улыбку. Когда он собирался рассказать ей об этом?

Мэдди казался невероятным тот факт, что Айвли принадлежит ей. И Итану, очевидно, удалось, наконец, найти работающего управляющего для одного из их поместий, потому что в конверте лежал также подробный отчет о проделанной в поместье работе.

Мэдди с волнением перелистнула страницу и продолжила чтение, но по мере того как вникала в смысл написанного, на ее лице отражалось все большее недоумение.

«Ваша непонятная просьба так озадачила меня... после многочасовых исследований... обнаружил, что ваш муж подарил Айвли вам четыре месяца назад... после почти десятилетнего владения поместьем... предположительно непосредственно после того, как ваш отец лишился прав на него».

— Этого не могло быть, — прошептала Мэдди.

Как мог Итан не сказать ей, что владеет домом, в котором прошло ее детство? Он должен был рассказать все.

Наверняка это не Итан лишил их права пользования имуществом. Мэдди знала, что Айвли был захвачен. Разве могла она забыть, как ей отказали в доступе в собственный дом? Но Итан не мог быть тем, кто вышвырнул их на улицу в день похорон ее отца.

Мысль была неправдоподобной, просто уму непостижимой. Она перечитала письмо, но, как ни хотелось, содержание оставалось неизменным.

Никакого случайного стечения обстоятельств здесь быть не могло. Ее муж намеренно скрывал правду об этом. Мэдди вспомнила, что Итан всегда без энтузиазма воспринимал ее рассказы об Айвли или о родителях.

«Думай, Мэдди». Против ее воли на основе известных фактов из жизни Итана в сознании начала формироваться расплывчатая картина.

Он ездил в Париж за Мэдди, хотя она могла поклясться, что даже не нравилась ему. Сделал предложение ей, девчонке из трущобы, вместо какой-нибудь другой девушки, достойной его титула. И потом категорически отказывался жениться на ней, пока она не пригрозила, что уедет. Она вспомнила его злость по отношению к ней до женитьбы и безумное заваливание подарками сейчас.

«Что, если я совершал проступки в прошлом?» — говорил Итан. Он пытался что-то исправить, но не то, что полагала Мэдди. Он жестоко лишил их с матерью права пользования имуществом, оставив без средств.

Но почему? Для такого недоброжелательного отношения должна была быть какая-то причина. При чем тут ее семья?

Она вспомнила вопрос Итана: «Как умерла Сильвия?» Так и знала: он встречался с матерью! Что же их связывало?

У Мэдди появилось нехорошее предчувствие. Ее мать была обворожительной, но вероломной женщиной. Итан же был распутником, каждую ночь наставлявшим рога чьему-нибудь мужу. Она помнила его признание: «Если они были замужними, так это даже лучше».

Итан с ее матерью были примерно одного возраста. Не состоял ли он в любовной связи с ней? Иначе, зачем ему так упорно лгать?

Мэдди всегда хотелось найти ключ, к разгадке тайны той ночи, когда рухнула ее жизнь. Неведение сводило ее с ума.

Сейчас она чувствовала, что подобралась вплотную к разгадке.

Может быть, ее отец вернулся неожиданно домой и обнаружил свою молодую жену в постели... с Итаном?

Мэдди зажала рот рукой, чтобы заглушить вырвавшийся крик.

В двадцать три года и без этого шрама Итан, должно быть, выглядел потрясающе. Пожилому отцу, который был для Мэдди дороже всех на свете, наверное, трудно было перенести измену обожаемой жены с рослым молодым горцем.

Благо, что Мэдди не могла знать о том, что у Сильвии с Итаном была... что они были...

Она резко тряхнула головой. Что касается последнего, то это могло оказаться лишь досужими домыслами такой взбалмошной женщины, как она. Но не было сомнений насчет того, что Итан неоднократно лгал ей и вынашивал планы мести в отношении ее семьи. Она не могла с уверенностью сказать, за что он наказал ее родителей, заслужили они это или нет. Но Мэдди уж точно была ни при чем, а он заставил страдать и ее.

Одно дело — стать жертвой обстоятельств, и совсем другое, когда на пороге появляется человек, пришедший, чтобы уничтожить тебя. Она не заслужила повторного погружения в ту трагедию.

Размышляя обо всех его действиях и о связанной с этим лжи, Мэдди ничего не оставалось, как задаться вопросом, было ли хоть что-то правдивым в их отношениях? Вспомнив скоропалительно полученное разрешение на брак и очень простую свадебную церемонию, Мэдди поняла, что, возможно, даже их брак является профанацией.

Глядя ей в глаза, Итан поклялся, что, если она даст ему еще один шанс, он никогда больше не причинит ей боль.

Ложь. Он нарушил эту клятву, как и другие. Преднамеренный обман.

Ее использовали. Она была потрясена, чувствовала себя просто оглушенной и удивлялась тому, что воспринимала еще звук биения своего сердца. В тишине, царившей в комнате, она действительно слышала его.

Вспомнила, как Итан как-то сказал, что не стоит оглядываться назад, лучше забыть о Марэ. Какой план у него был тогда? А если бы ее подруги приехали для проживания с ними, то попали бы в зависимость от них? От него? Может быть, поэтому он так настаивал на их приезде? «Что же мне делать?»

Единственное, в чем она была уверена, это то, что ей хотелось бежать от него, оказаться как можно дальше отсюда к моменту его возвращения. Мэдди встала и, подойдя к окну, сквозь слезы устремила взгляд на поднятые ветром морские волны.

Мэдди назвала это место сказочным, и оно, в самом деле оказалось причудливым. Все здесь было иллюзорным.

«Павлины и пальмы, драгоценности и солнце, опускающееся в синее Ирландское море?»

Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

«Дура ты».

Она предпочтет грязь и опасность Марэ, тяжелую жизнь там совместной жизни с мужем-лжецом. Он просил еще об одном только шансе, зная, что не заслуживал доверия. Знал ведь, что обман все равно будет раскрыт.

«Что будет, если ты узнаешь что-то нетерпимое для тебя из моего прошлого и покинешь меня?..»

Она умоляла его не причинять ей больше боль. «Сколько еще раз я смогу выдержать очередное крушение надежд?» Сколько еще раз она сможет выдержать это? Нисколько. Хватит, теперь она готова покончить с этим. «Я ни за что никуда не отпущу тебя», — говорил Итан, и Мэдди верила ему. По прошествии некоторого времени он каким-то образом ухитрился влюбиться в неё, или, что, скорее всего можно было ожидать от подобного человека, в сложившиеся между ними неискренние отношения.

Мэдди понимала, что его чувство к ней граничило с наваждением. Если она уедет, он не успокоится, пока не найдет ее.

Но не зря Мэдди звали Шалуньей — она могла найти выход из любой ситуации. У нее есть драгоценности, подаренные Итаном, и все те деньги, что она предусмотрительно откладывала.

Она вернется в Марэ. Но только для того, чтобы забрать своих подруг. И вместе они уедут куда-нибудь, где он их не найдет.

Итан услышал крики, доносившиеся из его городского особняка, еще до того, как подскакал к нему.

К своему удивлению, он увидел стоявших снаружи Корта и Хью, которые явно не спешили бежать на крики. У Корта был такой вид, будто он готов убить кого-то.

Итан спрыгнул с коня.

— Какого черта вы не поторопитесь наверх?.. — Раздался очередной вопль, и Корт вскрикнул от боли после удара кулаком в кирпичную стену. Кирпичи уже были испачканы кровью от предшествовавших ударов.

— Прекрати, Корт, — рявкнул Хью. — Ей не понравится, что я позволил тебе так пораниться.

— Как они могли прогнать меня? — изумлённо вопрошал тот.

— Хотел бы я знать, — сухо ответил Хью. Итан, наконец, снова обрел дар речи:

— Что, черт возьми, здесь происходит?

— Они попросили, чтобы я пока побыл с ним внизу, — ответил Хью.

— Кто?

— Ты что, не получал наши письма?

— Писем не было, в Карийон пришла только короткая телеграмма.

— Я не был уверен, что ты все еще владеешь им, — сказал Хью... — Телеграммы я разослал в наименее вероятные места твоего пребывания. А что ты там делал? — прищурившись, спросил он.

— Переждал зиму. Теперь все же ответь мне, что здесь происходит?

— Роды твоего племянника или племянницы, — гордо сообщил Хью, — И возможное нарушение психики у твоего брата.

— Роды? — Итан отскочил от лошади, которая повела крупом в сторону, едва не сбив его. — Сейчас?

— Она прогнала меня. Почему они прогнали меня? — снова завел свою песню Корт.

— Опять же ума не приложу, — отозвался Хью. — Аннелия рождает уже десять часов, — добавил он, обращаясь к Итану. — Ты подоспел вовремя. Поможешь мне удержать Корта, чтобы не мешал там.

— Аннелия рождает, — ошеломленно повторил Итан. До этого ему никогда не доводилось сталкиваться с родами.

Корт перевел бешеный взгляд на Итана:

— Не вздумай ничего говорить. Это мой ребенок. Я чувствую это и знаю ее. Попробуй сказать что-то другое, и я убью тебя.

Итан поднял вверх руки:

— Я и не собирался. Корт, похоже, растерялся:

— Ты не собираешься отчитывать меня или тыкать мой нос в ту проклятую книгу?

— Нет, я только... я хочу тебе добра.

— Фиона здесь, — хмуро сообщил Итану Хью. — Хочет поговорить с тобой.

— Она здесь? В моем доме?

— Да, она...

Раздался очередной крик, и у Корта схлынула краска с лица. Он ринулся к двери, но

Хью ухватил его за ворот и с руганью потащил назад.

— Помоги, Итан.

— О да. Успокойся, Корт, — сказал Итан, помогая Хью удержать младшего брата. —

Женщины рожают испокон веку.

Корт взвился:

— Если я еще раз услышу это дерьмо...

— Это убивает его, — пояснил Хью. — Он никогда не хотел, чтобы Аннелия родила ребенка.

— Почему? — недоуменно спросил Итан. Ведь все мужчины хотят иметь сыновей. Он сам изо всех сил старался, чтобы Мэдди забеременела.

— Он не хотел подвергать Аннелию риску и не хотел ни с кем ее делить. Если бы он знал, что она забеременеет, то постарался бы избежать этого.

— Они заставили меня уйти, — снова простонал Корт.

— Не сможешь отвлечь его? — пробормотал Хью. — Как?

Хью только пожал плечами в ответ.

— Вы уже знаете, как назовете ребенка? — спросил Итан Корта.

— Если будет мальчик, мы назовем его Алексом, в честь Александра, брата Анны — потому что я посадил его в тюрьму и отобрал дом, и все такое, — если девочка, то назовем ее в честь Фионы, — не отводя глаз от двери, словно повторяя заученный урок, ответил Корт.

Назвать дочь в честь их матери. Они что, все здесь с ума сошли?

— Почему прекратились крики? — взволновался Корт, пытаясь вырваться из их рук.

— Я пойду, проверю. Придержи его здесь, — сказал Хью и зашагал к лестнице. — Корт может подняться, — крикнул он сверху через несколько секунд.

Корт бросился по ступенькам вверх, и Итан последовал за ним. У входа в комнату Корта стояла Фиона.

— Ты счастливчик, Кортленд, у нее все получилось. У тебя сын. Красивый мальчик. — Она посмотрела за спину Корта. — Здравствуй, Итан. Рада, что письма вовремя дошли до тебя.

Он нахмурился, испытывая неловкость в сложившейся ситуации.

— Не получал я никаких чертовых писем...

— Следи за языком, Итан, — резко оборвала его Фиона.

— Я лет двенадцать вообще не разговаривал с тобой, — начал заводиться Итан, — и ты думаешь, что можешь вот так брюзжать на меня в моем же собственном доме?

— Да, — легко согласилась она. — Потому что я все еще твоя мать.

Тем временем Корт ворвался в комнату и ринулся прямо к кровати. Увидев, что Хью тоже вошел, чтобы находиться рядом с младшим братом, Итан последовал за ним, стараясь сохранять внешнее спокойствие.

И Джейн здесь?

— Джейн, — приветствовал ее Итан, холодно кивнув.

— Итан, — ответила Джейн и добавила: — Ты провел прекрасную работу с Греем. Сделал его таким неповоротливым, что мне удалось его убить.

Итан удержался от язвительного ответа, напомнив себе, что она подруга Мэдди.

— Сайн, — предостерегающим тоном окликнул ее Хью. Так звучало имя Джейн на гэльском. В ответ она взяла его за руку и одарила радостной улыбкой. И каменный Хью

размяк, расплылся в ответной улыбке.

Опустившись у кровати на колени, Корт взял Аннелию за руку.

— Родная моя, пообещай, что не захочешь еще одного ребенка. Мы не можем так рисковать и ни за что не станем.

Она устало улыбнулась:

— Я знаю, что ты переживал. О, Кортленд, что это с твоими руками? Бедняжка...

Если Корт с Аннелией смогли зачать ребенка, почему это не получалось у Итана с Мэдди?

— Кортленд, ты не хочешь посмотреть на своего сына? — спросила Фиона.

Корт лишь зло посмотрел на нее, явно не испытывая интереса к ребенку, и уткнулся лицом в шею Аннелии.

— Можно ее приподнять? — спросил он.

— Нет, Корт, не сейчас. Ей нужно отдохнуть, — решительно заявила Джейн.

Еще минуту Корт все пытался поближе подобраться к жене, после чего снова повернулся к ним:

— Я буду, осторожен с ней.

— Нет, Корт! — одновременно выпалили Фиона и Джейн. — Но ты можешь взять на руки Алекса, — добавила Фиона.

Итан изумленно смотрел на происходящее. Корт даже не взглянул на ребенка.

— Поскольку его сейчас это не интересует, — Фиона поднесла малыша к Хью и Итану, — может быть, вы соизволите познакомиться с племянником?

— Никогда не прикасался к младенцам, — пробормотал Хью.

— Никогда? — с беззаботным смешком переспросила Джейн.

Итан ничего не сказал, хотя тоже не мог похвастаться каким-то опытом общения с малышами.

Несмотря на весь свой цинизм, Итан взглянул всего раз на младенца и понял, что перед ним Маккаррик, почуял нутром.

Это начисто опровергало древнее проклятие, но на Итана давил еще один постоянный гнет из прошлого...

— Когда я засну, — сказала Аннелия, сонно улыбаясь Карту, — ты вместо меня должен присматривать за Алексом. — Когда он через некоторое время, наконец, кивнул, она провалилась в сон.

Увидев страх Корта, Фиона постаралась объяснить ему, в каком состоянии находится Аннелия:

— Послушай, Кортленд, она не спала много часов и тяжело трудилась. Дай ей отдохнуть.

Он начал было протестовать, но она перебила его:

— Ты же хочешь все сделать, как лучше для нее. Ей сейчас нужно поспать. Она не столько беспокоилась за себя, сколько за то, как тебе там внизу. Так что сейчас уведи отсюда на некоторое время своих братьев и забери ребенка. — Как только Фиона попыталась передать Алекса отцу, показывая, как нужно держать младенца, Корт испуганно вытаращил глаза, но, в конце концов, судорожно и внятно сглотнув, взял сына на руки. — Вот так, отлично, — заверила его Фиона. — Только поддерживай рукой его головку.

Пятью минутами позже, когда трое братьев вышли из комнаты Корта, Хью, почесав затылок, заметил:

— Может, я не прав, но, по-моему, они просто выставили нас, оставив наедине с новорожденным.

Итан кивнул, готовый разразиться бранью по поводу несправедливости того, как с ними обошлись, но увидел, как Корт хмурится, глядя на сына.

— У тебя прекрасный малыш, Корт, — сказал он. — Тебе следует гордиться им.

— Пройдет совсем немного времени, как ты станешь учить своего пацана скакать на лошади и рыбачить, — добавил Хью.

Малыш уже размахивал крошечными кулачками — точно, Маккаррик.

— Мой сын. Это звучит так странно, — сказал Корт. Хью хмыкнул:

— Примерно такое же странное ощущение, как у меня возникало, когда я говорил «моя жена». А ты собираешься сделать что-нибудь, чтобы изменить свою жизнь? — спросил он, обращаясь к Итану.

— Возможно, скорее, чем ты думаешь, — ответил тот. Хью вопросительно посмотрел на него.

Корт зачарованно рассматривал сына. Когда младенец двинул ручкой, будто стараясь ухватить Корта за палец, он изумленно встрепенулся:

— Вы это видели? — Он повернулся, собираясь походить с ребенком на руках, и пробормотал себе под нос: — Мой умный мальчик.

— Я слышал, что с возрастом дети портятся, — сухо заметил Хью.

— Верно, — поддержал его Итан.

— Итан, скажи мне, что произошло за последние несколько месяцев? Джейн и Клодия посылали письма Мэдлин Ван Роуэн по парижскому адресу, но они вернулись обратно. Я подумал, что ты мог иметь к этому какое-то отношение. — Хью, похоже, с нетерпением ждал ответа.

— Да, ты прав, я приложил руку к этому. И она уже не Ван Роуэн.

Хью, довольно усмехнувшись, хлопнул Итана по спине:

— Ты и представить себе не можешь, как это меня тревожило. Но теперь... могу только сказать, что я горжусь тобой, брат.

Итан удивленно посмотрел на него. Хью прежде никогда не говорил ничего подобного. И похвала Хью не была неприятной.

— И она согласилась стать твоей после того, как ты ей все объяснил?

— Я не совсем... — Итан потер шею, — все ей рассказал. Ей ни к чему все знать.

У Хью вытянулось лицо, и он с жалостью посмотрел на брата:

— Остается надеяться, что ты женился на всепрощающей женщине.

Отрывистые звуки пистолетной пальбы, крики и звон разбитого стекла.

Мэдди обреченно вздохнула. «Добро пожаловать домой...»

Возможно, бегство в Марэ было опрометчивым шагом с ее стороны. За время полугодического отсутствия она просто успела позабыть, насколько здесь пакостно.

После ее возвращения нынешним утром они с Коррин и Беа, как прежде, сели пить чай на балконе у Мэдди. И это было приятно: Мэдди соскучилась по своим подругам.

После того как она им все рассказала, Коррин сразу задала вопрос:

— А он-то что сказал в ответ на твои обвинения?

— Я... я была так расстроена, да мне и не хотелось слышать его объяснения, — ответила Мэдди, краснея под их пытливыми взглядами. — Мне достаточно фактов, которыми я располагаю.

У Коррин был такой вид, будто она разочаровалась в ней.

— Значит, ты даже не дождалась Итана, чтобы выслушать его?

Уставившись в чашку, Мэдди промямлила:

— Нет, но он мне все время врет. Я не могу верить ни одному его слову.

— Я уже наблюдала подобное, — печально заметила Коррин. — Многих почему-то тянет назад в Марэ.

Беа энергично кивнула:

— Это правда.

— Я не хотела возвращаться сюда! — После возвращения Марэ показался Мэдди безжалостнее и грязнее, чем помнилось. — Просто устала жить на привязи, да еще в постоянной лжи. Разве я не говорила вам, что он, по-видимому, спал с моей матерью? — Эта мысль вызывала у нее тошноту. — Я вернулась за вами. Мы могли бы уехать куда-нибудь вместе и начать новую жизнь. Можно открыть магазин, о чем мы всегда мечтали. У меня хватит денег на нас троих.

— «От плохого к худшему», Мэдди, — пожав плечами, сказала Коррин. — Мне и здесь не так уж плохо.

— А ты что думаешь, Беа? — спросила Мэдди. — Разве ты не хочешь продемонстрировать модели одежды?

— О, Мэдди, мы можем поговорить об этом позже, — ответила Беа, отряхивая рукава. — У меня болят ноги и спина.

— Мы могли бы найти дом без лестницы, — не унималась Мэдди, пытаясь поднять настроение подруг.

Беа улыбнулась, но у нее был изможденный вид.

— По-моему, мне нужно поспать пару часов. Тогда и поговорим.

— Конечно, Беа. Иди, поспи, — сказала Мэдди, обнимая ее.

Прежде чем уйти, Беа сунулась назад в окно.

— Знаю, что поступаю эгоистично, но, как бы там ни было, я рада видеть тебя, Мэдди. — Повернувшись, Беа ушла в свою комнату.

Но Коррин не была так обрадована возвращением Мэдди.

— Я знаю, что ты научилась выживанию в суровых условиях и чувствуешь, когда нужно остаться на месте и драться, а когда бежать. Грань здесь тонка, и сделать правильный выбор

порой бывает сложно. — Она вздохнула. — Но в этот раз, я думаю, тебе нужно было остаться с Шотландцем и не сдавать позиций.

Мэдди покраснела. Ей не хотелось говорить о том, что она, похоже, забеременела от Шотландца.

На следующее утро Мэдди с трудом заставила себя встать с холодной постели и одеться. В течение нескольких месяцев, проведенных с Итаном, Мэдди думала, что все ее неприятности остались позади, и она хорошо адаптируется к новой жизни. Однако, обнаружив, что сделал Итан, Мэдди решила на переоценку всего, что с ней произошло. Пересмотрев за один присест скучный перечень выпавших на ее долю разочарований и горестей, она поразилась, как смогла выжить.

Сколько раз приходилось ей подниматься и отряхивать юбки от пыли?

Едва она причесалась и подколола волосы, как зазвонили колокола ближайшей церкви. Нахмурившись, Мэдди вышла на балкон. Ее удостоил своим посещением Ша-Нуар, и она взяла кота на руки и крепко прижала к груди.

Кот вдруг зашипел.

— В чем дело, котенок? — Снова зашипев, кот начал вырываться из рук. — Да-да, погоди минутку...

Расцарапав ей руки до крови, кот спрыгнул вниз как раз в тот момент, когда по всему городу равномерным крещендо разнесся последовательный перезвон колоколов.

Когда послышался даже звон больших колоколов собора Парижской Богоматери, Мэдди сглотнула застрявший в горле комок. Было не время для мессы. Она вспомнила, когда в последний раз слышала подобное, и ее сердце тревожно забилося. Мэдди вернулась в комнату и, выскочив на лестничную площадку, принялась стучать в дверь Коррин, потом Беа, но ни та, ни другая не отвечали.

Люди на улице должны знать... Только куда они все делись? Что произошло? Стараясь унять панику, она бросилась вниз по ступенькам.

Спустилась на четыре пролета, пять... Зацепилась носком ботинка за что-то тучное. С криком, размахивая руками, Мэдди упала на что-то плотное, но мягкое, на что-то влажное. Как только прошло замешательство, она поняла, что упала на распростертое в темноте мертвое тело.

Только трещина в зеркале спальни...

Едва увидев это, даже не успев расспросить Сорчу, Итан понял, что Мэдди ушла от него. Каким-то образом узнала правду и швырнула обручальное кольцо в зеркало. Тем не менее всегда отличавшаяся практичностью Мэдди не оставила кольца с бриллиантами. То, что отсутствовали остальные драгоценности, более всего привело его в уныние. Это означало, что Мэдди заранее готовилась к уходу от него. От Сорчи ему удалось только узнать, что после прочтения какого-то письма Мэдди стала белее снега. Упаковала вещи и в оцепенении покинула усадьбу, рассеянно попросив Сорчу приглядеть за котенком до тех пор, пока она не пришлет кого-нибудь за ним. Вспомнив о ее планах навестить Клодию, когда он отказался жениться на ней, Итан очертя голову помчался в Лондон. Добравшись до дома Куина, он ворвался в его кабинет:

— Где Мэдди?

У Куина отвисла челюсть.

— Боже мой, что с тобой? Ты выглядишь ужасно.

— Где она? — потребовал ответа Итан.

— Как я и предсказывал, — самодовольно отметил Куин. — Уже все ставишь с ног на голову. И почему я должен говорить тебе, где она?

— Говори сейчас же, черт возьми. — Итан провел рукой по лицу. — Она моя жена, и она... ушла от меня.

— Мэдди вышла за тебя замуж? Но Клодия только накануне получила от нее письмо, где она сообщила, что собиралась провести остаток весны в Айвли. Якобы она теперь владелица поместья — в общем, фантастика какая-то. Почему она ушла от тебя, если сама же решила на брак?

Айвли? Она хотела навести его на ложный след, и он знал почему.

Мэдди собиралась исчезнуть... Уехала три дня назад. Прошло достаточно времени, чтобы распродать все и взять билет на пароход, отправляющийся в любой порт мира.

— Она не в Айвли. — Итан потер переносицу. — Она вернулась в Париж.

— О Боже, только не в Париж! — Куин порывисто встал с кресла.

— Почему? — прищурившись, спросил Итан.

— Нам только что сообщили, что там... эпидемия. От слов Куина Итана сковал ужас.

— Что за эпидемия?

— Маккаррик, это... холера.

— Ты только успокойся, — сказал Куин. — В телеграмме сообщалось, что зараза была локализована в округах, где проживают низшие сословия. Она может и не дойти до Мэдлин, до района Сен-Рок. Но все же советую тебе поторопиться, потому что в городе становится беспокойно, и уже ходят слухи о возможном введении военного положения. Ты ведь помнишь, что происходило во время последней вспышки холеры?

Итан нервно сглотнул. Шестнадцать тысяч человек погибли во время бунта, вызванного распространением холеры, — в считанные часы были расстреляны солдатами. Погибли вовсе не от заразы. Нет, холера унесла еще двадцать тысяч.

— Мэдлин не в Сен-Роке, — сказал он, быстрым шагом возвращаясь к своему коню. — Она, скорее всего в Марэ.

Куин не отставал от него.

— Что она там делает, черт возьми?

— Не имеет значения...

— Проклятие, Итан... этот район — самый зараженный из всех.

У Итана замерло сердце.

— Что ты сказал?

— Уже шли разговоры о карантине в Марэ. Я не понимаю, как она могла оказаться в такой труппе, но если она там, тебе нужно срочно вытащить ее оттуда... — Куин отчаянно затряс головой. — Сеть не сможет официально командировать тебя для тайного вывоза субъекта из карантинной зоны в условиях военного положения. Ты ведь знаешь условия соглашения с Францией. Но ты умеешь защищать других, и у тебя это должно получиться.

Итан много раз бывал в опустошенных холерой районах. Последние медицинские рекомендации по противодействию заразе гласили: «Соблюдайте чистоту, рассудительность и целесообразную вентиляцию, невзирая на эпидемию». Из опыта пребывания в зараженных зонах Итан усвоил следующие правила: варить все, что предназначено для приема внутрь, сжигать все, что выбрасывается наружу, и поливать алкоголем, например виски, все подозрительное.

— Поэтому я, — продолжил Куин, — неофициально помогу тебе с транспортом. А ты проберешься в Париж и вытащишь ее оттуда, где бы она ни была, невзирая на сложившуюся там ситуацию. Ты понял меня? Езжай туда и вытащи ее. И не попадись за нарушение карантина. — Он перехватил взгляд Итана. — Или вы оба будете убиты на месте.

Над Марэ занималось тусклое и безрадостное утро.

Вчера улицы были запружены теми, кто сохранил достаточно сил, чтобы бежать. Теперь же исход был малолюдным и замедленным, словно заранее обреченным на неудачу.

Мэдди сидела в одиночестве на ступеньках перед своим домом, поджав колени к груди и опустив на них подбородок. Несмотря на прохладный весенний воздух, ее лоб был покрыт испариной, тело сотрясала дрожь. Те чертовы колокола, звонили безостановочно; издалека доносилась дробь полковых барабанов, напоминая всем о жестокой угрозе карантина.

На ступеньках не было пьяниц, которые большей частью подхватили болезнь и скоропостижно скончались. Два дня назад один заполз в дом за помощью и умер на лестнице.

Тот, на которого упала Мэдди. Она отерла пот с бровей. Теперь она тоже заразилась.

Итан как-то назвал ее лисой, но сейчас она не могла найти выход из этой ловушки. В любом случае предпринимать что-либо было уже поздно. И слишком поздно для Беа. У Мэдди снова полились слезы.

Примерно в ста метрах от нее молодой человек, которого она знала по местному рынку, рухнул на колени, издал сдавленный стон, царапая землю, и изо рта у него хлынула белая жидкость. Все, кто находился неподалеку, с воплями разбежались в разные стороны.

У Мэдди появилось импульсивное желание помочь ему, но она была не в состоянии оказать помощь всем, кого знала. Всем жившим по соседству. Холера безжалостно выкашивала жителей Марэ, словно выжигала пламенем.

На противоположной стороне улицы из дома вышла заплаканная Берта и тоже уселась на ступеньке. Мэдди догадалась, что и она больна.

Вернувшись в Марэ, Мэдди была готова к издевательствам со стороны сестер, но теперь их вражда казалась совершенно неуместной.

Их взгляды встретились, и Берта спросила:

— Как там Беа?

— Умерла сегодня утром, — выдавила Мэдди, ощутив еще более сильную дрожь.

Берта мрачно кивнула:

— Я сожалею, Шалунья. А как Коррин, в порядке?

— Да, — ответила Мэдди. — Она спит. — После того как они сегодня утром обнаружили Беа мертвой в ее постели, Коррин не переставала плакать, пока не заснула. Мэдди содрогнулась, вспомнив об этом. — А Одетта? — Мэдди слышала, что Одетта была одной из первых заболевших и что Берта отказалась покинуть сестру ради собственного спасения.

— Одетта не протянет эту ночь.

— Я тоже сожалею.

Берта смахнула слезы с ресниц. Они замолчали, потом Берта сказала:

— О таком конце мы и не предполагали, верно? Мэдди покачала головой, грустно улыбнувшись ей сквозь слезы. Она находила удивительным то, как внезапно рушатся мечты и надежды под воздействием обстоятельств. На прошлой неделе ей хотелось, чтобы она действительно оказалась беременной, и чтобы Итан хорошо отреагировал на эту новость.

Сейчас Мэдди хотелось только еще раз пережить холеру. Если же не получится, хотелось, чтобы Итан не винил себя в ее смерти. При любом его проступке в прошлом такой комплекс вины был бы для него незаслуженным.

Помимо этого, ей не хотелось, чтобы ее сожгли на общем погребальном костре.

— Тебе, по крайней мере, удалось хоть кое-что повидать, кроме этой трущобы, — сказала Берта. — Британия и вправду так красива, как говорят?

— Да. — У Мэдди дрогнул голос, когда она представила себе Карийон. — И вправду красива.

Когда Итан поздней ночью добрался до Марэ, темные улицы района были совершенно пустынно. Слышались только звон церковных колоколов, низкий гул приближающихся барабанов и редкая пистолетная стрельба. Двери домов были широко распахнуты, на улицах валялась домашняя утварь.

Люди бежали отсюда, спасая жизнь. Мысль о том, что Мэдди осталась здесь одна,

сводила Итана с ума.

Несмотря на все предпринятые Куином усилия, Итан вынужден был дожидаться парома. Из Парижа доходили невероятные слухи, и многие капитаны отказывались пересекать Ла-Манш.

Каждый лишний час вынужденного ожидания все больше изводил Итана. Терзаясь бессилием, он шагал взад-вперед, стараясь не заикливаться на холере с ее коротким инкубационным периодом — от четырех часов до пяти дней. Он видел людей, которые цепляли заразу и умирали в течение нескольких часов с потрясающей скоростью физической деградации.

Мэдди находилась здесь уже, по крайней мере, два, а может быть, и три дня...

Затем, когда Итану удалось попасть во Францию, оказалось, что большинство поездов на Париж отменено. К тому времени, когда он добрался, наконец, до дома Мэдди, им владел только страх за нее. Итан вбежал в распахнутые двери, в крошечной тьме поднялся на шестой этаж и выломал запертую дверь в квартиру Мэдди.

Он нашел комнату такой же, какой они ее оставили, за исключением того, что на кровати Мэдди не было постельного белья. Матрац тоже отсутствовал.

Дверь в комнату Беа была широко распахнута. Когда Итан увидел, что ее кровать тоже без постельных принадлежностей, его прошиб пот. Здесь поселилась зараза.

Он вышиб ногой дверь Коррин. Ее комната выглядела нетронутой.

Ринувшись вниз по лестнице, Итан выбежал на пустынную улицу, совершенно не представляя, где искать Мэдди. Кружа по близлежащим улицам, он снова и снова выкрикивал ее имя, и эхо разносило его крики по округе.

— Ты ищешь Шалунию? — слабым голосом спросила какая-то женщина.

Он резко повернулся и увидел шаткой походкой направляющуюся к нему от дома напротив фигуру. Итан узнал девушку из таверны, которая поставила подножку Мэдди. Вроде бы ее звали Бертой.

— Где она? — требовательно спросил он.

— Мэдлин заболела, — сказала Берта, хватаясь за бока. Лицо у нее было белое, как мел, и на нем резко выделялись характерные темные круги вокруг глаз. — Она оступилась на лестнице и упала на мертвеца. После этого у нее не оставалось шансов. Они забрали ее вчера, когда пришли за Беа. Забрали, хотя Коррин не отдавала ее.

У Итана в ушах отдавался стук сердца. Он не позволял себе даже думать о том, что осталось недосказанным. Нет. Это не должно было случиться.

— Кто ее забрал? Куда? — Увидев, что девушка нагнулась и сплюнула, он заорал: — Черт побери, Берта! Скажи мне!

Она рывком выпрямилась.

— Больница «Божье пристанище». Четырьмя кварталами ниже, потом на север. Но ей конец. Она уже на погребальном костре, наверное...

Итан уже бежал и ничего не слышал, кроме собственного дыхания.

Вход в больницу охранялся всего двумя солдатами — никто не мог предположить, что кому-нибудь захочется проникнуть внутрь, и никто не был в состоянии выйти наружу. Итан только замедлил бег перед встречей с охранниками. Он возник перед ними неожиданно, нанеся по лицам мощные боковые удары, в результате чего они свалились мешками перед входом.

В больнице, окуренной бесполезным, пропитавшим все внутри фимиамом, царил самый

настоящий хаос. Помещения кишели истерически вопившими больными; куда ни повернись, взгляд натыкался на лежавшие вповалку тела, издававшие крики и стоны.

За столом, заваленным бумагами и коробками, снабженными ярлыками с вещами, принадлежавшими больным, Итан обнаружил злую монахиню.

— Я ищу свою жену, — выпалил он. — Мэдлин Маккаррик.

— Как вы попали сюда? — спросила она, подозрительно разглядывая его небритую, изуродованную шрамом физиономию. Вокруг глаз у нее были отчетливые круги, а на бровях и верхней губе виднелись капельки пота. Уже заражена. Итан огляделся вокруг — большинство монахинь были заражены.

— Особое разрешение по дипломатическим каналам, — нашелся он с ответом. Ему нужно сегодня же вывезти Мэдди из Франции, в противном случае власти спохватятся и станут их преследовать за то, что он напал на стражу и выкрал отсюда больную.

Услышав его ответ, монахиня нахмурилась, но достала и положила на стол объемистую книгу учета. Итана затрясло.

— Скажите мне, где она? — срывающимся голосом спросил он. Монахиня не торопилась с ответом, а он едва сдержался, чтобы не придушить ее.

— Мне жаль, месье, но вы опоздали.

Итан с трудом сглотнул подкативший к горлу комок.

— Она не... это ошибка.

Сквозь нараставший шум в ушах он едва постигал слова монахини:

— Ее соборовали на рассвете, и она вряд ли протянет до полудня.

Наверное, Итан выглядел совсем обезумевшим, поскольку монахиня вдруг съежилась.

— Значит, она не... — Он не смог вымолвить это слово.

— Она в помещении для умирающих. — Взгляд перепуганной женщины метнулся в сторону затемненного прохода к расположенной в глубине палате. — Но, месье, попав туда, они...

Итан уже бегом направлялся в ту комнату. Оказавшись в палате, он растерянно огляделся. Сколько же здесь коек! Глядя, как умирают родители, кричали дети, тоже отмеченные печатью болезни. Мысль о том, что его Мэдди находится здесь...

Нет, нельзя думать об этом!

«Нужно сосредоточиться... сохраняй ясность ума, думай!»

Итан переходил от кровати к кровати, выкрикивая имя Мэдлин, и срывал простыни с закрытых тел, вид которых был ужасен. Искажённые черты лица, расходящиеся от выпученных глаз четкие темные круги.

Он разглядел маленькую фигурку в самом углу, свернувшуюся в тугий клубок под простыней. Мэдди? Они не стали бы закрывать ее лицо, если только... Ради Бога, не могла же она умереть здесь одна, да еще в таком странном положении.

Хотя она-то могла, ведь, сколько ударов ей пришлось перенести.

Итан ринулся в тот угол, смутно различая ее фигуру на кровати. Отер лицо рукавом, протер глаза — прояснилось. Оказавшись у кровати, судорожно сглотнул, откинул простыню и рухнул на колени.

— Ах, Господи, Мэдди. — На ее бледном лице с бледными же губами выделялись темные тени вокруг закрытых глаз.

Мэдди лежала не шевелясь. «Она не может...» Он уткнулся лицом в ее шею. Теплая. Нащупал ее запястье и затаил дыхание, пока не ощутил слабый пульс.

— Просыпайся, ангелочек мой. — Итан прижал ее к груди, но тело было обмякшим. На простыне и на ее рубашке засохла кровь.

Заболев, Мэдди стала странно воспринимать действительность. Она признавала все, что с ней происходило, и даже терзавшая ее час за часом горячка не давала впасть в полное забытие.

Она признавала, что умерла Беа, и страдала по поводу ее смерти. Снова и снова перед ее глазами вставало искаженное застывшей гримасой боли когда-то прекрасное лицо несчастной.

Сознавала, что Коррин яростно пыталась отбить ее, уже совсем больную, у солдат, увозивших ее. Вспоминая, как Коррин кричала и дралась, Мэдди опасалась, что ее могли ранить или арестовать.

И еще Мэдди признавала, что при всех обрушившихся на нее невзгодах ей отчаянно не хватало рядом Итана.

И вдруг ей показалось, что он появился здесь, будто она по волшебству вызвала его

своими мыслями. Ясно представляя его рядом в течение довольно продолжительного времени, Мэдди вдруг показалось, что он опустился на колени. Оставаясь в своих мечтах, она почувствовала прикосновение его небритой щеки к шее, влагу, проступившую на его глазах, подушечки его пальцев на своем лбу.

Это казалось настолько реальным, что она попыталась открыть глаза и искоса взглянуть на происходящее, но даже тусклый свет отдавался резью в глазах. Она явно галлюцинировала, поскольку Итан никак не мог появиться в этой промозглой холерной палате.

— Сон? — прошептала она.

— Нет, Мэдди. — У него дрогнул голос. — Я здесь, с тобой.

О Боже, это был Итан, хотя выглядел сильно изменившимся. Лицо у него осунулось, глаза полыхали невиданным ранее огнем.

Но как он отважился последовать за ней сюда? Притом, что она все равно уже умирает? Зря он это сделал. Мэдди судорожно вздохнула:

— Тебе нужно... уйти.

— Без тебя не уйду. Я сейчас же заберу тебя отсюда.

— Уходи... пожалуйста. Они пристрелят тебя. Тебе сюда нельзя приходить.

— Пойми меня, — умоляюще обратился к ней Итан. — Я все еще твой муж и имею, черт побери, право даже умереть, спасая тебя.

«Нет, это точно не сон...»

Ее крутой Шотландец продолжал строить из себя героя и при этом ругался, как пьяный матрос.

— Но, Итан, я уми...

— Ты не умрешь! — Он прижал к груди ее голову. — Только ты держись!

— Думаю... уже слишком поздно, — прошептала Мэдди. Ухватив за подбородок, он повернул к себе ее лицо. Он был бледен. Горевшие лихорадочным огнем глаза сверлили ее.

— Это не так! Черт возьми, Мэдди Маккаррик, мы еще проживем вместе. Поверь мне. — Глаза у него были влажными, капельки слез дрожали на ресницах. — Девочка моя, я так сильно люблю тебя. Это не может кончиться вот так.

Его слова пролились бальзамом на душу Мэдди, и страх покинул ее. Начали проклевываться ростки надежды.

— Держись за меня. — Две руки бережно подхватили ее. Но куда и как они могут скрыться? — Просто оставайся со мной, Мэдди, девочка моя. — Она ощутила тепло и его запах, когда он, закутав в свое пальто, взял ее на руки. Постоянные стоны, наконец, прекратились, крики стихли.

Итан понес ее, ускоряя шаг, и Мэдди услышала крик одной из монахинь:

— Зараженным запрещено покидать пределы больницы!

— Мы за пределами больницы? — Мэдди снова приоткрыла глаза и обнаружила, что они выходят наружу, в ночь...

— Движение ей противопоказано, вы убиваете ее! — крикнула другая монахиня.

Но Итану так же хотелось вытащить ее на свободу, как Мэдди — покинуть это место. Она жутко боялась умереть здесь и быть сожженной вместе с кучей других тел.

Она услышала, как Итан сказал:

— Посторонись. — Оцепенев, она смотрела, как он достал пистолет и взвел курок. — Убью любого, кто встанет на моем пути. Причем сделаю это с удовольствием.

Потом... она ощутила дуновение прохладного ночного воздуха.

— Мы едем домой, девочка, — пробормотал он, наклонившись к ней.

Как только Итан вынес ее за порог этого адского узилища, сознание покинуло ее, и она провалилась в темноту.

Пока Итан обертывал тело Мэдди мокрой простыней, ему было слышно, как в соседней комнате Фиона тихо переговаривалась с врачами.

Прошло два дня с тех пор, как Итан привез сюда Мэдлин.

Он просил Куина проследить за тем, чтобы его дом на Гросвенор-сквер был пуст к моменту его возвращения, но Фиона отказалась уезжать и вынудила Куина рассказать ей обо всем. Затем она собрала обширный консилиум лондонских врачей и пригласила сиделок для ухода за супругой Итана, о которой он даже не удосужился рассказать ей.

По прошествии двух дней, несмотря на усилия всех приглашенных Фионой врачей, Мэдди все еще была такой бледной, будто из ее тела выкачали всю кровь. Она тяжело дышала и металась в беспокойном сне. Сегодня вечером у нее опять был жар.

— Я сделаю все, чтобы она выздоровела, — заявил Итан врачам, но при этом знал, как низко они расценивали шансы Мэдди. А после того как он рассказал им о возможной беременности и о том, что обнаружил кровь на ее рубашке и на простыне в изоляторе, врачи решили, что она, по-видимому, потеряла ребенка, и это еще больше ослабило ее.

Фиона попыталась его успокоить:

— Не беспокойся, сынок, у нее еще будут дети, пусть только...

— Думаешь, это беспокоит меня? — вскипел Итан. — Нет, меня волнует только ее жизнь.

Тело Мэдди приняло его семя, и было готово одарить ребенком. Но его постоянное вранье отпугнуло ее, вынудило бежать прямо в ад, и сейчас она находится между жизнью и смертью.

Когда у него впервые появилось опасение, что они потеряли ребенка, внутренний голос шепнул ему: «Возможно, это из-за проклятия». Но здравый смысл подсказывал, что проклятие здесь ни при чем. Легче всего было бы свалить все на проклятие. Нет, его необдуманные поступки привели к такому развитию событий, и он вполне осознавал свою вину.

Час за часом Итан сидел у изголовья кровати, следя за тем, как поднимается и опадает ее грудь, страстно желая, чтобы она не сдавалась... еще один вдох... еще один выдох...

Между провалами в горячее забытие, которые, казалось, длились сутками, она слышала, как Итан разговаривал с ней.

Хриплым голосом умолял ее:

— Мэдди, девочка, не покидай меня. А иногда безапелляционно заявлял:

— Тебе никогда не отделаться от меня, — и добавлял, чтобы смягчить впечатление: — Так что лучше... оставайся со мной.

Иногда начинал ругать ее, и при этом кричал так громко, что ей казалось, будто от крика сотрясалась кровать:

— Ты не можешь так поступать. Забери мое проклятое сердце, а потом можешь уходить! Думаешь, я не последую за тобой?

Мэдди знала, что он постоянно находится рядом, чувствовала все его движения и воспринимала слова, но не могла поднять тяжелые веки или заговорить.

Ночами, крепко обнимая, он грел ее и шептал ей в волосы:

— Тебе ведь нравится идти наперекор. Тогда докажи всем, что они не правы, и

поправляйся. — Он стискивал ее бедро. — Девочка моя, они не знают, какая ты у меня сильная.

Иногда она слышала другие голоса — наверное, врачей, а временами — голос пожилой женщины с шотландским акцентом.

Как раз сейчас женщина говорила:

— Итан, эти врачи делают все возможное.

— Этого недостаточно, — рявкнул он в ответ, а потом обложил этих врачей такой бранью, какой Мэдди в жизни не слышала. Это произошло сразу после того, как он вытолкал их из комнаты и захлопнул дверь, в результате чего Мэдди обдало волной прохладного воздуха.

В конце концов, ее веки перестали казаться слишком тяжелыми, так что она смогла открыть глаза. Несколько секунд из-за света она моргала и шурилась. Потом она распознала зыбкую фигуру Итана у кровати, но ей пришлось некоторое время ждать, пока не сфокусируется зрение.

Он приглаживал рукой растрепанную шевелюру, в то время как его хмуро разглядывала красивая рыжеволосая дама.

— Она скоро очнется, Итан. Горячка пошла на убыль.

— Они еще вчера говорили это. А она до сих пор не очнулась!

— Если бедная девочка сейчас придет в себя, ты ее до смерти напугаешь. Уже сколько дней не бреешься и не меняешь одежду. Выглядишь полубезумным.

— Находишь меня полубезумным? Что ж, я на грани. Итан зашагал по комнате.

— Ты должен успокоиться, — сказала она. — То, что ты злишься на врачей, не поможет твоей жене. — Она скользнула взглядом по Мэдди, отвела глаза и тут же снова вперила взор в ее лицо. — Но такое громыхание дверью может разбудить ее.

— Что ты?.. — Плечи Итана напряглись. — Ты хочешь сказать, она?..

— Ты не говорил, что у нее прекрасные синие глаза. Обернись, сын.

Итан резко повернулся назад и навис над кроватью. Мэдди ошеломленно посмотрела на него.

Женщина сказала что-то по-гэльски, и Итан, нахмурившись, провел рукой по своей бороде, затем замер и сдвинул брови.

Сколько времени он провел с ней?

Итан с таким страстным желанием смотрел на нее, но, похоже, пересилил себя и попятился назад.

— Тебе нужно попить, — вдруг сказал он, бросившись к стоявшему неподалеку кувшину. Она слышала звяканье кувшина о стакан, пока он наливал для нее питье.

Дама бросила неодобрительный взгляд в сторону Итана, потом обратилась к Мэдди:

— Меня зовут леди Фиона, я твоя свекровь, и я очень рада сегодняшнему знакомству с тобой.

Итан вернулся к кровати со стаканом.

— Где я? — спросила Мэдди.

Он приподнял ее голову, чтобы удобнее было пить.

— Ты в Лондоне, в нашем городском доме. — Мэдди жадно припала к стакану и, похоже, не успевала глотать. — Полегче, — пробормотал он.

Когда Итан убрал почти опустевший стакан, Мэдди спросила:

— Коррин?

— Я не смог найти ее, но мои люди ищут в Париже. Мэдди, я не думаю, что она заболела.

Мэдди озабоченно прикрыла глаза, но тут же открыла, испугавшись, что может снова заснуть. Итан потер шею.

— Но Беа...

— Ее нет, — прошептала она. — Я знаю.

Леди Фиона сказала что-то на гэльском языке, потом перешла на английский:

— Итан, почему бы тебе, не пойти и не привести себя в порядок, пока я пообщаюсь со своей невесткой?

Итан постоял в нерешительности, потом они с матерью, похоже, обменялись взглядами.

— Очень рад, что тебе лучше, девочка, — угрюмо пробормотал он, прежде чем повернуться к двери. Когда он покидал комнату, Мэдди показалось, что он вытер глаза рукавом. «О, Итан».

После его ухода леди Фиона заметила:

— Сказать, что он беспокоился о тебе, — значит, ничего не сказать. — Она присела на край кровати. — Думаю, у тебя накопилось много вопросов...

— Я ведь никого здесь не заразила, правда?

— Никого. Никким образом. Чтобы перестраховаться, я задержусь в этом доме еще на неделю. Надеюсь, ты любишь играть в карты, — сухо добавила она.

— Я... Леди Фиона, я потеряла ребенка, да? — спросила Мэдди, покусывая нижнюю губу.

Фиона пригладила волосы Мэдди и отвела их со лба.

— Да, но все присутствующие доктора сошлись во мнении, что ты сможешь еще иметь детей.

Она знала, что у нее был выкидыш, но, все же, услышав это, ощутила глубокую скорбь.

— А Итан не... он здоров?

— Он нехорошо выглядит, но не из-за болезни. Думаю, он совсем не спал всю эту неделю. Он слишком горячо любит тебя. Я счастлива, что вы сможете быть вместе и начать все сначала.

У Мэдди опять отяжелели веки.

— Леди Фиона, я не знаю, что вам рассказали...

— Девочка, я знаю все. Но пойми, он изменился. Я говорю это не как мать, а как одна женщина другой... когда такой человек, как Итан, наконец, влюбляется, это навсегда.

Проклятие!

Снова порезался. Ужасно тряслись руки, а Фиона хотела, чтобы он побрился и вымылся. Сказала, что напугал жену своим видом.

Возможно, и напугал, когда боролся с искушением сжать ее в объятиях. Тогда Мэдди ошеломленно смотрела на него, широко раскрытые синие глаза резко выделялись на ее бледном лице.

Единственное, что он смог сделать в этой ситуации, это заставить себя выйти из комнаты. Но раньше мать предлагала ему поговорить с Мэдди наедине, когда она очнется. Фиона тогда сказала, что Мэдди едва ли что-то знает о ребенке.

Итану хотелось верить в это.

Снова порезавшись, он бросил бритву. Упершись руками в тазик, свесил голову.

Только бы она не знала.

На нее и так столько навалилось всего: его предательство, смерть Беа, исчезновение Коррин, сколько еще она сможет вытерпеть?

Долго ли его мать пробудет с Мэдди?

Итан не мог больше находиться в стороне от нее. Он быстро оделся и поспешил назад, в спальню. Войдя в комнату, он отметил, что веки у Мэдди стали тяжелыми, будто она боролась с сонливостью.

Он сразу присел на кровать рядом с ней, и она, подняв ослабевшую руку, погладила порез на его щеке. Перехватив маленькую руку, Итан поцеловал ладонь. Она тут же закрыла глаза.

— Она уже заснула, Итан, — сказала Фиона.

— Она знает о ребенке? — «Скажи «нет»...»

— Да, знает. Но должна заметить, она сильная. Она оправится от всего этого, если ты поможешь ей.

Может быть, Мэдди не захочет принять от него помощь, вообще не захочет иметь с ним дело.

— Она говорила что-нибудь обо мне? — спросил он угрюмо, с оттенком безнадежности в голосе. — О прошлом?

— Затрагивала эту тему. Но она любит тебя, сынок. Я вижу это. Ты сможешь снова завоевать ее.

Никогда он больше не будет злиться на Фиону за то, что она говорила и делала в первые часы после смерти отца. Если бы Мэдди вдруг... Итан вздрогнул и зажмурился.

— Я хочу, чтобы ты ушла.

Фиона вышла, не промолвив ни слова.

Как раз, перед тем как он сломался и дал волю чувствам.

В последние пять дней Итан каждую ночь тихо прокрадывался в ее комнату и ложился рядом, а по утрам так же незаметно уходил. То, что ее свирепый горец страстно желал спать с ней, импонировало ей, но потом стало раздражать.

Каждый раз, когда Мэдди пыталась поговорить с ним о том, что произошло, он уклонялся, явно полагая, что она еще недостаточно окрепла для выслушивания его признаний по прошествии всего шести дней после выхода из кризиса. Но теперь, когда дела пошли на поправку, она выздоравливала быстро. Сегодня она большую часть дня провела в сидячем положении, играя в карты с леди Фионой, которая завтра собиралась отправиться назад в Шотландию.

Ей по-настоящему нравилась леди Фиона, нравилось, что она все еще распекала Итана. Тот огрызался, но Мэдди чувствовала, что если между ними и был какой-то конфликт, то он уже разрешился.

Мэдди хотела внести ясность и в их отношения с Итаном независимо от того, к какой развязке это приведет. Главное — определиться в отношениях, чтобы она смогла, наконец, разобраться во всем, что ей стало известно.

В эту ночь она решила не спать и дожидаться его появления. Он пришел сразу после полуночи и потихоньку разделся. Как только он собрался скользнуть под одеяло и лечь рядом, она сказала:

— Итан, ты не думаешь, что пришло время обсудить то, что произошло?

— Да, полагаю, пора, — ответил он, тяжело вздохнув. Без особого энтузиазма натянул штаны и зажег свет. Он помог ей сесть, подложив под спину подушки, и подтянув стул, сел рядом. — Как ты узнала?

— Я написала письмо управляющему Айвли с просьбой разрешить нам посетить усадьбу, поскольку хотела показать тебе, где я выросла. Но оказалось, что ты не только бывал в Айвли-Холле, но и в течение многих лет был его владельцем, с тех пор как умер мой отец.

— Да, я выкупил его долги, включая залог Айвли.

— Значит, ты действительно вынашивал план мести в отношении моей семьи. Расскажешь мне, из-за чего?

— А к какому выводу пришла ты?

— Я думаю... я думаю, мой отец застал тебя в постели с моей матерью. Наверное, именно ты был с ней в Айвли той ночью.

— Я даже не касался ее! — страстно возразил Итан. — Я действительно поехал на встречу с ней, но у меня возникло дурное предчувствие, и я попытался уйти.

Мэдди изогнула бровь:

— У тебя вошло в привычку, ходить на любовные свидания, а потом прерывать их? Как с трактирщицами?

— У меня появилось предубеждение против Сильвии, и я решил не касаться ее. У меня было достаточно других женщин. Я долго шел к тебе.

— Что произошло той ночью, Итан?

Он провел рукой по перекошенному лицу.

— Если я стану оправдываться, то только выставлю в дурном свете твоих родителей.

— Мне нужно услышать это, — настаивала Мэдди. — Я должна знать, что случилось. Его брови сошлись на переносице. Боль в его глазах поразила ее.

— Тогда я расскажу, хотя мне это неприятно. — Он нехотя описал события той ночи — ложь, слабость и невообразимую злобу.

Он поведал, как Сильвия пригласила его, подробно написала адрес, а потом обвинила в попытке изнасилования, и это потрясло Мэдди. А когда рассказывал, как Браймер резал его, слезы сами по себе покатались по ее щекам.

Итан был несправедливо обвинен, избит и изуродован, пока Мэдди мирно спала рядом.

Ее отец допустил это. Браймер с садистским удовольствием издевался над ним, а в это время мать отсиживалась дома и ничего не предпринимала, хотя знала, что молодого человека подвергают пыткам в их конюшне.

— О Боже, — прошептала Мэдди, проникнувшись трагизмом его откровений. — Итан, я так сожалею...

— Не смей извиняться за них! Ты здесь совершенно ни при чем. Я ошибался, думая иначе. И не жалею меня. Я оплатил им, как ты знаешь. Скупил долги твоего отца и предъявил их до срока к оплате, — хриплым голосом заявил Итан. — Востребовал их тогда же. По моей вине ты потеряла свой дом.

— Это все равно произошло бы со временем, или все это сделал ты?

Он стиснул челюсти и не стал отвечать, а она просто замерла, затаив дыхание.

«О, это, должно быть, шутка». Она знала, что у них были долги, денежные трудности. Помнила, как родители ссорились из-за денег, матери всегда было мало. Мэдди, вероятно, оказалась бы в Марэ и без вмешательства Итана.

— А как ты отомстил Браймеру? Убил его? — Да.

Она одобрительно кивнула. Представив себе, как этот человек подвесил Итана и, ухмыляясь, приставил к его лицу нож, Мэдди, содрогнувшись.

— А Талли? — нервно спросила она. Она помнила, что тот был всегда добр к ней.

— Я пощадил его.

Она облегченно вздохнула, и не только из-за Талли, но и из-за осознания того, что Итан мог проявлять милосердие, если оно было оправданно.

— А как же со мной? Ты вернулся за мной только для того, чтобы причинить мне еще больше вреда?

— Я пытался убедить себя, что поступаю так только из-за мести, но никак не мог сознательно причинить тебе вред. Может быть, тебе будет приятно узнать, что мой зловещий план мести обернулся против меня же. — Итан наклонился вперед, уперев локти в колени. — Мэдди, я с самого начала влюбился в тебя.

— Неужели мы по-настоящему женаты?

Он недоуменно посмотрел на нее, будто его шокировало сомнение на этот счет.

— Конечно, черт побери!

— А тот вечер, когда был маскарад, тоже входил в твой план?

Итан замотал головой:

— Я узнал, кто ты, только на следующее утро. Ей в голову пришла еще одна мысль.

— А как насчет Ледо? Ты имеешь какое-то отношение к его решению? — прищурившись, спросила Мэдди.

Поколебавшись, Итан признался:

— Да, я не хотел, чтобы ты обручилась с кем-то прежде, чем я вернусь за тобой.

— Снова ложь? Есть еще что-нибудь, о чем я должна знать? Какие еще тайны ты скрываешь от меня?

— Есть еще тайны. Десяти лет хватило на достаточное количество нехороших поступков. Не хочется обременять тебя деталями, если ты, конечно, не будешь настаивать, но знай, что действовал я так, чтобы, в конце концов, восторжествовало добро. А иногда... я даже делал то, чем ты могла бы гордиться.

Мэдди знала, что он мог совершать геройские поступки, когда хотел, а мог также поступать как негодяй. Она потеряла виски.

— Пожалуй, хватит с тебя, — тут же встревожено сказал Итан. — У тебя голова болит?

— Со мной будет все в порядке. Я просто хочу покончить со всем этим. Хочешь еще что-то рассказать мне? — спросила она ослабевшим голосом, надеясь, что ему нечего добавить.

Он вздохнул:

— Мэдди, я понимаю, что обидел тебя. Как думаешь, ты сможешь простить меня? Не сию минуту, но, может быть, со временем?

— Как я могу после всей той лжи поверить, что ты говоришь сейчас правду? Дай мне основание, Итан. Я хочу поверить.

Он пригладил пальцами волосы.

— Я не знаю, почему ты должна верить мне или простить меня, разве только потому, что... я люблю тебя, — угрюмо сказал он. — Скажи, что я должен сделать, чтобы вернуть тебя, и я сделаю.

Казалось, тысяча разных чувств, вступивших в борьбу за первенство, нахлынула на нее. Она все еще таила обиду на Итана за обман. Но также испытывала стыд и разочарование в отношении поступков своих родителей.

Кроме того, Мэдди испытывала неловкость за то, что ничего не желала знать об этом, лишь бы и дальше жить вместе.

Но более всего ее донимала... усталость.

— Прежде чем принимать какое-то решение, я хочу выздороветь, набраться сил. — При этом ее влекло только в одно место. — Отвези меня в Карийон.

Мэдди тосковала по этому месту, страстно хотела вернуться к той жизни, какую вела здесь, в Карийоне. Прошло несколько недель с тех пор, как она находилась в поместье, но это была совсем не та жизнь, что прежде.

Сидя перед зеркалом и расчесывая на ночь волосы, Мэдди размышляла о проведенном здесь времени. Напряженные отношения с Итаном выматывали ее. Он держался холодно. Она испытывала неловкость. Похоже, они не знали, как вести себя при общении друг с другом.

Каждый раз, когда она гуляла по саду, набираясь сил на свежем воздухе и радуясь новым цветам и росткам, она чувствовала, что он следит за ней, чуть ли не осязала его страстное желание. Как-то она ощутила себя достаточно окрепшей, чтобы покататься на своей лошади, и Итан составил ей компанию, держась, все время рядом и оставаясь молчаливым спутником. Если Мэдди останавливалась, желая нарвать цветов, он бросался к ней, чтобы помочь слезть с седла. Поддерживая ее, он раз за разом все дольше удерживал ее в своих руках, пожирая глазами с высоты своего роста.

А на этой неделе, когда Итан получил известие, что Коррин нашли и она направляется к

ним, в Карион, Мэдди так обрадовалась, что обняла его. Похоже, ему совсем не хотелось выпускать ее из объятий, даже когда она попыталась высвободиться. В конце концов, он отпустил ее, но замкнулся и, видимо, обиделся.

Оказалось, что Коррин потеряла сознание от удара, когда яростно дралась за Мэдди, после чего покидавшие город друзья вывезли ее с собой. Но сейчас у нее все в порядке и она уже на пути сюда. Беспокойство за Коррин долгое время тяготило Мэдди, а теперь эта тяжесть спала.

С каждым днем Мэдди все яснее представляла себе, какое будущее устроило бы ее. Она хотела поговорить с Итаном о принятом решении, но он, видимо, предпочитал уклоняться от обсуждения. Каждый раз, когда она подходила с серьезным выражением лица, его охватывала тревога, и он менял тему разговора или покидал комнату.

Ее крутой горец, похоже, испытывал неуверенность, а Мэдди, в свою очередь, не знала, как вести себя с ним.

Она с вздохом встала из-за туалетного столика и легла в просторную пустую кровать. Ей мучительно не хватало его, и она с трудом заснула.

Иногда ночами снаружи начинал громыхать гром, и Мэдди, задыхаясь, подскакивала в кровати. По щекам у нее текли слезы, вызванные самыми кошмарными снами изо всех, какие ей когда-либо снились.

Ей снилось, что она оказалась одна на побережье и никак не могла найти Итана. Шла по берегу и, огибая скалы, с каждым поворотом все больше удалялась от него, несмотря на то, что ей очень хотелось его найти...

Вот и сейчас сверкнула молния. Надвигалась гроза, и на нее накатила паника. Мэдди встала с кровати. Неужели Итан не слышал ее крик?

Она поспешила в его комнату, но его там не было. С нарастающей тревогой рыскала она по дому в поисках Итана, пока не заметила свет в оранжерее. Мэдди сбежала вниз по лестнице и по крытой дорожке направилась туда.

Внутри громко шумел котел. Она знала, что Итан сможет наладить его! Но где же он? Переведя дух, она крикнула:

— Итан?

Издав протяжный свист, котел смолк, и из-под него показался Итан. Уронив на пол инструменты, он бросился к ней.

— Что случилось? — тревожно спросил он, схватив ее за плечи.

— Н-ничего... — Она чувствовала себя глупо в сложившейся ситуации. Вела себя как испуганная девчонка.

— Из-за грозы, да? — Он поднял лицо к стеклянному потолку. — Я ничего не слышал из-за шума.

— Наверное. Что ты здесь делаешь так поздно?

— Хотел сделать тебе сюрприз — наладить, наконец, эту штуковину. — Он погладил ее плечи. — Что тебя беспокоит, девочка? Скажи мне.

Она посмотрела на него и неожиданно для себя сказала:

— Что случилось с нами? Что мы делаем?

— Хочешь правду? — спросил Итан, нежно проведя пальцем по ее щеке.

— Правду, — решительно кивнув, ответила она. Он вздохнул:

— Я даю тебе время разобраться во всем, потому что... жутко боюсь, что ты скажешь о желании уехать от меня.

— Уехать? Разве я собиралась куда-то?

— А ты не хочешь? У тебя теперь есть собственное поместье. И ты говорила, что, как только окрепнешь, примешь окончательное решение по поводу наших отношений.

— Почему же ты ничего не говорил?

— Я не хочу, чтобы ты уехала. Я, правда, не хочу этого. Но и не хочу влиять на твое решение. После всего происшедшего: смерти Беа и ребенка, — все считают, что ты испытала слишком сильное потрясение, и мне сказали, что я невольно оказываю на тебя нежелательное давление, принуждая поступить так, как мне хотелось бы. А я не хочу подталкивать тебя к решению, о котором ты можешь потом пожалеть. — Перехватив ее взгляд, Итан добавил: — Для меня это не мимолетное увлечение.

— А если я пыталась сказать тебе, что решила предоставить нам еще один шанс? Что я хочу остаться здесь, в Каррикклиффе или в другом месте, где мы могли бы начать все сначала?

Итан посмотрел на нее так, словно она ударила его, и опустил руки.

— Даже после всего, что ты узнала?

— Послушай, Итан, я признаю, что у меня еще есть вопросы, остались кое-какие страхи. Но не думаю, что нам нужно обязательно разобраться во всем до того, как я... получу назад своего мужа. А я очень хочу, чтобы мой муж вернулся ко мне.

— Ты... — у него сорвался голос, — значит, ты остаешься со мной?

— Моя жизнь связана с тобой. Я просто хочу вернуться в ту жизнь. Имей в виду, нам все еще предстоит довести дело до конца, но ты заслужил этот шанс.

— Как? Ты прощаешь меня? Были моменты, когда мне это казалось невозможным.

— С каждым днем, проведенным здесь, многое становилось яснее, — пробормотала Мэдди, в то время как дождь забарабанил по стеклянной крыше. — Для того чтобы простить тебя, достаточно было вспомнить, как самоотверженно ты ринулся в ад, чтобы спасти меня. А потом я вспомнила, как приятно нам было в те славные дни, когда мы были вместе. — Она обняла его за шею и, поддавшись безудержному порыву, слегка прижалась к его теплему и твердому телу. У них участилось дыхание, проснулась страсть, в то время как снаружи нарастал шум набравшего силу шторма. — Как тебе нравится такое начало?

Итан обхватил большой ладонью ее затылок, от чего она всегда таяла.

— Если это означает, что ты возвращаешься ко мне, то мне это нравится. — Другая его рука скользнула за спину и начала нежно мять ее ягодицы.

Не на шутку разыгравшийся снаружи ливень заливал стекла оранжереи потоками воды, но Мэдди, как ни странно, было совсем не страшно. Почему-то на этот раз гроза не представлялась ей концом света. Ей казалось, что разбушевавшаяся стихия отражает интенсивность вновь вспыхнувшего между ними чувства. Его черные глаза сулили жаркое и основательное слияние, и она знала, что ее глаза умоляли его именно об этом.

Итан приподнял согнутым пальцем ее подбородок.

— На этот раз, надеюсь, я правильно понял тебя.

— Уверена в этом, Шотландец. — Мэдди подняла на него глаза, вложив во взгляд всю любовь, какую испытывала к нему. — Поэтому ты остаешься той темной лошадкой, на которую я ставлю.

— Ну вот, ты уже смотришь на меня как раньше. Ведь муж может и привыкнуть к таким взглядам.

— Бьюсь об заклад, что придется, — улыбнувшись, ответила она.

Карриклифф, Шотландия

Пасхальное воскресенье 1865 года

Итан Маккаррик был старшим братом и главой процветающей семьи.

Он удобно расположился в тени старого дуба, откуда обзирал раскинувшуюся перед ним обширную поляну. Здесь были все: его мать, братья, а также их жены и дети. Все присоединились к ним с Мэдди по случаю состоявшихся на Пасху крестин.

Мэдди смеялась, сидя на одеяле с двумя старшими из их трех изумительных детей. У всех детей были ярко-синие глаза и черные волосы.

Их первому сыну Литу, появление на свет которого отняло у Итана несколько лет жизни, хотя Мэдди не находила роды такими уж трудными, шел уже седьмой год. Он был умным, как его мать, и крупнее многих двенадцатилетних ребят. Трехлетняя Катриона была маленьким бесенком с тонкими, как у матери, чертами лица, которая уже научилась вызывать жалость к себе. Третьего, младенца, Итан прижимал к себе. Почему-то малыш лучше засыпал именно у него на руках. Они назвали его Ниллом, в честь одного из любимых необузданных двоюродных братьев Итана, который все еще совершал грабительские набеги на континентальную часть Европы с бывшей бандой наемников Корта.

Итан сдержанно отнесся к появлению первого сына в связи с тем, что Мэдди уделяла заботам о младенце слишком много времени, обделяя Итана своим вниманием. Потом сын начал плачем требовать его внимания и, как и мать, проявлял радость, когда Итан входил в комнату.

Никого из детей Итана не отпугивал шрам на его лице, и они ничего не знали о темном прошлом их отца.

Материнство было по душе Мэдди, и она в отличие от Сильвии была любящей и заботливой матерью. Она могла простить Сильвии отсутствие любви и заботы о ней, но только не то, как та поступила с Итаном.

Мэдди как-то призналась в этом Итану, и он понял, что она обрела с ним новую семью, и они готовы до последнего дыхания защищать друг друга и своих детей.

Они сыграли еще одну, грандиозную свадьбу здесь, в Карриклиффе, поскольку Итан хотел показать всем, какая у него очаровательная невеста. На торжествах присутствовали все Уэйленды, включая Куина, который не менее десяти раз напоминал Итану, что предупредил его о необходимости бережного отношения к Мэдди...

Перехватив устремленный на нее взгляд Итана, Мэдди одарила его своей неподражаемой улыбкой. От этой улыбки у него всегда учащалось сердцебиение. Он полагал, что любит ее сильнее, чем может выдержать его брэнное тело, но давно смирился с этим. Все ночи напролет крепко сжимал ее в объятиях, и сердцу становилось до боли тесно в груди.

Итан знал, что его братья и мать поражались тому, что он оказался таким любящим мужем и отцом. Братья могли находиться вдали от семей, а Итан не мог.

Хью с Джейн пока ограничились одним четырехлетним сыном и решили немного выждать до зачатия следующего ребенка. Хью непонятно почему захотел назвать своего сына в честь Итана, и Джейн, что не менее удивительно, позволила ему. Итан до сих пор

ломал голову по поводу этого их необъяснимого решения. Мальчик был для них светом в окошке, и они много путешествовали втроем. В замок приехали только из-за крестин Нилла.

У Корта с Аннелией было трое детей: сын Алекс и две дочери — малютка Фиона и только что начавшая ходить Элизабет, но на подходе был уже четвертый ребенок. Корт любил своих детей, и каждый раз клялся, что это будет последний. Аннелия только улыбалась и принималась за вязание.

Мать Итана восхищалась всеми своими внуками и внучками, на появление которых она никогда не рассчитывала, и часто говорила, что в каждом из них видела что-то, от их дедушки Лита. В настоящий момент пятеро из них устроили на поляне засаду на нее.

Мэдди покинула одеяло и подошла к Итану.

— Ну что, Нилл готов переместиться в колыбельку? — спросила она. — Или пора вызывать дополнительную помощь? — Коррин, старая подруга Мэдди, жила в их имении. Отказавшись от должности управляющей, она стала няней их детей. Коррин настолько искусно справлялась со своими обязанностями, что другие семьи, потеряв стыд, пытались увести ее от них.

— Он крепко спит, — сказал Итан, потом не удержался и, хихикнув, добавил: — Храпит, совсем как ты.

Она легонько ткнула его кулаком в грудь.

— Я не храплю, Шотландец. — Она взяла ребенка на руки и поцеловала на сон грядущий, прежде чем уложить в стоявшую рядом в тени колыбель. Итан раскрыл объятия ей навстречу, и она запросто уселась ему на колени. Он прижал Мэдди к себе. Она вздохнула:

— Я люблю тебя, Итан.

Он прильнул губами к ее нагретым солнцем волосам, с наслаждением вдыхая ее аромат.

— А я как люблю тебя, девочка. — Подумав немного, он спросил: — Если бы я прямо сейчас мог подарить тебе все, что угодно, что бы ты выбрала?

— Это просто. Вот эту жизнь. — Мэдди обвела рукой все вокруг: играющих детей и всю их семью, сильную и здоровую.

Он взял в ладони ее лицо, и ее синие глаза потеплели, едва она взглянула на него.

— Договорились, — сказал Итан, нежно целуя ее в губы. — Дарю все это тебе, Мэдди Маккаррик.

Больше книг на сайте — Knigolub.net